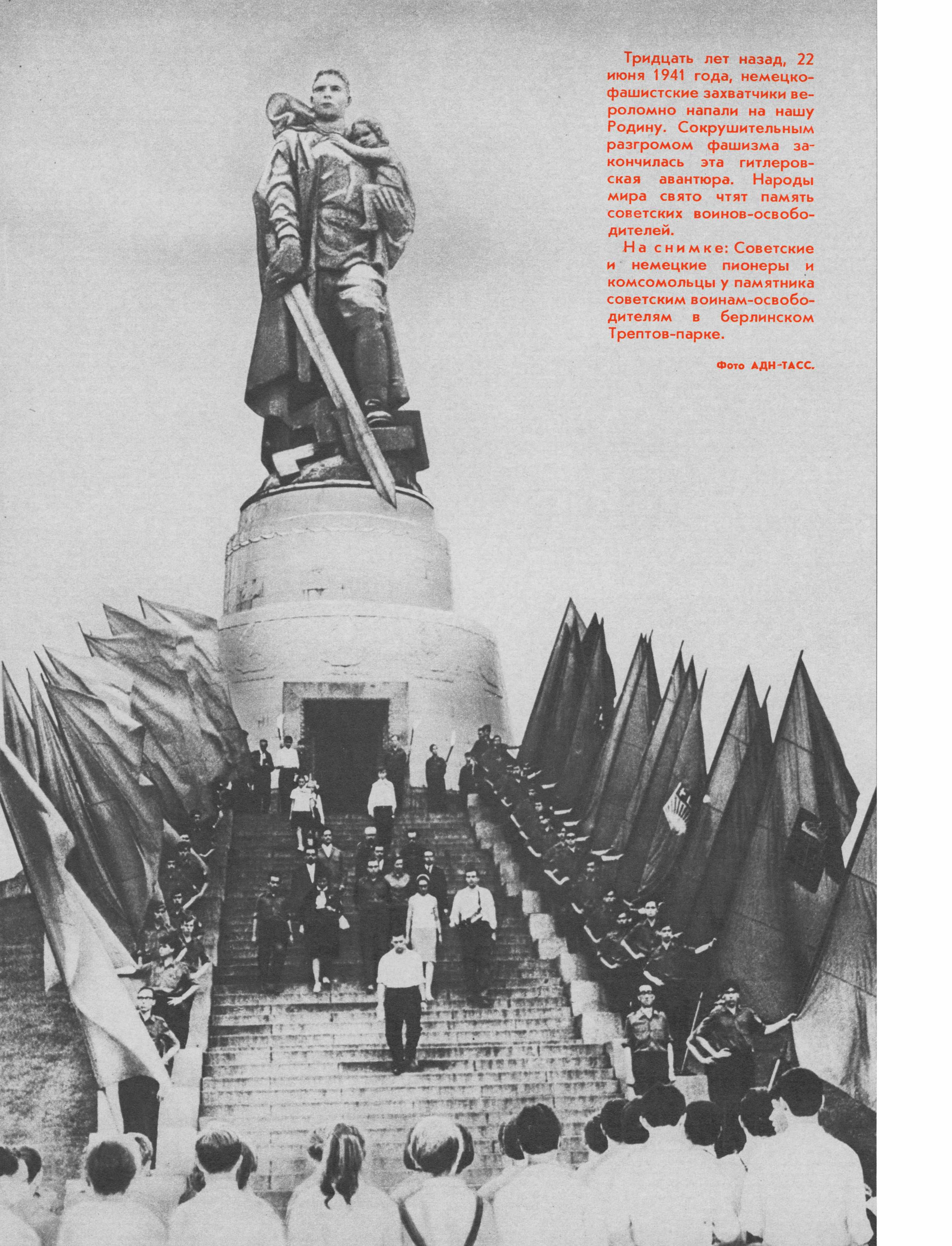

ГАИ
АВТОМОБИЛЬ,
ДОРОГА,
ВОДИТЕЛЬ
«ОГОНЕК» ПРОДОЛЖАЕТ
РАЗГОВОР НА ЭТУ ТЕМУ
ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

Тридцать лет назад, 22 июня 1941 года, немецко-фашистские захватчики вероломно напали на нашу Родину. Сокрушительным разгромом фашизма закончилась эта гитлеровская авантюра. Народы мира свято чтят память советских воинов-освободителей.

На снимке: Советские и немецкие пионеры и комсомольцы у памятника советским воинам-освободителям в берлинском Трептов-парке.

Фото АДН–ТАСС.

Берлин, 16 июня 1971 года. VIII съезд СЕПГ. На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Фото АДН — ТАСС.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ЕДИНСТВА

Завершил свою работу VIII съезд Социалистической единой партии Германии, который продолжался пять дней.

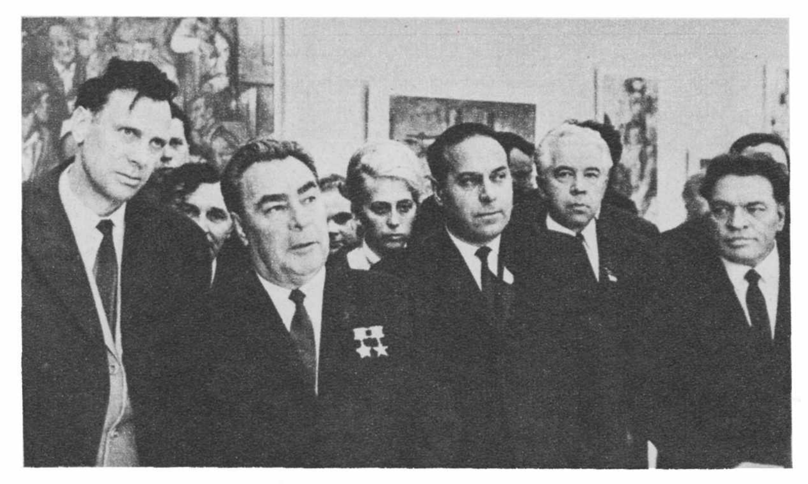
«Одно из больших преимуществ мировой системы социализма, нашего социалистического образа жизни,— заявил в своей речи на VIII съезде СЕПГ Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев,— состоит в том, что в ходе развития братских стран компартии внимательно изучают и используют положительный опыт друг друга. Опыт коммунистов Советского Союза, впервые проложивших путь социалистического развития, практика других стран, в том числе и ГДР, где широко ведется разработка проблем развитого социалистического общества,— все это вместе составляет коллективный опыт социализма, наше большое совместное богатство».

Съезд единодушно принял резолюцию по отчетному докладу

Берлин, 19 июня. Проводы делегации КПСС на аэродроме.

Телефото ТАСС

Берлин, 17 июня. Глава делегации КПСС на VIII съезде СЕПГ Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, члены делегации КПСС на VIII съезде СЕПГ — член ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев, член ЦК КПСС, посол СССР в ГДР П. А. Абрасимов, член ЦК КПСС, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Г. С. Золотухин во время осмотра художественной выставки, посвященной VIII съезду СЕПГ.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ЦК СЕПГ, директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства ГДР на 1971—1975 годы, а также решение о некоторых изменениях в уставе СЕПГ.

Делегаты съезда приняли заявления с требованием свободы и мира для народов Индокитая и справедливого и прочного мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

Состоялись выборы руководящих органов партии—Центрального Комитета и Центральной ревизионной комиссии. Первый пленум вновь избранного Центрального Комитета СЕПГ единодушно избрал Политбюро и секретариат ЦК СЕПГ. Первым секретарем Центрального Комитета избран тов. Эрих Хонеккер. Председателем СЕПГ избран тов. Вальтер Ульбрихт, который одновременно остается Председателем Государственного совета ГДР.

19 июня 1971 года товарищ Л. И. Брежнев, возглавлявший делегацию КПСС на VIII съезде СЕПГ, посетил тов. Вальтера Ульбрихта, находящегося на излечении. Между тов. Брежневым и тов. Ульбрихтом состоялась теплая, дружеская беседа. Тов. Брежнев пожелал тов. Ульбрихту быстрейшего выздоровления.

Выступая на заключительном заседании съезда, Первый секретарь ЦК СЕПГ тов. Эрих Хонеккер сказал, что VIII съезд СЕПГ вылился во вдохновляющую демонстрацию пролетарского интернационализма. Он подчеркнул, что Социалистическая единая партия Германии, рабочий класс, народ Германской Демократической Республики выполнят с честью свой интернациональный долг по отношению к Советскому Союзу и его славной ленинской Коммунистической партии, по отношению к братским странам и их коммунистическим партиям, по отношению ко всему международному революционному движению.

19 июня делегация КПСС возвратилась из Берлина в Москву.

В ИНТЕРЕСАХ СОТРУДНИЧЕСТВА

Москва, 15 июня 1971 года. Перед началом переговоров в Кремле.

Фото А. Устинова.

В Москве с официальным визитом по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства находился король Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева.

15 июня в Кремле состоялись переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и королем Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева.

В ходе переговоров, проходивших в теплой и дружественной обстановке, были обсуждены вопросы дальнейшего развития советско-непальских отношений, а также международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

С советской стороны в переговорах приняли участие: первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков и другие официальные лица.

С непальской стороны в переговорах участвовали министр иностранных дел Непала Гехендра Бахадур Раджбхандари и другие официальные лица, сопровождавшие короля Непала.

16 июня в Кремле состоялась встреча Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с королем Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева.

Король Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева ознакомился с жизнью советской столицы и совершил поездку по стране.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

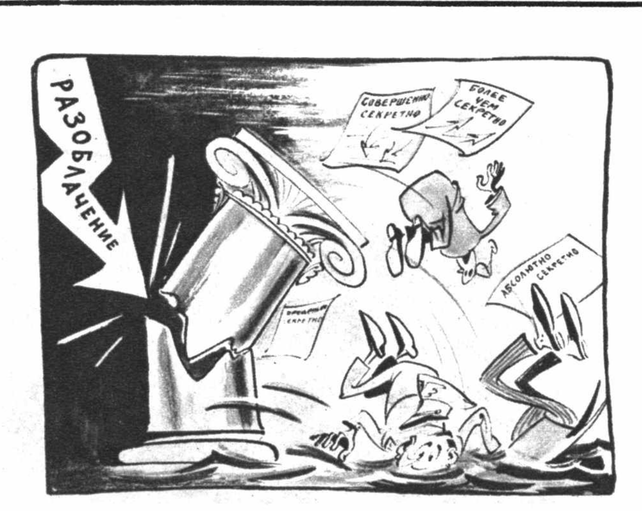
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (2295)

26 ИЮНЯ 1971

СНОВА С ПОЛИЧНЫМ

СКАНДАЛ В НЕБЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ.

Рисунок В. ЧЕРНИКОВА.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

17 июня Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил в Кремле Первому секретарю ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председателю Совета Министров Монгольской Народной Республики Ю. Цеденбалу орден Октябрьской Революции. Этой высокой награды Президиум Верховного Совета СССР удостоил его за заслуги в совместной борьбе с японскими милитаристами, а также в укреплении послевоенного сотрудничества и в связи с 50-летием образования монгольской Народной армии.

Вручив орден, Н. В. Подгорный сказал: «Монгольский народ идет навстречу славному 50-летию Монгольской народной революции, преисполненный решимости претворить в жизнь величественные задачи, которые поставлены во всех областях социалистического строительства состоявшимся недавно XVI съездом МНРП».

В ответном слове товарищ Ю. Цеденбал подчеркнул: «Дружба монгольского и советского народов скреплена кровью лучших сынов наших народов. Никакие силы не могут поколебать нерушимую чистосердечную дружбу наших народов.... Мы и впредь приложим все свои силы к тому, чтобы эта солнечная, чистая дружба укреплялась изо дня в день».

При вручении ордена присутствовали товарищи А. П. Кириленко, Д. С. Полянский, П. Н. Демичев, К. Ф. Катушев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, ответственные сотрудники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР.

На снимке: Н. В. Подгорный прикрепляет орден Октябрьской Революции Ю. Цеденбалу.

Фото В. Кунова. ТАСС

Секретные документы Пентагона и ЦРУ, часть которых опубликовала недавно «Нью-Йорк таймс», еще раз показали тесные связи правящих кругов США с самой махровой реакцией. Эти документы еще раз продемонстрировали всему миру, как Вашингтон обманывал американский народ и мировую общественность, развязав одну из самых подлых антинародных войн на Индокитайском полуострове. Как видно из сообщений печати, сейчас многие в Европе, Азии, Африке, Латинской Америке задают резонный вопрос: как вообще можно доверять словам американских руководителей, которые на протяжении столь длительного времени обманывали общественное мнение относительно подлинных целей своей индокитайской политики?

ЗАКАЛЕННЫЕ В КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

Валентин АЛЕКСАНДРОВ

Классовая борьба — величайший двигатель истории. Ее производными бывают и новые общественные системы и новые государства. Остановить классовую борьбу нельзя, ибо в ней выражается объективная закономерность смены отжившего передовым. Противоречия, вылившиеся в классовую борьбу, сильнее любых исторически сложившихся связей. Единство, утвердившееся в горниле классовых битв, делает общество могучим и монолитным.

Эти мысли невольно приходят на ум, когда размышляешь над ходом и итогами закончившегося недавно в Берлине VIII съезда СЕПГ. Съезд показал, что Социалистическая единая партия Германии уверенно и целеустремленно осуществляет руководящую роль в строительстве развитого социалистического общества. Вся атмосфера творческого, трудового подъема, в которой проходил съезд, свидетельствовала о глубоком уважении трудящихся ГДР к своей марксистско-ленинской партии, о сплоченности народа вокруг революционного авангарда страны.

Стабильный рост экономики, упрочение внешнеполитических позиций ГДР, словом, все, с чем СЕПГ пришла к VIII съезду, убедительно показывает, как рушатся замыслы международного империализма, планы западногерманской реакции подорвать социалистический строй в ГДР, отбросить трудящихся этой страны с позиций, завоеванных ими в упорной и длительной классовой борьбе.

Утверждение социализма в ГДР есть главный результат классовых битв и общественного развития на немецкой земле. Он ознаменовал не только выбор трудящимися ГДР самого передового строя, но и превращение этой страны в важный фактор мира и международной безопасности в Европе. VIII съезд СЕПГ своими решениями показал, что партия и народ, который она представляет, голосуют за мир.

Любой человек, задумывающийся над строительством Европы будущего, должен исходить из того, что в этом здании ГДР будет занимать самостоятельное и притом заметное место, ибо и сегодня она вносит значительный вклад в дело европейского мира. Это государство, развиваясь под руководством марксистско-ленинской партии, определенно и однозначно провозглашало еще в первые годы своего существования: нет — нацизму, нет — милитаризму, нет — реваншизму, нет — пропаганде войны.

Курс на мир, ставший политическим кредо ГДР, нашел свое яркое выражение и в работе VIII съезда СЕПГ. В отчетном докладе ЦК СЕПГ, с которым на съезде выступил Первый секретарь Центрального Комитета СЕПГ Э. Хонеккер, четко сформулирована концепция ГДР относительно вклада этой страны в обеспечение европейского мира. Следуя этой концепции, ГДР выступает за быстрейший созыв совещания по вопросам европейской безопасности, за вступление в ООН, за установление нормальных отношений со всеми государствами, за установление на основе международного права нормальных отношений с ФРГ, за нормализацию отношений с Западным Берлином.

Изложенная в отчетном докладе ЦК и принятая съездом СЕПГ концепция была с живейшим интересом встречена общественностью далеко за пределами ГДР. Такой интерес служит свидетельством роста понимания на западе Европы того факта, что социалистическое развитие ГДР носит необратимый характер и обанкротившуюся догму непризнания должен сменить реалистический курс установления равноправных международных отношений с этим государством.

Немалым стимулятором здравого подхода к ГДР служат ее несомненные успехи в дальнейшем подъеме экономики. ГДР — сильное современное государство, входящее в десятку наиболее развитых в мире. Намеченные VIII съездом СЕПГ планы выражают тенденцию к новому значительному росту народного хозяйства.

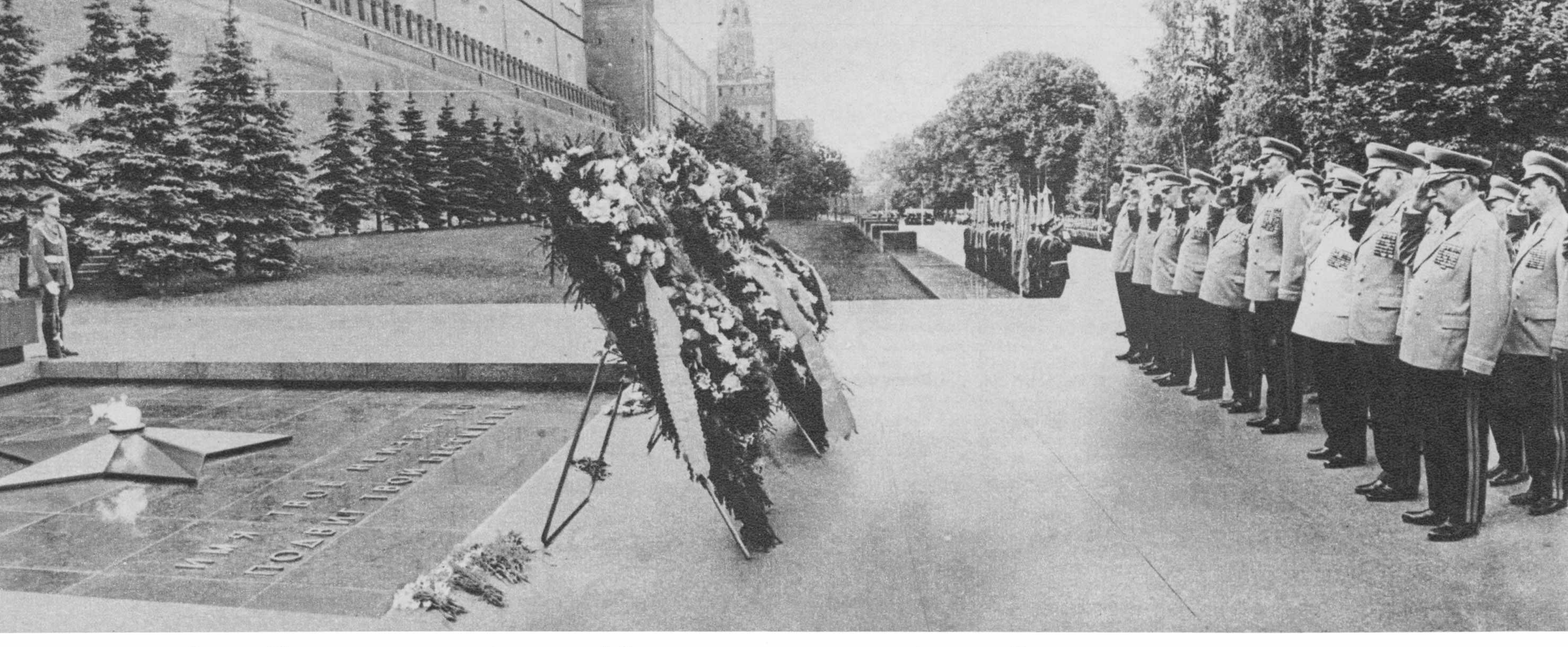
Решения, отчетный доклад ЦК, выступления делегатов VIII съезда СЕПГ были пронизаны одной идеей — идеей нерасторжимого единства ГДР с Советским Союзом, другими странами социалистического содружества.

Съезд Социалистической единой партии Германии стал примечательным событием в жизни международного коммунистического движения, в жизни прогрессивных сил различных стран. Многочисленные делегации коммунистических и рабочих партий, других отрядов мирового революционного и антиимпериалистического движения, собравшиеся в Берлине, отразили и крепнущее единство рядов всемирного антиимпериалистического фронта и глубокое уважение революционеров, демократов всех континентов к жизни и труду рабочего класса, трудящихся ГДР, к их революционным завоеваниям.

Каждый народ рано или поздно выйдет на путь социализма. Законы общественного развития действуют неумолимо и не оставят без своего влияния ни те страны, что уже вышли на высокие ступени развития, ни те, что поднимаются к ним. Опыт Социалистической единой партии Германии, осуществившей социалистические преобразования в одной из наиболее развитых стран мира, имеет огромное международное значение. В этом опыте нашли выражение общие закономерности социалистической революции, в нем проявилась сила партии, прочно стоящей на позициях марксизма-ленинизма. Немецкие коммунисты в союзе с прогрессивными социал-демократами преодолели огромные трудности, стоя лицом к лицу с мощным и опытным классовым противником, утвердившимся по ту сторону Эльбы. Немецкие коммунисты, как подчеркнул на VIII съезде СЕПГ Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, **«с честью в исторически короткий срок решили задачу огромного значения — построили социалистическое государство — Германскую Демократическую Республику».**

Закаленная в классовой борьбе СЕПГ уверенно ведет трудящихся своей страны путем, о котором мечтали и который предвидели великие основоположники научного коммунизма. Это путь борьбы и путь побед, путь воплощения в жизнь великого учения Маркса — Энгельса — Ленина.

В день 30-летия нападения фашистской Германии на нашу страну к могиле Неизвестного солдата у кремлевской стены пришли крупнейшие военачальники во главе с министром обороны СССР Маршалом Советского Союза А. А. Гречко. Они возложили на могилу венок от имени воинов Советских Вооруженных Сил.

22 июня 1971

Москва. Встреча ветеранов Отечественной войны в сквере Большого театра.

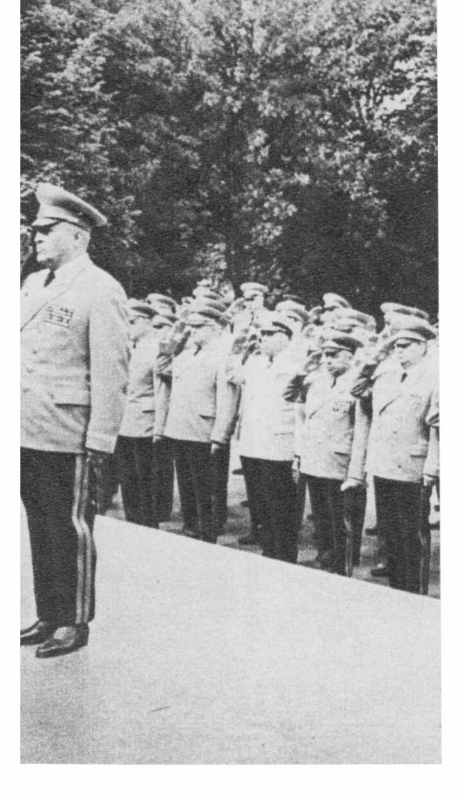

Фото В. Климова.

ГОДА

Фото Л. Бородулина.

Мара ГРИЕЗАНЕ

ИЮНЬСКАЯ ПОЭМА

Мгновенны ночи доброго июня:
и запад не погас, а уж восток
полутонами искристо играет
и просветляет души и тела.
Моя душа проснулась раньше тела,
как будто кто-то вдруг сказал: «Пора!»
Потом я огляделась: «Ой, как рано!»
Но почему-то сон уже исчез.
Вокруг привычно, тихо и щемяще
(Отечество! Родимое гнездо!):
и Пушкина синеющая книга —
волшебный ларчик сердца моего,
и Аннушки молочное дыханье,
и мягкий ход задумчивых часов,
и колыханье светлых занавесок,
и мерное шуршание метлы,
и громы одинокой электрички,
и звон посуды, слева, где завод...
Все говорит о том, что скоро утро,
обычное и новое, что там,
за окнами, неслышно ходит лето,
что жизнь моя прекрасна и проста...
Но почему проснулась я сегодня
в четыре ровно, словно от толчка?
Еще и солнца нет, лишь робкий трепет
его лучей витает в облаках,
над влажными сосновыми лесами,
невидимыми глазу москвича.
Еще автомобильная лавина
не хлынула, пугая и резвясь,
по улицам прохладным и омытым,
и пешеходы сладко смотрят сны...
Так почему проснулась я сегодня
в четыре ровно, словно от толчка?
И вдруг перед глазами оживает
настольный календарь: на нем число —
двадцать второе (боже мой!) июня.
(Вот почему проснулась я сейчас!)
И сразу потаенная, глухая
тревога загудела в глубине
и разума и сердца. Будто пропасть,
история разверзлась предо мной.
В такую же предутреннюю пору,
в цветущем мире, тридцать лет назад,
за десять лет до моего рожденья,
в четыре ровно, словно от толчка,
росистые долины колыхнулись
у западной границы, на краю
моей Отчизны, Родины, державы,
и дрогнули в смятенье облака,
и птицы потрясенные умолкли,
и захлебнулась дудка пастуха.
И, точно вестник бедствия земного,
заплакал в Брестской крепости малыш...
Моей дочурки Аннушки родимой
на тридцать лет он был бы старше... Но
в ладоши хлопнул выродок берлинский,
блудливый опереточный герой,
ефрейтор, маньяк с глазами шпика,
сын женщины, которая его,
наверно бы, в пеленках удавила,
когда бы знала, кто он и зачем...
И накатился с грохотом и воем,
сметая все живое на пути,
девятый вал огня и черной стали,
литая смерть со свастикой во лбу...
Ах, что я знаю?! Ничего не знаю,
лишь жалкие учебники одни.
Ведь я послевоенный несмышленыш,
меня на свете не было тогда.
Но сколько раз в бою я умирала!
Я раненых тащила на спине.
Они хрипели: «Ма́рушка... Сестричка...»
Я, задыхаясь, им кричала: «Ну!..
Еще чуть-чуть... Немного... потерпите!..
Не умирайте!.. Вы герои!.. Вы
бессмертны!.. Вы российские солдаты!..»
Но пуля обрывала мой порыв...
А сколько раз меня пытал под вечер
гестаповец, бесплотный, вскинув плеть.
А за руки меня держал иуда —
вонючий, сиворожий полицай...
И вешали меня у сельсоветов
под тихий всхлип старух... Но никогда
ни слова палачам я не сказала,
не предала товарищей своих...
Отчизна опаленная стонала
горячей тьмой ночных госпиталей,
колесами бродячих эшелонов,
голодными вокзалами в тылу...
Плач малыша взмывал над черным полем
под черный и клубящийся зенит
и звал к возмездью Родину, Отчизну.
И страшен был солдат моей страны!
Я вижу: вот идут-бредут к востоку,
как в жутком обеззвученном кино,
седые дети по седым дорогам,
по обожженной инеем Руси.
И я свою последнюю горбушку
им отдаю, боясь их приласкать:
глаза у них библейские, большие,
по-взрослому суровые глаза...
Как странно и жестоко оживает
настольный календарь: на нем число —
двадцать второе (боже мой!) июня...
Вот почему проснулась я чуть свет...
Уже взыграл зеленоглавый ветер,
на струнах солнца радостно бренчит.
Уже вовсю машины суетятся,
снуют по ярким улицам Москвы.
Вот-вот проснется дочь и, как принцесса,
потянется преважно и смешно,
для поцелуя ручку мне протянет,
степенно загугукает: «Гу-гу!..»
Так неужели все мое блаженство,
весь этот мир, что мне вручен судьбой,
зависит от другого маньяка,
кусающего локти черт те где —
в Израиле, а может, в Пентагоне,
неужто все зависит от него,
и стоит лишь ему включить рубильник,
как жизнь моя и Аннушкина жизнь
немедля превратятся в кучки пепла?
Неужто все зависит от него —
от Бармалея из бредовой сказки,
от маньяка, выродка, слепца?!
Еще мой дед, солдат, стрелок латышский,
бесстрашно шел под пули в Красный год
за то, чтоб я вставала на рассвете
и пробужденья Аннушки ждала.
Чтобы ее влюбленно одевала
и в ясли отвозила, а затем
в веселом переполненном трамвае
спешила на работу и стихи
веселые, как утро, сочиняла;
чтоб звонким словом прославляла мир,
похожий на веселый одуванчик
иль на головку дочери моей...
Бессмертный, точно память, оживает
настольный календарь: на нем число —
двадцать второе (боже мой!) июня...
Запомните, что цифра 22
не цифра, а святая клятва миру
над вечными могилами бойцов —
отцов и матерей, сестер и братьев,
и сыновей, и дочерей, и жен,
ведь воинством в бескрайной этой битве
был весь народ, былинный наш народ!
Вот пробудилась дочка — одуванчик:
зажмурилась от солнышка... Июнь.

ПИЛОТИРУЕМАЯ

Создание первой пилотируемой орбитальной станции комментирует А. Г. НИКОЛАЕВ, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, участник 18-суточного космического полета.

— Второе десятилетие космической эры будет эпохой орбитальных станций, с помощью которых человек продолжит изучение околоземного пространства. Станции пилотируемые и автоматические будут совершенствоваться, увеличиваться в размерах. Можно предполагать, что человек создаст универсальные станции и специализированные, скажем, астрофизические, внеатмосферные орбитальные обсерватории и т. д. Экипажи пилотируемых долговременных орбитальных станций будут периодически меняться.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев говорил: «Наша страна располагает широкой космической программой, рассчитанной на долгие годы. Мы идем своим путем, идем последовательно и целеустремленно». В этой программе пилотируемым полетам отводится достойное место. С помощью современной измерительно-информационной и вычислительной автоматической техники космонавт соберет большую научную информацию. Он может не только наблюдать за явлениями природы, но и в случае необходимости принимать нужные решения. Так, например, в последнем своем длительном полете я сообщил на Землю о движении опустошительной пыльной бури в Иране, о лесных пожарах на разных континентах, о развитии тайфуна над Тихим океаном.

Работающая на орбите пилотируемая станция создана с помощью «Союза-11». Несколько слов об этом замечательном космическом корабле. Первоклассное оборудование «Союза» позволяло и позволяет космонавтам выполнять целый комплекс принципиально новых и важных заданий, в том числе и создание орбитальных станций. «Союзы» могут выполнять сложные маневры в космосе, осуществлять длительный космический полет и, как мне кажется, останутся в строю еще значительное время.

В новом выдающемся космическом эксперименте для Добровольского, Волкова и Пацаева созданы нормальные условия обитания: в жилых отсеках атмосферное давление, влажность, температура и состав воздуха вполне подходят для жизни человека. Питание тоже, в сутки примерно 2 700 калорий! И кушанья вкусные.

Умываются космонавты, как сказано в инструкции, «с помощью увлажненных лосьоном салфеток». В общем, скажу на основании собственного опыта: такие средства личной гигиены себя оправдывают.

Полагаю, что состояние невесомости не затруднит жизнедеятельности космонавтов.

Большое значение в космическом полете орбитальной станции имеет здоровье и работоспособность ее экипажа. За Добровольским, Волковым и Пацаевым ведется неослабный медицинский надзор. Врачи разговаривают с космонавтами, расспрашивают их о самочувствии, космонавты ведут самоконтроль. Телеметрия сообщает на Землю данные об артериальном давлении, сердечной деятельности и дыхании космонавтов. А за работоспособностью экипажа станции следят по результатам выполнения ими полетного задания и специальных функциональных проб.

И все же надо сказать, что пребывание в космосе может повлечь за собой неприятные осложнения. Человеческий организм к невесомости приспосабливается сравнительно быстро, привыкает к более легкой работе. Но при возвращении на родную планету организму приходится снова приноравливаться к земным условиям, происходит это медленно и даже болезненно. Так, мы с Севастьяновым после приземления выйти из корабля смогли только с посторонней помощью. Трудно было стоять, пошатывало, все время хотелось сесть, и даже в постели не проходило ощущение, что на тебя навалилась огромная тяжесть, словно на центрифуге при двукратной перегрузке.

Учитывая наш опыт, Добровольский, Волков и Пацаев прошли перед полетом специальную дополнительную тренировку. На орбитальной станции они выполняют комплекс физических упражнений. Эти упражнения поддерживают силу мышц, быстроту движений. Космонавты имитируют ходьбу, бег. Для физических упражнений на люке-лазе установлена площадка. К ней прикреплены амортизаторы от специального костюма, который надевают космонавты при выполнении физических упражнений.

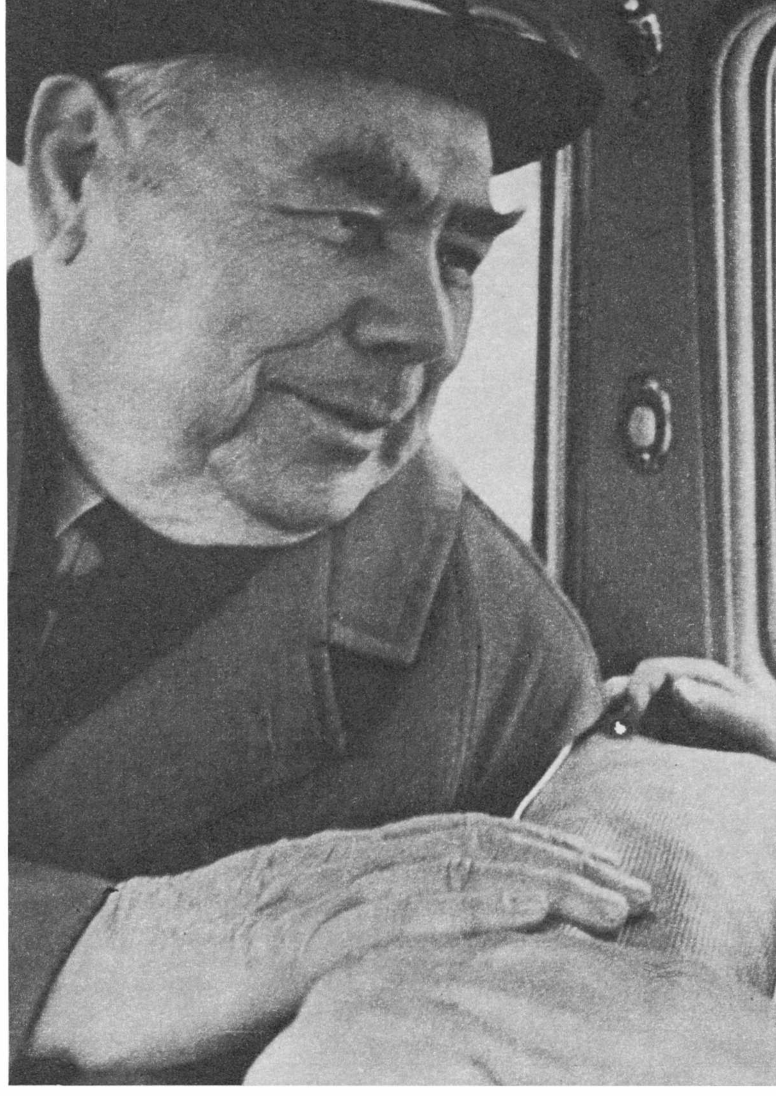
От экспериментов и исследований человек переходит к широкому освоению и использованию космоса. Искусственные спутники Земли добросовестно помогают людям изучать природные ресурсы планеты, несут навигационную и метеорологическую службу, с их помощью осуществляется дальняя телефонная и телеграфная связь, передаются телевизионные программы.

А в будущем, пусть даже в далеком, космос изменит земную жизнь людей. Несказанно ее обогатит. Перед инженерами-конструкторами раскроются головокружительные перспективы работы на орбитальных станциях. Сила тяжести на Земле ограничивает размеры сооружений и машин. А в невесомости на орбите можно будет создавать колоссальные сооружения, целые промышленные комплексы, которые будут выпускать для людей необходимую продукцию. На Землю ее станут доставлять космические корабли многократного использования.

На орбитальных станциях могут собираться и гигантские межпланетные космические корабли и оттуда стартовать в просторы Вселенной. У ученых, работающих на орбитальных станциях, под рукой окажутся безграничный вакуум, сверхнизкие температуры и невесомость. Это позволит проводить уникальные физико-химические эксперименты, получение уникальных материалов и структур. Ученые считают, что можно будет использовать орбитальные станции в качестве крупных энергетических систем, преобразующих солнечную энергию и передающих ее на Землю в виде мощного излучения. На Земле это излучение будет снова преобразовываться в электроэнергию.

Полет орбитальной станции с космонавтами Добровольским, Волковым и Пацаевым на борту послужит прогрессу всего человечества.

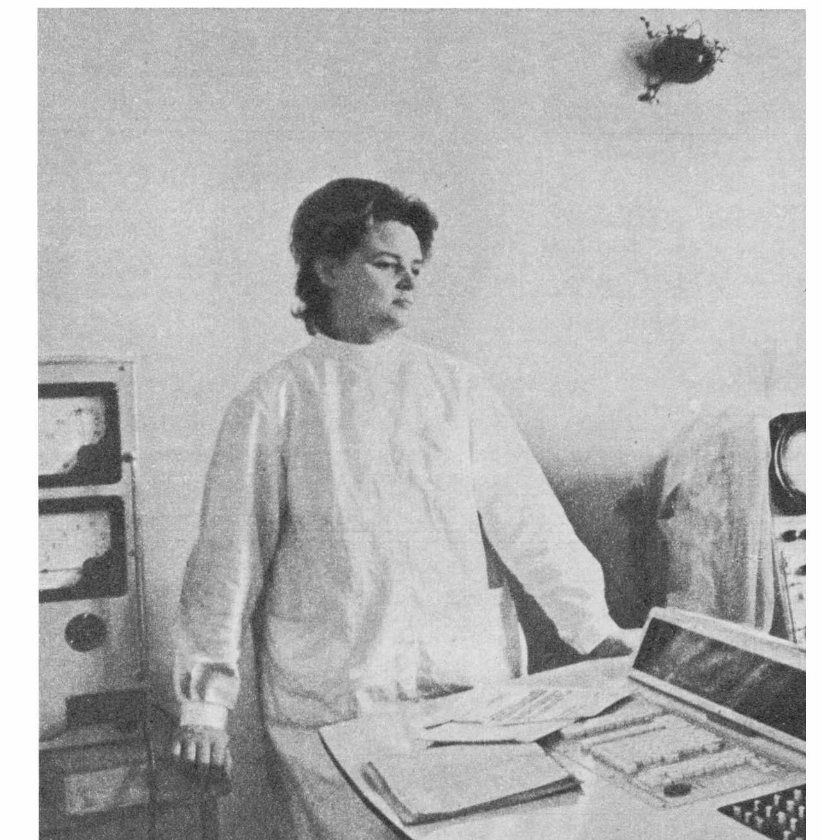
ОРБИТАЛЬНАЯ...

Бахтины втроем бывают редко...

БАХТ

Совхоз «Красный». Юрий Георгиевич (справа).

Л. И. БРЕЖНЕВ:

МЫ ДОЛЖНЫ РАБОТАТЬ СЕГОДНЯ ТАК, ЧТОБЫ НАШИ ДЕТИ И ВНУКИ МОГЛИ ВОЗВОДИТЬ ВСЕ НОВЫЕ И НОВЫЕ ЭТАЖИ ТОГО ЗДАНИЯ, КОТОРОЕ МЫ СТРОИМ...

Из речи перед избирателями 11 июня 1971 года

Николай БЫКОВ

Фото Бориса КУЗЬМИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

ИНЫ

программист Тамара Волкова, инженер Александр Голосов.

Вообще-то Мишка парень серьезный, но не всегда послушный. Одно дело — разобрать шахматную партию, тут он весь внимание, а другое... Вот сейчас надо бы их с дедом сфотографировать,— ни полминуты не постоит, убегает за сосны да еще норовит из своего зеленого убежища шишкой в объектив попасть. А сделать фотографию надо, обязательно надо, потому что Мишкин дедушка — Георгий Федорович Бахтин — человек, каких теперь мало. Чапаевец — раз, чоновец — два, старый большевик — три, а еще он на Волге и в Крыму организовывал, крепил Советскую власть.

— Ящерица! — вопит за куском скального отвала Мишка.

И я невольно характер внука объясняю себе тем, что, мол, дед в прошлом наверняка рубака, и своеволие у Мишки, партизанщина, быть может, в крови? Высказал уже дома у Бахтиных это предположение.

— С таким представлением о чапаевцах и о Василии Ивановиче мы, служившие в его дивизии, не согласны,— твердо, как бы делая официальное заявление, говорит старший Бахтин.— Дисциплина и тогда была, сознательность, а если случался какой мародер либо горлохват, то Василий Иванович был крут и скор на расправу. Те, кто выставляет его этаким атаманом вольницы, забывают, что Чапаев прошел строевую службу в старой армии, а порядки тогда были жесткие. Чапаев был героем первой мировой войны и еще до начала гражданской получил за свое солдатское бесстрашие полный Георгиевский бант! Мог ли такой человек ходить распояской?..

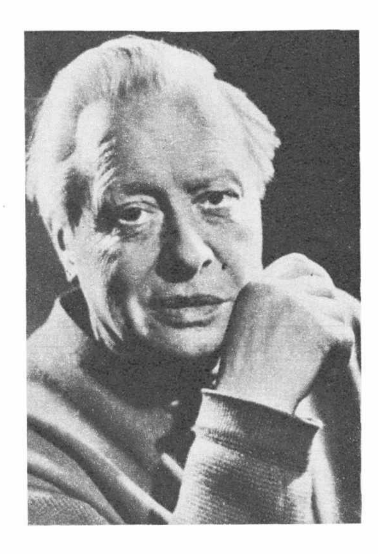
Немало нового рассказал мне о Чапаеве Георгий Федорович. Он долгий вечер и утром следующего дня перебирал старые фотографии, где Василий Иванович еще молод и красив. А на некоторых из поздних фотографий рядом с ним — Бахтин, конный разведчик знаменитого эскадрона Дуботолкова (позже комэском был Федор Крыгин) 191-го Балашовского полка. Вот грамота красногвардейцу — партизану Бахтину Г. Ф. Свидетельство о награждении именным оружием — браунингом... Удостоверение делегата VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов... После гражданской Георгий Бахтин в счет партийной тысячи был командирован в Саратовский сельскохозяйственный институт... Потом двенадцать лет председателем Белогорского райисполкома. Но это уже в Крыму...

Ах, Мишка, Мишка! Набегался, затих, слушает деда. Наконец-то. На стене большая фотография В. И. Чапаева, подарок его дочери, Клавдии Васильевны. Георгий Федорович гладит круглый светлый затылок внука, он не может смотреть без улыбки, когда тот не по годам серьезен. Дед, видно, думал о своем. И когда прощались, спросил:

— Ну, как вам Юрий?..

Я с полуслова понял старшего Бахтина. О чем бы он ни рассказывал, сколько бы ни возился с Мишкой, старший Бахтин думает о сыне — о Юрии. И в мыслях старика, надо полагать, с годами все меньше безотчетной родительской тревоги, все больше гордости. Както Георгий Федорович, вспоминая свою работу в полковом комитете (еще до Октября), сказал: «...должна была Россия прокипеть в революционном котле». Быть может, эта фраза — лозунг, фраза — эхо оттуда, из той митинговой эпохи? Кто знает... В том, что должна прокипеть, Георгий Бахтин был уверен и тогда, в семнадцатом. И можно понять, как счастлив этот человек сегодня, летом семьдесят

Продолжение на стр. 9.

ХУДОЖНИК НЕПОВТОРИМЫЙ

Сергея Владимировича Образцова знают все: и взрослые и дети; знают и в нашей стране и за рубежом... Обаяние его личности и творчества безгранично. В чем же секрет этого неотразимого воздействия Образцова? За что мы все в него влюблены?

Прежде всего за талант, за редкую одаренность. Мы по праву можем считать его создателем жанра театра кукол, который он поднял до уровня высокого искусства. Для кукол Образцова нет языковых барьеров, их восторженно встречают на любом континенте.

Талант Образцова щедр и многогранен. Художник неповторимый, он каждый день заново открывает для себя мир и стремится рассказать о нем людям... Под его влиянием мы начинаем замечать красоту весеннего цветка, капли росы на зеленом листке, верить: «Удивительное рядом». Фильмы Образцова наполнены живым, трепетным ощущением жизни, они подетски чисты и наивны. Может быть, поэтому находят они такой горячий отклик в сердцах.

Мы читаем книги Образцова о куклах, людях, странах, городах и дивимся неиссякаемому остроумию, меткости характеристик, тому особому взгляду художника, который замечает все и от деталей идет к глубоким жизненным обобщениям.

А разве можно забыть Образцова на сцене, эстраде, трибуне. Один из самых увлекательных рассказчиков, каких только я знаю, он умеет заинтересовать, рассмешить; он заставит задуматься; он умеет быть страстным, гневным, непримиримым, когда речь идет о самом главном, волнующем — детях. Любовь Образцова к детям началась давно, в те годы, когда он нежно убаюкивал Тяпу, а мы, зрители, завороженные его искусством, боялись потревожить сон «ребенка»... Девиз Образцова в творчестве — «Осторожно, дети!»; будьте внимательны к юным душам, они доверчивы и хрупки; не оскорбляйте их неосторожным прикосновением. Здесь Образцов непоколебим, это — дело всей его жизни.

В дни, когда мы поздравляем Образцова с семидесятилетием, можно еще долго говорить о человечности Сергея Владимировича, принципиальности и страстности его творческих исканий, но невозможно дать исчерпывающую характеристику явлению в искусстве, имя которому Образцов.

Так будем же благодарны Образцову за радость, которую он дарит каждому из нас; за его новый театр, за спектакли, фильмы, книги; за теплоту и сердечность наших встреч...

К. ШАХ-АЗИЗОВ,
президент Международной ассоциации театров для детей и юношества,
Заслуженный деятель искусств РСФСР и Груз. ССР

Я ЭТО ЛЮБЛЮ...

«Мои живописные поиски поддерживались, а иногда и зачинались на заводах, полях»,— писал народный художник СССР Александр Дейнека. И зрители всегда ощущают в его картинах это волнующее родство советской нови и творческого новаторства. Чем больше проходит времени, тем безоговорочнее мы верим в точность и правдивость свидетельств художника, тем острее чувствуем одолевавшую молодого Дейнеку горячую жажду рассказать и показать, как светла, бодра, целеустремленна и прекрасна новая жизнь, и даже будто сами испытываем на себе силу той настойчивости, с которой советская эпоха потребовала от художника, чтобы для рассказа отыскал он о ней новые формы, новые приемы, новые, не звучавшие еще слова.

«Изобразительный язык самобытен, как язык музыки, и так же неизмеримо богат, как словесный в литературе,— сформулирует позднее Александр Дейнека.— Я всегда мечтал, чтобы эти языки не путали...»

Он не мечтал — он каждый день беззаветно и упоенно трудился, оттачивая, совершенствуя этот язык! И вот мы слышим его в полную силу: через столько лет перед светлым, свободным от всего лишнего квадратом холста «На стройке новых цехов», ощущая себя словно перенесенными в звонкие и натруженные будни. Слышится лязг и перезвон металла, учащенное дыхание строек, веселый посвист ветра в узорах конструкции. И даже кажется, что вот-вот ты разберешь, какие именно слова сказали друг другу две работницы. Тогда — в двадцать шестом! Во всяком случае, счастливую интонацию этих слов язык дейнековской живописи донес явственно.

«Я увлекался кружевом заводских конструкций, но они только фон,— рассказывал мастер.— Я всегда изображал человека большим планом, в сильных типичных движениях. Я вводил в композицию по две точки схода, как в картине «На стройке новых цехов», где площадка, на которой стоит девушка, вынесена в особый перспективный план, что сообщает ей легкость, в противовес могучей спине откатчицы».

Говорил также художник, что он использовал еще и большие плоскости с подчеркнутым начертательным пространством, взаимосвязь совершенно плоских мест и резко подчеркнутого объема... Но лучше вы вглядитесь в холст, и вы увидите, что девушка-работница словно парит над пространством. Вам раскроется вся любовь, которая переполняла сердце художника, когда он писал свою юную героиню. За внешне угловатым, нескладным обликом большеногой, ширококостной рабочей девчонки Дейнека увидел столько грации и поэтичности, столько сияния в мечтательно-удивленных глазах, сдержанного порыва в характерном жесте рук!

Пристальное внимание к жестам трудового человека. Оно было открытием советской живописи конца 20-х годов. Оно присутствует и в картине К. Юона «Первые колхозницы» — единственной в своем роде для творчества мастера, которую видите на цветной вкладке этого номера и которая на выставке «Труд в произведениях советских художников» висела в одном зале с холстом Дейнеки.

Художник подметил призывающий, торопящий и плавный жест бригадира (о «ранге» этой женщины сообщает нам традиционная красная косынка). Передал вовсе не «изящную», но зато типичную, правдивую позу колхозницы, опершейся на грабли. Уловил замедленно-скользящее, все еще как бы во власти утреннего сна движение спускающейся со ступеньки девушки. Улыбчивое лицо подставила она навстречу лучам солнца. Это солнечное золото разлито по всему холсту, оно пропитало старенький избяной сруб, березовые колоды, чтобы вызвать у зрителей чувство обновления, светлой радости, ожидания счастливого будущего, пришедшее в деревню вместе со свободным коллективным трудом. Сам Юон иногда так и называл свою картину — «Первые колхозницы, освещенные солнцем». И она отнюдь не внезапное отступление мастера к жанру, как считают иногда. Она стала той точкой, где даже в лиричном, пейзажном творчестве Константина Юона явил себя общий тогда для всего советского изобразительного искусства процесс поисков нового языка, новых форм, новых средств и возможностей для рассказа о небывалом. Поиски эти, как мы знаем, приведут мастера не к жанровой картине, а к созданию радостных, лучистых, насыщенных цветом мажорных пейзажей, незнакомых дореволюционной русской пейзажной живописи. Но как знаменательно, что именно в изображении людей труда, в стремлении воспеть новое отношение к труду, как к счастью и подвигу, начался новый путь в искусстве одного из первых народных художников республики, Константина Юона.

...Пройдет двадцать лет. На уральский завод приедет в первую творческую командировку художник в шинели, только что демобилизованный солдат Великой Отечественной войны — Алексей Грицай.

Теперь все мы знаем Алексея Михайловича Грицая, академика живописи, народного художника РСФСР, как тонкого, поэтичного, влюбленного в неяркую природу средней полосы пейзажиста. И та его картина, которую видите вы сегодня в «Огоньке», является, пожалуй, не менее неожиданным и знаменательным исключением для творчества этого живописца, чем юоновский жанр, рядом с которым она репродуцирована. Картина эта — живой, созданный искусством документ времени, напоминающий о счастливых днях возвращения к миру, мирному труду.

До сих пор Алексей Михайлович помнит все с завидной отчетливостью:

— Меня не оставляла тогда гордая и волнующая мысль, что именно здесь, в этих цехах, ковалось оружие для Победы. Ведь на фронте мы часто думали о тех, кто работал для нас в тылу... Стены цехов еще будто хранили то сверхчеловеческое напряжение, в каком все четыре военные года жил завод. Хотя теперь уже здесь перешли на выпуск мирной продукции, и можно было встретить где-нибудь в углу цеха перевернутую и используемую совсем не по назначению башню танка... День ото дня работалось мне все с большим увлечением. Печи и прокатные станы стали для меня живыми существами. Я чувствовал, как дрожит от накала печь, в которой бушует белое густое пламя. Обливаясь маслом, словно пóтом, тяжело задыхаясь в парах водяного охлаждения, разминает болванку стан, чтобы выплевывать и выплевывать бесконечную раскаленную стальную ленту. А стоящий поблизости невысокий человек управляется со всей этой огненно-стальной стихией так просто и легко. Разве оторвешься от такого зрелища! И, придя на завод с зарей, я все еще торчал со своим мольбертом в цеху, когда уж давно начиналась новая смена... Сколько было написано тогда портретов и не меньше этюдов цехов (тоже своего рода портретов)! Как все там могуче и красиво!..

Вот откуда появилась в картине глубокая, сложная цветовая насыщенность фона: все оттенки синего, зеленого с переходом в золотое, с вспышками белого и алого! А как точно, правдиво и просто переданы художником трудовой процесс, рабочие движения металлургов! Ни преувеличения, ни особых акцентов. Размеренный трудовой ритм, спокойная сосредоточенность, исключающая суету и торопливость. В этой достоверности, уважительной искренности основное достоинство этой картины. Она могла родиться лишь в непосредственном общении художника с жизнью, когда были выполнены те главные условия творчества, о которых писал Александр Дейнека:

«Художник обязан глубоко и зорко видеть и понимать, чем живет его родина. Знать, что хотят видеть. Обязан это так показать, чтобы зритель сказал: я это видел, знаю, я это люблю».

Эльвира ПОПОВА

А. Дейнека. 1899—1969. НА СТРОЙКЕ НОВЫХ ЦЕХОВ. 1926.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Грицай. СУТУНОЧНЫЙ ЦЕХ. 1947.

К. Юон. 1875—1958. ПЕРВЫЕ КОЛХОЗНИЦЫ. 1926.

Государственная Третьяковская галерея.

БАХТИНЫ

Начало на стр. 6—7.

первого: прокипела его Россия и вышла из него, того самого котла, как сказочный молодец, крепкотелой, готовой к большим свершениям. И вот еще один год в жизни этого человека. И как бы отступили в прошлое тени незабытых, но все же таких далеких предков — Бахтиных прошлого века, от которых, по-моему, и фотографий не осталось. Отец смотрит на взрослого сына, хлопочущего на кухне, дабы не нарушать покоя родителей, и узнает, мне кажется, в нем черты предков — курских мужиков. Ведь что там ни говори, а он, Юрий (Юрий Георгиевич!), сын старого чапаевца, пересевшего с коня за парту, и есть их прямой наследник — тех крестьян, что поддержали революцию. Прокипела Россия — и нет ни черты от прошлого во внешнем облике Юрия Бахтина. А какой он? И отец о том же: «Ну, как вам Юрий?»

С Бахтиным-сыном у меня уже не первая встреча. Первая была в канун Первомая, весной 1962 года. Обком партии только что направил его, молодого агронома (и тут сын пошел по стопам отца), на партийную работу в Красногвардейский район. В стране и тогда шел нелегкий поиск новых путей дальнейшего развития сельского хозяйства, и одним из ответственных за успех того поиска был и тридцатитрехлетний Юрий Бахтин.

И вот новая встреча. Это всегда интересно для журналиста: угадал ли человека тогда, год ли, три или десять лет назад? Бывает, что годы рассеивают иллюзии, и нередко случается так, что показавшееся находкой теряет со временем всякую ценность. Я помню радостное ощущение от знакомства с Бахтиным, помню, как смел был тогда в своих размышлениях Юрий Георгиевич. Так ли он смел и теперь? Я помню, он был открыт, улыбчив, демократичен... Остался ли таким же — ведь это как раз те черты характера, которые не дай бог утратить на пути карьеры даже в лучшем смысле этого слова. И еще он был все-таки молод. А тут девять лет прошло...

Короче, захотелось увидеться. Созвонились, встретились. Юрий Георгиевич на равных со мной предался воспоминаниям о том прежнем своем, Красногвардейском, районе. Потому что он уже не раз и не два избирается первым секретарем Симферопольского (столичного в Крыму!) райкома партии. Так что я с первых минут лишился заманчивого хода рассуждения: «Было—стало». Иной район, иные времена... Только земля вокруг была точно такой же, как девять лет назад, как всегда. И Бахтин выглядел ничуть не старше, хотя теперь ему, естественно, за сорок. Но о нем самом на этот раз я узнал куда больше. И то, что ВПШ окончил, что награжден был орденом Ленина, и то, что есть, оказывается, Мишка, и что был он весной делегатом на съезде Коммунистической партии Украины, и, главное,— об отце, что Георгий Федорович из тех, кто первым разворачивал кумач среди майской зелени.

...Снова мчит машина, снова справа и слева от дороги виноградники, зеленые факелы отцветшего миндаля, глубокие прохладные ковры озими, молодецкий посвист скворцов и веселая морзянка невидимых жаворонков. Юрия Георгиевича хлебом не корми — дай забраться подальше в озимь: что-то осталось в нем от агронома. Или от того курского прадеда, который двинулся в начале века с голодной оравой в Поволжье искать земли и воли?

Разговор с озими скоро перешел на злободневное.

Юрий Георгиевич постоянно подчеркивал необходимость органической связи хозяйственной и воспитательной работы. Руководящие работники, к сожалению, не всегда думают о воспитательных последствиях тех экономических и административных решений, которые они принимают.

— Разумеется, — подчеркнул Бахтин,— доверие и уважение к людям не могут не сочетаться с принципиальной требовательностью к ним. Все это позволяет и партийным работникам и, конечно же, хозяйственникам более полно проявлять свои способности...

Он много думает о характере сегодняшней партийной работы. Говорил Бахтин об этом и в степи и в машине, пока шофер Толя Фильянов сверток со снедью разворачивал.

— Был я и агрономом, и в райисполкоме работал, и в производственном управлении, а теперь, как говорится, сугубо партийный работник по профессии. Но все равно я, и никто иной, отвечаю за производственные дела района. Так вот, нет ли тут противоречия? Убежден, что никакого! Ленинский подход к решению хозяйственных проблем — это и есть наша политика.

Помню я времена, когда секретарь райкома не только подсказывал, что и на каком поле сеять, но иной раз сам сеялку на норму высева ставил, распределял корма по хозяйствам. Прошел через это и Бахтин. Ныне, как в долгих разговорах выяснилось, у него принципиально иные заботы. Все смелее работники райкома, и прежде всего секретари — сам Бахтин, Елена Алексеевна Коробейникова и тимирязевец Виктор Степанович Литвинчов,— действуют по принципу: агроному — агрономово, трактористу — трактористово, а правление колхоза или директорат совхоза лучше знают, каковы пути выполнения плана. Такой подход не только укрепляет подлинный авторитет райкома партии, но и позволяет его аппарату, отказавшись от мелкой опеки, заняться более существенными вопросами. «Какими?» — допытывался я у Бахтина.

Он отвечал заинтересованно, подробно. И неизменно страстно, с неподдельным азартом. Тут весь Бахтин, как на ладони. Такой уж характер. Но вряд ли возможно в коротком очерке показать хоть малую долю того, чем занят каждодневно первый секретарь и его райком. Можно лишь уловить приметы времени, связь между актуальным в жизни района и проблемами, поднятыми на съезде партии в Москве.

— Прежде всего — люди, подбор на руководящие должности в хозяйствах. Не **что** делать, а **кому** и **как** делать — вот главная забота.

Я не мог не заметить, что решение новых, качественно иных задач заставило и райком кое-что пересмотреть в своей практике, преодолеть консерватизм старых форм руководства, старых взаимосвязей с производственниками. Действия его стали гибче, разговор пошел в иных тонах. Общая для страны тенденция к развитию хозяйственной инициативы снизу ведет не только к продуманной работе с кадрами, но, главное, исключает самую возможность командовать за специалистов там, где им виднее. Бахтин сам во втором поколении человек от земли, но еще и агроном с высшим образованием, человек по всему складу мышления современный, поэтому и секретарь райкома он иной, чем приходилось встречать каких-нибудь десять лет назад. Юрий Георгиевич всем ходом рассуждений подтвердил эти мои догадки.

Как выразился Бахтин, в Крыму материализуется «идея Юга». Солнце диктует здесь политику в экономике. Отсюда ставка на многолетние насаждения, на виноград! Даже на такое новшество, как кролиководство — самое скороспелое производство мяса. Мы побывали с Юрием Георгиевичем в хозяйствах, одни титулы которых говорят о новизне переживаемого времени. Совхоз «Южный» с нынешней весны стал ордена Ленина птицефабрикой. Совхоз «Виноградный» еще лет десять назад был убыточным, а ныне это первоклассное хозяйство, целый агропромышленный комплекс, а здешний директор Георгий Николаевич Авраамов был делегатом XXIV съезда КПСС. Совхоз «Красный» недавно получил орден Трудового Красного Знамени, это теперь опытное хозяйство Украинского научно-исследовательского института птицеводства. Совхоз «Широкое» с успехом занялся племенным делом, его телочек красностепной породы покупают и за рубежом. Уже дает овощи экспериментальное тепличное хозяйство.

Конечно, внешний вид поля, виноградника, фермы о многом говорит. Но куда важнее, чувствуют ли себя пахари, виноградари, доярки хозяевами. От этого в общем-то зависит главный показатель роста—эффективность труда, окупаемость затраченного рубля. Ну, а на эту тему Юрий Георгиевич может говорить часами! Это его личная тема, я так и понял. Дело в том, что в Крыму есть куда более мощные по показателям районы, и прежде всего напоенный днепровской водой Красноперекопский район. А в столичном — Симферопольском — земли не ахти какие, тут сплошь мергель, горы, балки. И всегда сушь. Нельзя сравнивать Красногвардейский район девятилетней давности с сегодняшним, тем более нельзя сравнивать его с нынешним Симферопольским районом. И все же стоит взглянуть на некоторые цифры не ради самого сравнения, а именно глазами Бахтина. Любопытная предстанет картина! Резко возросли вал продукции, масштаб производства, с какими приходится иметь дело теперь ему, Бахтину.

Юрий Георгиевич прикидывает в уме:

— Получается, что симферопольский гектар дает уже до восьмисот с лишним рублей. Неплохо!

А у меня в блокноте еще один пример: в совхозе «Широкое» в минувшем году на каждый затраченный рубль прибыли получили без трех копеек полтора.

И все-таки самая эффективная отрасль — это наука. Об этом шел разговор у Бахтина с директором Волковым из «Широкого». Да и с Марчиком в «Красном».

Владимир Филиппович Марчик, директор совхоза «Красный»,— человек обаятельный, умный, довольно сложной биографии. Был военным, генералом, и вот уже пятнадцать лет «командует» (применительно к Марчику кавычки обязательны!) совхозом, да еще каким— крупнейшим, интереснейшим. А еще мне понравилось, что Владимир Филиппович смелый оппонент первого секретаря райкома. Их остроумные и вместе с тем принципиальные споры говорят в пользу обоих. Марчик увлечен производством бройлеров—мясных цыплят и всем, что с этим наивыгоднейшим производством связано, а у Бахтина такая планида — давать план, и в частности мясо! И вот директор старается отстоять ту точку зрения, что по нынешним временам куда выгоднее сосредоточить внимание не на «мясе вообще», а на бройлерах в частности. Да, кролик скороспел, через три месяца это уже два килограмма мяса плюс шкурка. А цыпленок? И тут Владимир Филиппович, как мне показалось, заговорил стихами: цыпленочек (1 кг 200 г на 68-й день!) — это лучший белок, это диетическое мясо, это легкое и дешевое питание, это, наконец, восемьдесят процентов рентабельности. В общем...

— Бройлер — достижение двадцатого века,— подходит к финалу Марчик.— Поймите, меняется структура общества, в стране все больше долгожителей и вообще людей пожилого возраста. Наконец, все хотят быстро позавтракать, но сосиски надоели, так дайте им цыпленка! У людей меняется характер труда, а при уменьшении физических нагрузок наше питание избыточно, и тут выход один — легкое мясо бройлера!

Бахтин смеется, смеется и Владимир Филиппович. Смысл его поэмы—план будет перевыполнен, будут к 1975 году пять тысяч тонн мяса, но дайте возможность заняться наукой всерьез. Наукой в совхозе? Да, именно так. Совхоз «Красный» своего рода генетический центр страны по птицеводству. Прежде чем увеличить вес бройлера до полутора килограммов, надо поработать с наследственными линиями. Этим занимаются специалисты совхоза. После того, как мы побывали на машиносчетной станции, узнали там, как обрабатывается информация о наследственных качествах петухов (двадцать тысяч несушек под наблюдением!), Юрий Георгиевич подмигнул:

— Понял, с кем приходится дело иметь. Тут вникать да вникать!..

Он и сам радуется новизне. Дальнейшее развитие производства даже в масштабах района немыслимо без науки. И он, секретарь райкома партии, отныне обязан считаться и с доводами В. Ф. Марчика, страстного поборника вкладывать денежки в науку (совхоз приобрел еще более сложную счетно-электронную аппаратуру). Он обязан разбираться и в том, чем занимается совхозный инженер Александр Голосов, энтузиаст программирования. Бахтин не уставал знакомить с теми, без кого бессилен райком, от кого зависит повышение той самой эффективности труда. Он не имеет права быть профаном, когда зоотехник «Красного» Валентина Дмитриевна Сергеева, кандидат сельскохозяйственных наук, говорит о генетике. Недаром в совхозе «Виноградный» есть должность заместителя директора по

науке! Мне запомнились встречи и с мудрым Георгием Александровичем Хачирашвили — директором птицефабрики «Южная». Вот его позиция: «Будем строить экономику, но не за счет зарплаты. Она у нас достигла в среднем ста тридцати рублей, а в структуре себестоимости составляет не более восьми процентов. Только на такой хозрасчет люди смогут ответить удвоением производства продукции!»

Юрий Георгиевич, иллюстрируя тезис об активности людей, рассказал, что райкому удалось решить многие сугубо производственные вопросы. Например, в районе наладили семеноводство. Стала законом жизни переаттестация кадров, а это верный путь к «селекции» руководителей вообще и среднего звена в частности. В каждом хозяйстве добились создания механизированных растворных узлов для приготовления удобрений («Час решает судьбу урожая!»). Созданы племенные группы («Уже свыше семидесяти процентов чистопородного скота!»). Райком всячески поощряет поиски в направлении механизации уборки винограда («Тут у нас целая программа!»)...

Юрий Георгиевич все так же молодо выглядит, так же спокоен, склонен поразмышлять, помечтать.

Он по-прежнему умеет слушать других. Не потерял вкус к прогулкам с сыном. И к вечерам с костром у горной речки.

— Недавно прочел биографию Эйнштейна, поразительна его мысль... — И Бахтин, казалось бы, забыл на время о пневмосекаторе для виноградарей (он тоже внедряется в производство благодаря усилиям райкома).

— Вчера разобрали с Мишкой одну из партий Капабланки...— И Бахтин увлеченно перечисляет, какие фигуры на каком поле стоят в эндшпиле.

И все-таки, наверное, легче теперь работается секретарю, легче по сравнению с тем, как работали секретари райкомов и девять, и десять, и больше лет назад — до внеурочной седины, до ранних инфарктов.

«...Ну, как вам Юрий? Я доволен...» Почему так пронзили меня эти простые слова старшего Бахтина?

Вопрос отца... Я знаю, что Юрий Георгиевич понимает, через что прошел отец. Но меня волнует третий Бахтин: поймет ли в свое время Мишка, через что прошел его отец? И почему так важно знать отцу мнение других о сыне? И почему так важно сыну постичь дорогу отцов?

* * *

Из горячей степи долетает запах цветущей пшеницы. Отчаянно свистели скворцы, а рядом замирала поющая душа зяблика. Все хорошо, все хорошо — и пусть не тревожит себя понапрасну старый чапаевец. Он имеет право быть довольным. Счастливый! Ему вовсе незачем знать, как много нового и трудного пришло в жизнь его сына с новыми мечтами, с новыми делами. Жизнь требовательна, и на все ее вопросы надо ответить сегодня же. Иначе нельзя. Иначе отстанешь. И, может быть, поэтому сам-то сын не всегда доволен собою. Но знать об этом старику, пожалуй, не обязательно.

ЧТО ЧИТАЮТ В СОРМОВЕ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Красив город Горький в свою 750-ю весну! Каждый раз, когда бываешь в нем, не перестаешь удивляться, подобно Акулине Ивановне из горьковского «Детства», его крутобоким нагорьям, взнесенным над могучим объятием Волги с Окой, его террасам белокаменных домов и неповторимому ансамблю Кремля. Город будто парит над пойменной необозримостью. Репин, отдавший в свое время дань картинной живописности Нижнего — «мы захлебывались от восхищения»,— очень точно определил и другую особенность этого города, она касается его людей: «Эти сильные люди хорошей породы так умели ценить жизнь, ее теплоту и художественность...» Сама природа помогала им быть такими — эта захватывающая дух высота, это истинно русское, неохватное глазом приволье. И, вероятно, вовсе не случайно именно здесь, с круч древних гор, гимном революции взлетела в поднебесье гордая «Песня о Буревестнике», и не случайно именно здесь с дерзкой смелостью развернул знамя своей партии навстречу штыкам рабочий-революционер Петр Заломов.

Шестьдесят шесть лет спустя, в торжественный вечер столетия со дня рождения Максима Горького, на высокую трибуну Дворца съездов поднялся светло-русый молодой человек. От имени миллионного города он говорил о том, как земляки любят и чтут великого писателя, как следуют его напутствию: идти «вперед! и — выше! все — вперед! и — выше!».

Я узнала этого человека, была знакома с ним. Это был бригадир электросварщиков завода «Красное Сормово» Вячеслав Пайщиков. Несмотря на свою молодость, он уже тогда пользовался большим авторитетом и уважением: в тридцать два года был удостоен звания Героя Социалистического Труда, избран депутатом Верховного Совета Российской Федерации. И я знала, за что. Это он перешел на самый трудный участок, в самую отстающую бригаду и вывел ее в передовые.

И вот теперь, в этот мой приезд, я узнала, что коммунист Пайщиков снова пошел на прорыв, туда, где всего труднее,— «вытягивает» очередную бригаду, еще одно слабое звено производства, и собирается досрочно выполнить свою пятилетку; его снова избрали в Верховный Совет РСФСР. Именно таким мне представляется настоящий сормович, духовный наследник знаменосца пролетариата Власова — Заломова.

Бросилась в глаза мне тогда еще одна черта, сблизившая его с людьми заломовской породы, с горьковскими героями — Павлом Власовым и машинистом Нилом: любил Пайщиков читать, умел ценить и беречь книгу. Жил он с женой и сыном в небольшой, однокомнатной квартире (это теперь у них привольно, целых три комнаты на четверых), но для домашней, уже тогда большой библиотеки нашлось и в ней место, и Максиму Горькому прежде всего. Вячеслав и его жена Надежда отдавали чтению все свое свободное время, предпочитая ему любые занятия. Книга стала настоящим и неизменным их спутником. Впрочем, книголюбие у Пайщиковой — профессиональная болезнь: она работает в передвижной библиотеке мартеновского цеха на общественных началах. Помню, как увлеченно рассказывала о своей передвижке и ее читателях. Я пожалела, что тогда не смогла заглянуть к ней. И вот теперь наконец представилась возможность это сделать. Очень интересно, особенно сейчас, в связи со съездом писателей, знать, что читают, каких любят авторов сормовичи...

В распоряжении Надежды Григорьевны Пайщиковой целая комната на четвертом этаже. Стеллажи, стол с газетами и журналами, ящики с абонементами и картотекой, витрины по стенам. Внизу с грохотом двигаются завалочные машины и разливочные ковши, сигналят краны, внизу варится сталь, а здесь покой и уют. И требуется всего лишь несколько минут, чтобы подняться наверх и взять книгу. Вот и сейчас в приоткрытую дверь просунулась сначала голова в косынке в горошек, потом показалась обладательница ее в куртке, рабочих брюках и с бутылкой молока в руках. Значит прямо из буфета шла женщина.

— А, Тамара!— как старую знакомую, приветствовала ее Пайщикова (по читательскому стажу она действительно старая — с пятидесятого года, когда в мартеновском открылась первая на заводе «Красное Сормово» передвижка. Сейчас их уже тут десятки).— Я для тебя «Память сердца» Луначарской приготовила, смотри, только долго не держи.

— Вот спасибо! Я ж говорю, библиотечка у нас мировая, из-под земли книгу достанет.

— Очень большой спрос на мемуарную литературу, никогда такого не было, если, конечно, не считать классики, которая всегда в ходу,— пояснила Надежда Григорьевна.— Люди стали образованнее, повысился их культурный уровень. Читатель пошел теперь «трудный» — думающий, ищущий, я бы сказала, творческий. Он ждет от книги умного слова, больших мыслей и открытий для себя.

Надежда Григорьевна взяла папку. В ней подшиты листочки, написанные читателями еще дома,— на работе некогда этим заниматься: обеденный перерыв всего двадцать минут. «О художнике Перове»,— читаю я,— «Осуждение Паганини». И внизу фамилия — З. Грачева.

— Зоя Николаевна Грачева — пультовщица электропечи,— поясняет мне библиотекарь.

Парамазутчица Мария Адамова заказала «Судьбу рабочего» Ивана Гудова. У супругов Колесниковых — «За далью даль» Твардовского, «На войне как на войне» Курочкина и «Петр Первый» Толстого; у Ивана Егоровича Москалева, электрика из мартеновского, тоже коллективный абонемент, на всю семью. Тут тоже больше всего любят мемуары, исторические романы, документальные повести. Заявка у Москалевых большая: книга маршала Жукова, воспоминания Штеменко и Мерецкова, «Каменный пояс» Федорова, «Солдатами не рождаются» Симонова.

— Не смогу я удовлетворить заказ Москалевых,— огорченно произносит Надежда Григорьевна.— Нет у нас ни Жукова, ни Штеменко. Фонд передвижных библиотек не получил ни одного экземпляра, вообще нас очень плохо снабжают хорошими, новыми книгами. А казалось бы, должно быть наоборот. Где еще такой прямой контакт самого массового читателя, рабочего человека, с книгой, как не в цеховой библиотеке-передвижке? Или вот вам еще одна проблема книжного дела. Я уж не помню, сколько человек у меня спрашивали «Матерь человеческую» Закруткина, «Землю в беде» Чивилихина, «Цыгана» Калинина. Нет у меня этих книг. «Матерь человеческая» — это вообще потрясающая вещь. Я лично ничего не читала сильнее, трагичнее и страшнее. Надо, чтобы ее все люди прочли. Чтоб никогда не было больше войн. Вот пусть издательства такие книги выпускают миллионными тиражами!

— И писать надо еще такие настоящие книги!— в сердцах добавил человек, молча листавший «Крокодил». Он внимательно прислушивался к нашей беседе, а теперь встал и отрекомендовался: — Якунин Павел Михайлович. Начальник техбюро новофасонно-литейного цеха. Я вот что имею в виду: маловато у нас прозы на морально-воспитательные темы. Ведь, кроме «Рассудите нас, люди» Андреева — о стойкости молодой семьи — и

«Возвращения в жизнь» Шошмина — эта книга против пьянства направлена,— собственно, ничего значительного больше и нет по этим щекотливым социальным проблемам. А проблемы-то существуют! Или вот еще одна, почти что обойденная в последнее время писательским пером область,— история русского народа. На примерах из истории надо воспитывать патриотические чувства у молодого поколения.

— Да, исторического немного тут,— заметила я, всматриваясь в книжки на стеллажах. «Ледяной дом» Лажечникова, «Княжна Тараканова» Данилевского. Негусто. А как у вас с книгами о рабочем классе?

— «Саламандру» Очеретина не ищите. Зачитали до дыр. Пришлось сдать в ремонт. А его же «Трижды влюбленный» на руках. И «Разорванный круг» Владимира Попова на руках. И «Про Клаву Иванову» Чивилихина. И «Иду на грозу» Гранина... Что за зачитанная книга? «Вишневый омут» Михаила Алексеева. В таком же состоянии и «Братья Ершовы» Кочетова. Чем потрепаннее, тем, значит, больше рук прошла, значит, нравится. Шамякин и Герман у нас в таком виде постоянно. Да еще горьковские писатели — Кочин и Патреев.

Эту своеобразную, стихийно одна подробность из биографии, вернее, родословной, Нины Николаевны Мазиловой. Оказывается, она по бабушке Чкалова, двоюродной племянницей приходится знаменитому летчику, и живет она в поселке Высоково, совсем рядом с памятником Валерию Павловичу.

Что же читает Нина Николаевна? Ого, какой у нее пухлый формуляр! Как много в нем вкладышей! Вадим Кожевников, Иван Мележ, Вера Кетлинская, Михаил Бубеннов, снова Кетлинская, Иван Падерин, Анатолий Виноградов, Михаил Алексеев, Анатолий Иванов, Морис Дрюон...

— Тяжело мне с ней,— жалуется Пайщикова.— Не знаю, что ей и рекомендовать. Леонов, Федин, Фадеев, Георгий Марков... Толстые журналы. Все почти у нас перечитала. Да и что попало ей не посоветуешь. Свой вкус имеет.

— У нас и дома большая библиотека,— улыбается Нина Николаевна.— Делали недавно ремонт, так пришлось все книги перенести наверх. Весь чердак ими заполонили. Одной только «Роман-газеты» гора. Двенадцать лет выписываю. Потом приложения разные, журналы. Муж меня раньше бранил: «Ты нас своими книгами по миру пустишь»,— а потом смирился. Как-то с Канавинского рынка сам притащил какую-то древнюю рухлядь — «Санкт-Петербург. 1904 год». «Ну, зачем она, ерунда какая-то?!» А он рассердился: «Да ты посмотри, мать, это же «История человечества». Какие иллюстрации! Пусть девчонки наши сравнивают с нынешними учебниками!» А я люблю чисто художественную литературу. Вот Ромен Роллан — «Очарованная душа». Как он хорошо написал! Так и поет, будто играет на каком инструменте. Или «Американская трагедия». Так жалко бедняжку Роберту. А все же «Воскресение» мне ближе. Шолоховскую «Поднятую целину», когда недавно болела, девятый раз читала, и все как в первый. Или вот «Тают снега» Астафьева. Я купила ее лет семь назад. До чего же хорошая книга! Душевная. У нас ее уже десятки людей брали читать, корочка вся износилась, переплести надо. Про добрых людей она, которые помогли женщине—Таей ее звали,— когда та оказалась в беде, на ноги встать. Я вам могу рассказать подробно, все помню. Или вот еще книга—«Повитель» Анатолия Иванова. У нас дома все ее перечитали, даже Александр втянулся. Потом вышло семейное обсуждение. Еще как спорили! Очень хорошие книги выходят в «Библиотеке сибирского романа» да еще на Дальнем Востоке.

В бесхитростных словах Мазиловой раскрывалась вся ее духовная красота.

Кончилась смена. Вместе с Надеждой Григорьевной мы шли с завода. Мне хотелось познакомиться еще с другими сормовичами, которые, может быть, не записаны в библиотеке Пайщиковой, а собирают свою собственную. Не могла ли она мне в этом помочь? Надежда Григорьевна вспомнила про печника мартеновского цеха по фамилии Сочков (живет он как раз в одном с ними новом доме), про Черепенина, рабкора многотиражки «Красный сормович», и наставляла:

— Эти передачи я уважаю,— сказал мне хозяин дома и достал книгу «В мире безмолвия».— Это он сам, Жак-Ив Кусто, про себя написал.

— Какие у вас еще книги есть?

— Много чего. «Синее безмолвие» Карева. Тоже о море. Беляев — о жизни моря. Ганс Бауэр «Тайны морских глубин». «Тверской гость» — о путешествии Афанасия Никитина в Индию. Весь Жюль Верн, конечно, имеется. «Шхуна «Колумб» Трублаини, «Первый раз в Сомали» Кондрашова, «Поездка на Кубу» Смирнова.

— А там что, Обручев?

— Да, там Владимира Афанасьевича «Плутония». Большой был человек. Академик. Я много книг его прочел. Уважаю. Я и академика Ферсмана читаю. «Воспоминания о камне» знаете?

— Скажите, пожалуйста, Александр Федорович, какое у вас образование?

— Четыре класса. В пятом не

В библиотеке Московского завода шлифовальных станков. **Фото М. Савина.**

возникшую читательскую конференцию, в которой будто участвовали и сами книги, беря прямо с полок слово, прервала рыженькая, в веснушках, девушка:

— Надежда Григорьевна, здравствуйте!

— Здравствуй, здравствуй, тезка! Что, за «Теоретической механикой» прибежала, студентка? Есть, есть, сейчас запишу. А где мать? Придет ли? А вот и она, легка на помине.

На пороге статная, уже немолодая, но все еще красивая, с полными загорелыми руками женщина. Халат сняла: жарко. В ней чувствуется нижегородская порода: горделивая осанка, большие серые глаза, пепельные с проседью волосы, собранные узлом. Такую бы писать, подумала я, а потом узнала, что ее действительно писали, когда художники из Москвы приезжали. Один — сталеваров и ее мужа, Александра Мазилова, в том числе; картина была на выставке в Москве. Другой писал ее, крановщицу, с дочками — Наде тогда пять лет было, а Гале — всего лишь годик. Потом мне стала известна и еще

— Обязательно побывайте у Пеньковых.

Как человек становится книголюбом? Когда, в какую пору своей жизни? Какая книга оказалась для него самой первой, с которой все началось? Я задавала эти вопросы десяткам людей, с которыми встречалась в Сормове. У одного первой в жизни книгой стали «Орлята», у другого — сказки Андерсена, у третьего — Корней Чуковский, у четвертого — «Старая крепость» Владимира Беляева. У печника Сочкова — учебник по географии.

Печник («не просто печник, а печник-каменщик», как он меня сам поправил, **«любые печи — не только мартеновские — можем ремонтировать») Александр Федорович Сочков пристрастился к чтению с малолетства. Отец, бывало, уйдет на работу (мать рано умерла), а Санька — он еще в школу не ходил — заберется на печь, возьмет себе коптилку (в войну это было) и читает. Особенно нравилось ему про путешествия узнавать, про неведомые дальние страны, про то, какие там водятся птицы и зверье, какие травы и деревья растут. С годами такой направленный его интерес оформился, окреп, стал его насущной потребностью, без которой он уже не мог жить. И собственная его библиотека, которую он начал собирать еще мальчишкой, состоит главным образом из таких книг.**

На экране телевизора показывали, как экипаж «Калипсо» воевал в Средиземном море с акулами.

пришлось учиться. В РУ пошел, в ремесленное. — Ну и что? — вдруг взъерошился он, так что даже очки в тонкой золотистой оправе сползли с переносицы. Во всем его облике появилось теперь что-то задиристое, петушиное.— Мы,— заговорил он о себе во множественном числе,— и Данте читаем. «Божественную комедию». Правда, долго я ее держал. Язык не наш, не такой, выражается мудрено, не как теперь. Но уж больно занятно про круги ада. Я даже выписывать стал, в деревне потом показывал старухам. Ну и всполошились они! Я и Ганди «Моя жизнь» изучал. Вот, вот именно, не читал, а изучал. Тоже сложно написано, трудно, да емко. Подвижником Ганди был великим.

— Это же просто замечательно, Александр Федорович! — не удержалась я.

А мой собеседник, польщенный похвалой, засуетился, затормошил жену:

— Зоя, где наш проектор? Мы вам сейчас свое кино покажем.

Оказывается, купил он киноаппарат и, где бы ни был — в Москве, Наро-Фоминске, Ленинграде, Кие-

ве, Минске и Хатыни, в каждый свой отпуск куда-нибудь он ездит,— все снимает на кинопленку, да еще цветную.

Рядом стояла его Зоя, большая строгая женщина, рабочая модельного цеха, и по-доброму, чуть-чуть снисходительно говорила:

— Раньше все это я блажью считала, все пилила его. Сколько денег переводит — жуть. А он Любу, дочь нашу, в союзницы подключил. Да и я поняла. За бутылкой он не ходит? Не ходит. Никакого интереса к ней не имеет. Пеплом не сыплет? Не дымит и не сыплет, вовсе не курит. Ну и пусть человек занимается! Мы уж куда только не ездили, где не путешествовали, все снимаем, собираем да читаем. Хорошо это!

Хорошо! Побольше бы таких «чудаков с блажью». А ведь все началось у него с книги, с книжной болезни.

Рабкору Льву Николаевичу Черепенину эта болезнь передалась по наследству, вместе с профессией отца. Отец был слесарем на «Красном Сормове», и он, Лев Николаевич, стал слесарем, собирает приборы для кораблей. Я не спрашивала у Льва Николаевича, по какому признаку он выбирал себе подругу жизни, но Надежда Ивановна тоже большой книгочий. Может соревноваться с мужем по начитанности. И дети их — Александр, который окончил десятилетку и по традиции пришел к отцу, работает слесарем вместе с ним, и Андрей, еще школьник,— тоже далеко не равнодушны к книге.

Разумеется, привязанности тут у каждого свои. Мать отдельно от всех держит и даже обернула бумагой, чтобы лучше сохранить, «Анну Каренину» и «Спутники» Пановой — это ее любимые романы. Отец, как участник Великой Отечественной войны, прошел всю Европу и с японцами воевал,— поклонник военной героики. У Саши на первом месте Юрий Герман. Однако это не помешало ему совсем недавно читать «Илиаду» и «Одиссею», «Золотого осла» и «Декамерон». Ну, а младший брат Андрей пока в плену приключений.

Естественно, что в таком доме книгам почет. Большой шкаф, что в правом углу у окна, плотно, до отказа, в два ряда забит книгами. Тут только художественная литература, триста томов. Есть и книги-реликвии. Вот, например, «Знаменосцы» Олеся Гончара и «Сияние над Большим Хинганом» Романа Палехова. Почему реликвии? Да потому, что привез их вместе с медицинским справочником Лев Николаевич с Курил, где закончил военную службу. А что это за крохотная, со спичечную коробку, книжица? «Индонезийско-русский словарь». Зачем? Букинистическая редкость? Отнюдь! Индонезия напоминает о себе и изящными фигурками из красного дерева. На целый год был командирован туда Лев Николаевич, работал на судоверфи. Поистине книги как люди: скажи мне, что читаешь, и я тебе скажу, кто ты. Очень много у Черепениных еще технической и справочной литературы. Она стоит отдельно. Словом, про такой дом можно смело сказать, что это очень богатый дом. Видимо, не менее насыщена духовными ценностями жизнь и в доме Пеньковых, к которым так усиленно мне советовала заглянуть Надежда Григорьевна Пайщикова.

— Ничего у нас интересного. Самая обыкновенная рабочая семья...

Эти слова обращены ко мне. За столом с газетами — невысокая, плотная женщина средних лет. Умное, приветливое лицо, прямые черные волосы, очки в простой черной оправе. Напротив нее сидит другая, совсем молоденькая, с головой цвета ржи и озорными, веселыми глазами.

А на стене над диваном два больших портрета под стеклом. На одном — пожилая женщина в черной кружевной шали. На другом — мужчина с густой черной бородой. Его лицо очень красивое, мужественное, благородное, до мелочей мне знакомое, виденное много раз. Женщина, что сидит за столом, в очках, чем-то похожа на них, тех, что на стене. Тот же овал лица, тот же спокойный, уверенный взгляд, тот же, видимо, и цвет волос.

Боже мой! Да этот же бородатый красавец—тот самый, который приезжал к Горькому в Куоккалу. Это о нем строчки писателя: «У меня бывает сормовец — какой это дивный парнюга!..» Этому парнюге Горький, еще не будучи знаком с ним, высылал в село Маклаковку на Енисее, где тот после первомайской демонстрации и суда отбывал ссылку, каждый месяц по восемь рублей. Когда же узнал, что к нему поехала жена, эту сумму удвоил. Затем выслал триста рублей на побег. Из Красноярска Заломов добирался в Петербург кружным путем — через Самару и Киев. Наконец состоялась долгожданная, первая в их жизни встреча — писателя и прототипа героя будущей повести.

Так вот она кто, Нина Николаевна Пенькова: правнучка Матери, правнучка Анны Кирилловны Заломовой — Ниловны.

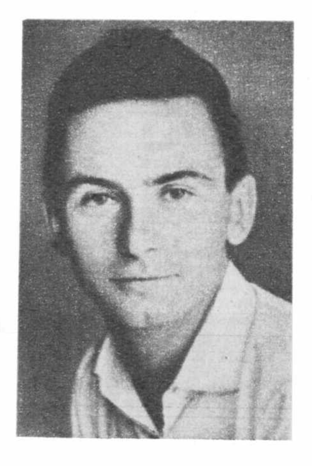
Нина Николаевна — участница Великой Отечественной войны, была медицинской сестрой. На Белорусском фронте судьба ее свела с Виктором Васильевичем Пеньковым, столяром по гражданской профессии. Этим делом он занимается и сейчас на заводе «Красное Сормово». А Нина Николаевна работает в типографии заводской многотиражки. Белокурая, волосом в отца, дочь Лидушка окончила медицинское училище: «Моя специальность такая же, как у прапрабабушки, она была повивальной бабкой, и я по этой части». Сын, назван он в честь «дивного парнюги» Петром,— шофер, водит тяжелые «КРАЗы». В прадеда он и ростом и цветом — темноволос.

В этом доме не надо было спрашивать о том, любят ли здесь книги. Книги были тут везде: в шкафу, на шкафах, полках, даже в диване — некуда больше класть. Свежая пресса стопой лежала прямо на полу. Девятнадцать газет и журналов приносит в квартиру № 34 почтальон. И среди них журналы «Москва», «Север», «Знамя», «Молодая гвардия», «Уральский следопыт». А как здесь читают!.. Если приходит со смены Виктор Васильевич и дверь ему открывает Нина Николаевна с каким-то отсутствующим взглядом, то он подозрительно спрашивает: «Ты что? А, понятно! Новая книга завелась»,— и сам идет приготавливать себе ужин. А потом начинает ссориться с женой из-за этой же самой книги, чтоб скорее дала и ему читать. И именно здесь можно услышать:

— Никак не могу подписаться на Некрасова,— возмущается Нина Николаевна.— Гюго сто лет не переиздавали. Мало хороших книг о современном рабочем. Ну, что это такое: в центральной библиотеке нашего Дворца культуры Мопассана и Драйзера на дом уже не дают, можно читать только в читальном зале...

...Знакомилась я с сормовичами, а за ними вставал весь город Горький. Я знала, что это город-воин, город-революционер, город-труженик. Теперь я знаю, что это город-книголюб. Подобной страстью одержимы тысячи городов нашей страны. И в этом — черта современного поколения рабочего класса, своеобразие нашей эпохи.

РАЗН
ГО

Владимир **СВИРИН**

РОЗЫ

— Пойду, что ли, Михайловна,— сказал он и накинул пиджак.

— Не рано? — Жена протянула ему зеленое эмалированное ведро — в нем вместе с водой легко заколыхались букеты красных роз.

— Двадцать пять? — уточнил он.

— Двадцать пять.— Она поправила выбившуюся из-под платка прядку, напомни-

ЫЕ
ЛОСА

ла: — Большой, смотри, прибереги напоследок.
— Знаю.
Торговки цветами сидели на деревянных ящичках вдоль тротуара. Старик пристроился рядом, примостившись на корточках.
— По пятьдесят просим,— поспешила предупредить крайняя, беспокоясь, чтобы новичок не сбил цену.— А ты?
— Семьдесят.
«Семьдесят... Семьдесят...» — зашелестели цветочницы, понимающе переглядываясь. И одна — помоложе и побойчее — жалостливо посочувствовала:
— Не купят ведь. Уж больно цену заломил...
— А ты не бойся,— с покровительственным добродушием возразил дед.— Человек, он товар видит.
Через полчаса он, наверное, и сам понял, что переборщил: розы «не шли». Однако не сдавался, упрямо стоял на своем:
— Семьдесят. Семьдесят.
Усталые домашние хозяйки, перекладывая тяжелые авоськи из руки в руку, безнадежно топтались возле ведра:
— Уступил бы, а?
— Не будя,— коротко отвечал он.
— Скряга...
Стемнело. Ушли, распродав цветы, соседки. Опустела улица. А старик стоял над ведром с розами, настырный, странный старик, не пожелавший уступить гривенник-другой. Чего он ждал? Или кого? И ждал ли?
Да. Они выскочили из-за угла и направились к нему. Ей было лет восемнадцать, ему — чуть больше. Он что-то рассказывал, и она смеялась, заливисто и беззаботно, и встряхивала волосами, ниспадающими на плечи.
— Ой! — сказала она вдруг.— Розы. Купим?
Парнишка порылся в кармане и достал мятый рубль.
— Держи, отец.
— Не жалко рубля-то? — спросил старик.— Большие деньги.
— Бери, бери...
Старик, не взяв рубля, вытащил из ведра букет и протянул девушке:
— Возьми, красавица. Потому что сегодня день такой...
— Какой?
Он знал, что спросят. Обязательно. И потом будут слушать безмолвно и внимательно, как в сорок пятом в этот день получил он с женой «похоронку» на сына, погибшего в чужой стороне, как решили они со старухой: уж коли не довелось побывать им на Васиной могиле, каждый год дарить цветы в этот день таким же молодым, каким был сын,— влюбленным и счастливым.
— Но почему вечером?
— Если люди счастливы и вечером, значит, день они прожили ладно...

Черкесск.

Николай
ЖУРКОВИЧ

«ВЕРУЮЩИЕ» ГУСИ

На праздник божьей матери одигитрии ударили в колокола. И тут случилось невероятное. Сотни гусей с только что выстроенной совхозной фермы, теряя пух и перья, перебежками и лётом ринулись к церкви. Старушек прихожанок это нашествие привело в ужас, а батюшку — в великое изумление.
А загадка объяснилась просто. Оказывается, гусей этих вырастили школьники. Они приучили их собираться на кормежку по звонку.

ДОПРОС

С дедом Тимохой мы старинные приятели. Уже много лет подряд я приезжаю к нему на открытие весенней охоты. Я знаю, что старик искренне радуется мне, ведет со мной долгие научные разговоры и с удовольствием попивает перцовую настойку из моих охотничьих запасов.
Но в этот приезд дед встретил довольно равнодушно, чтобы не сказать — с неприязнью.
— Здоров, коли не шутишь,— сказал он, продолжая скоблить куском стекла грабельник и не подавая руки.
Сажусь рядом и предлагаю деду Тимохе сигарету.
— Не курю. Бросил,— отказывается он.— Тут болтают, что ты в писатели пошел. Брешут?
— Да как тебе сказать... Пожалуй, не брешут.
— Значит, правду говорят. Так, так...
Разговор у нас явно не клеится. Я вижу, что деда Тимоху мучает что-то невысказанное, но с расспросами не тороплюсь.
Покончив с одним грабельником, дед принимается за второй, искоса поглядывая на меня.
— В писателях, значит, ходишь?
— Выходит, хожу.
— Так, так...
Оскоблив с полдюжины сухих сосновых палок с раздвоенными концами, дед Тимоха не выдерживает и задает мучивший его вопрос:
— А из учителей что, выгнали?

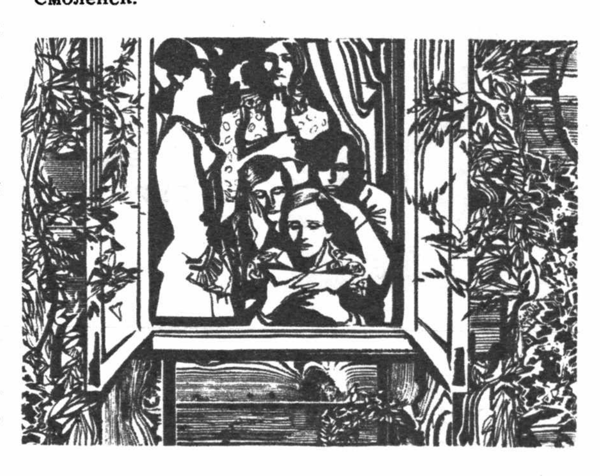
ПРИМЕТА

Осенью, в бабье лето, вдруг перед домом Максима Макаенка зацвела яблоня.
— Не к добру это,— говорила Макаенчиха, подбивая мужа срубить яблоню.
Через две недели сын Максима Макаенка Иван получил орден Красного Знамени.
— А ты говорила, что не к добру,— сказал Максим.
— Ивану-то могли и Героя дать,— не сдавалась Макаенчиха.— Он разве хуже других?

ПИСЬМО

Мужа Раи Поливановой увезла в какие-то дальние края продавщица магазина. Долго убивалась Рая, а потом получила письмо: «Дорогая моя Раечка, казню я себя и днем и ночью, что так сделал. И не мил мне белый свет, и нету мне без тебя никакой жизни. Птицей бы прилетел, если б знал, что примешь...»
Читала Рая соседкам это письмо и плакала. И соседки плакали, слушая жалостливые слова.
— И что ж ты порешила? — спрашивали они.
— Отписала, чтоб и на глаза не показывался. Зачем он мне такой неверный?!
— Прости ты его, беспутного,— уговаривали соседки.— Помучай для порядку и прости.
Рая и рада б простить, да только не пишет он ей. А это письмо с тоски она сочинила сама.

Смоленск.

Василий
БОЧАРНИКОВ

КУК-КУ...

Она сама напоминает о себе: только зазеленеет земля весенняя, только пробьется на березе лист, пахнущий смолкой и медком, только примется в Сутке метать икру сорога, как над лесами, над свежей водой, над тихими полянами взовьется и полетит крепко и жарко — кук-ку... кук-ку...
Прижмешься к теплому стволу березы и с просветленным лицом и с полной беззаботностью прикажешь:
— Прокукуй, кукушка, сколько мне лет жить.— И весь в слухе, в напряжении:

вот бы побольше отсчитала, подольше покуковала — сладко и больно.

Без кукушки весна не весна. И лес не лес. Наверное, потому старые часовщики, большие мастера, делали на своих часах замысловатые оконца, из которых в положенный срок выпархивала кукушка и, сколько полагалось, столько и куковала.

Откуда же у нас, людей, к птице этой неприязнь, открытое презрение, насмешка и даже брань? Кукушка откладывает яйца в чужие гнезда и сама птенцов не высиживает, это за нее делают, не решаясь, а может, и зная, однако не решаясь выкинуть чужое, но живое яйцо наземь, другие птицы. Но это, как говорится, свои, птичьи дела, и чего бы нам вмешиваться в них? Но мы вмешиваемся и судим, жестоко, зло судим кукушку за легкомысленное материнство.

Почему? Наверно, потому, что сами мелко обидчивы. Услышат, попросят кукушку: «Прокукуй, сколько лет мне жить на земле»,— и настраиваются на то, что она внятно отсчитает годов восемьдесят, девяносто, а то и все полтораста — вот тогда бы можно и простить птице птичий грех, а кукушка, то ли она голодна, то ли с дороги устала, то ли милый обидел, выдаст пять — семь раз кук-ку, и все. «Только-то?» — обозлится слушатель и обидным словом обзовет кукушку. И не простит. Расскажет о ней очередную небылицу.

Заступаюсь, кукушка, за тебя. Кукуй, сколько тебе хочется. Ведь ты кукуешь березе и вереску, облакам и речке, траве и зверям, птицам и солнышку, а не только нам, людям. Пусть летит над лесами, над речками и тихими полянами хмельно-жаркое — кук-ку... кук-ку... кук-ку...

ПОЛЕ В ЛЕСУ

Оно мне нравится всегда, это Пореевское поле в лесу: и когда озимь уходит под снег, и когда под вечерней зорькой кланяется земле тяжелый ржаной колос, и когда четырехлемешный плуг навалит крутые волны, и сейчас, закиданное снегами, с нервными заячьими стежками, с замысловатыми следами лисы.

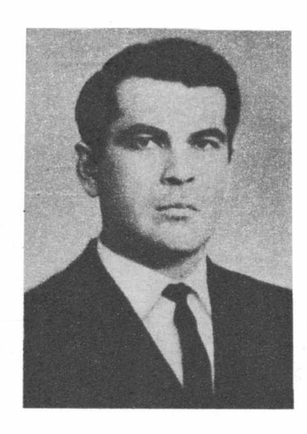
Длинную сторону поля подпирает сосновая и еловая стража, концы поджимает березняк, а тут, где идет дорога,— тоже по длинной стороне — изгородь. В землю с малым отступом вбиты колья, их вверху и внизу прихватили лозняковой вязью и поверху вязи положили слеги.

Поле тихое и красивое. Снег разлит ровно, без воронок, наметов и сугробов, лес сдерживает вихри. В солнечный денек от заиндевелых деревьев на него падают тени, резкие, светло-синие. Или отражаются облака. Тут, когда едешь на лыжах все лесом и лесом, потеряешь счет деревьям и все они станут казаться на одно лицо, вдруг поймешь и ощутишь чувство простора. И увидится тот человек, далекий и незнакомый, который, вернувшись с поля Куликова победителем, заживил раны от татарского меча, ринулся на лес: жег, корчевал, стаскивал конем рогастые пни и, осилив наконец лес, из лукошка горстями раскидал зерно, шепча потрескавшимися губами: «Расти. Нам теперь жить нужно шире, сильнеть...»

Запах хвои в лицо, а от скирды соломы, зажатой в углу, у дороги, ржаной, хлебный запах. От него теплеет душа, и ты, не сознавая этого, чувствуешь, что оставляешь в этом поле что-то свое. И приобщаешься к тем, кто сотворил это лесное поле, работал на нем век за веком или просто видел его и восхищался.

Кострома.

Эльдар
ГУРТУЕВ

ЦЕНА ТОПОРА

Бесплатно топор нигде не получишь, верно?

Вот и я думаю: верно! Только не дай аллах сказать вам этого нашему Зекерье... Он засмеет вас, будете только потеть да оглядываться, нет ли поблизости знакомых, свидетелей вашего позора. Кто такой Зекерья? Э, особый это человек. Обо всем имеет особое мнение — и о топорах, между прочим, тоже.

Вот, к примеру, базары. Вы туда зачем ходите? Понятно, за покупками. А Зекерья — нет... Он ходит на базар, как на праздник души. Он там черпает радость и вдохновение. Танец красок, музыка запахов, драма и комедия человеческих отношений — вот что такое базар для нашего Зекерьи!

Я сейчас расскажу вам, что с ним однажды случилось.

Идет Зекерья по базару и наслаждается. Вот молоденькая хозяйка пробежала, волнуется, никак мясо выбрать не может. Зекерья усмехается: «Э, дочка, молодой супруг и не заметит, хоть сырые жилы поднеси ему». Вот парень с авоськой топчется у прилавка. Зекерья щурится: «Понятно, дорогой, сейчас твоя милая кажется тебе слишком нежной для базарных дел. Надолго ли?» Не то чтобы злой Зекерья, а так — знает старик жизнь. Весело и привычно делит он базар на две половины: одна старается подороже продать, другая — подешевле купить. И, как опытный шахматный болельщик, Зекерья умеет наслаждаться этой острой и захватывающей игрой. Вот покупатель уже в цейтноте, вот уже собирается сдаваться — и вдруг замечает червоточинку на капустном листе... Стремительная атака, прорыв, мат! И продавец с недоумением отдает товар за полцены. А рядом та же картина, но с обратным результатом: продавец ухватил сочную, желтую грушу и, действуя ею, как тяжелой ладьей, принудил противника к капитуляции. И хрустящая бумажка из кошелька покупателя упала на прилавок, как флажок на шахматных часах. «О! — восклицает Зекерья, разглядывая длинные столы и людей, склонившихся над ними по обе стороны.— Это же сеанс одновременной игры»

И вдруг Зекерья увидел огромного старика с бородою на манер кубинских барбудос, с глазами, полными яркого презрения. Он продавал топоры, грабли, лопаты и другие предметы, соединяющие в себе кузнечное и плотницкое искусство. Однако торговля шла вяло. Не то, чтобы товары были плохи, нет... Вещи были сделаны добротно, не придерешься. Дело в самом старике. Он просто не умел торговать. Он просто сидел и курил. Вы представляете? К нему подходит покупатель, спрашивает цену. Старик называет. И цена-то вполне божеская, но и покупатель не в магазине! Он хочет поторговаться. А старик, вместо того чтобы играть по всем базарным правилам, только щурится презрительно и гудит чугунным голосом: «Берешь — бери, нет — иди своей дорогой». И покупатель идет своей дорогой, потому что теперь наш покупатель пошел с тонкой душевной организацией и требует нежного обращения.

Зекерья даже остановился — так поразил его этот странный продавец. Он долго наблюдал за ним и наконец стал кое-что понимать. А когда понял — насмешливые глаза старого Зекерьи стали мягкими, добрыми

Рисунки И. БЛИОХА.

и чуточку лукавыми. Вы спросите, почему? Не спешите... Если я начал рассказывать — значит, обязательно кончу когда-нибудь.

Тем временем подходит старушка, выбирает топор и спрашивает, сколько он стоит.

— Три рубля, кому нужно,— говорит продавец. Ну никакой торговой дипломатии! Старушка роется в кошельке, скребет монеты по всем углам, а этот барбудо и не смотрит на нее!

— У меня тут... два с полтиной,— робко говорит старушка.

— Ну так иди, не мешай,— отвечает ей продавец и выпускает два огромных клуба дыма.

Бабушка испуганно и виновато засеменила прочь, Зекерья — за ней. Отошли на приличное расстояние. Тут Зекерья берет ее за локоть и говорит: «Ты меня здесь подожди, мамаша, попробую тебе помочь. Не уходи никуда, я сейчас поговорю с этим грубияном».

Подходит Зекерья к старику, садится на корточки и берет топор. Двумя руками берет, осторожно, словно не топор это, а хрустальный графин, наполненный столетним коньяком.

— Сам сделал?

— В магазине купил,— проворчал бородач и скривился презрительно.

Зекерья улыбнулся.

— Нет, меня не обманешь! Да разве такое в магазине купишь? Смотри, как отбито лезвие — как бритва! А топорище! Змея, а не топорище! Руку так и обвивает... Нет, дорогой, этот топор не кузнец даже делал, а ювелир. А ты мне — в магазине!..

Бородач промолчал, хотя лицо его заметно просветлело. А Зекерья заливается как ни в чем не бывало:

— Славный топор, хоть на выставку посылай. А почему бы и нет? Ведь любой увидит: большой мастер делал эту вещь. Да что мастер — художник! Жаль только, не умеют у нас ценить настоящие таланты. А такой талант ценить надо. Уважать надо такой талант!

Зекерья ласково провел ладонью по топорищу, словно котенка погладил:

— Вот и топорище... А глаз у меня верный, вижу: с любовью его делали, а полировали на совесть: блестит, словно кизиловая палка у старика. Возьмешь в руки такую вещь — и захочется работать без устали. Глаз радуется, душа поет, когда такой топор! И не в сарае место ему — на стену, на ковер его вешать надо, как саблю кубачинских мастеров...

Зекерья на минуту перевел дыхание и увидел, как лучистые морщинки побежали от глаз кузнеца, как задрожали его губы и стали влажными глаза. Голос Зекерьи стал еще проникновеннее.

— Жил, помню, у нас в ауле старик. Ножи делал, косы и топоры. Из дальних аулов приходили к нему. Великий мастер был. Да, помню, пусть рай будет пристанищем его доброй души. А топоры его да косы остались. И сам он через них остался в памяти людей. Думал я, такого мастера уже не встречу. А сейчас увидел твой топор — значит, думаю, есть еще настоящие мастера...

Бородач наконец заговорил, и голос его стал дрожать от волнения.

— Бери его себе! — сказал он.

— Да что ты,— смущенно сказал Зекерья.— Такая вещь...

— Бери-бери, добрый человек!

— Неловко как-то, да и денег у меня всего два с полтиной... Я ведь просто полюбоваться присел. Давно не видел такой работы.

— За так бери. Дарю! Возьми, пожалуйста! Я ведь тоже давно не встречал понимающего человека.— И бородач смахнул слезу огромным черным кулаком.

...А теперь вы скажите мне: сколько стоит обыкновенный, ну самый обыкновенный топор?!

Перевел с балкарского Юрий ЕГИН.

Нальчик.

Фазу АЛИЕВА

ТРИ ПОРТРЕТА МОЕЙ МАТЕРИ

Ты всегда жила не для показу,
Никакой не знала суеты,
Даже в юности своей ни разу
Не сфотографировалась ты.
На бумажном гладком фотополе,
Нет, запечатлеть не довелось
Белый лик твой в черном ореоле
Непослушно вьющихся волос.
Потому, ликуя и страдая,
Пряча тайну в свете серых глаз,
А в губах — загадку,
Молодая,
Со стены не смотришь ты на нас.
Не с тебя
Сикстинскую мадонну
Рафаэль восторженно писал,
Не тебя
Однажды удивленно
Незнакомкою Крамской назвал.
Даже никакой художник местный
Дань твоей не отдал красоте,
Не оставил образ твой прелестный
На шершавом матовом холсте.
И с обложек красочных журналов,
Взятое в цветочное кольцо,
Слава богу, сладко не сияло
Скромное и чистое лицо.
Лишь душа моя явилась рамой:
В ней,
Как на скале — печать времен,
Трижды
Твой прекрасный облик, мама,
Памятью моей запечатлен —
Три портрета
Дней послевоенных,
Где еще ты, мама, молода,
Где в твоих заботах повседневных
Отразилась общая беда.
И пока живу я
И покуда
Три твои портрета есть во мне,
Жизнь воспринимаю я, как чудо,
За нее ответственна втройне.
Три твои портрета
Мне заплакать
В трудную минуту не дают,
И меня от тех дорог,
Где слякоть,
Три твои портрета берегут.
Три твои портрета
Свет лелеют,
Словно три прозрачных родника,
И пока живут,—
Не оскудеет
Ни за что уже моя рука.
И я верю, роковая Лета
Не упрячет в алчной глубине
Три твои прекрасные портрета!
Вот они, живущие во мне.

1

Не забыть мне тех ночей холодных:
Ветры рвут снега
И так урчат,
Словно стая хищников голодных
Рвет на части крохотных ягнят.
Клочья снега,
Словно шерсть овечья,
Прилипают к мерзлому стеклу.
А тебе прикрыть, как надо, нечем
Четверых нас,
Спящих на полу.
Нагибаясь, ты нам гладишь спины —
Горяча от жалости ладонь,—

А потом,
Собравши воедино
В очаге оставшийся огонь,
Ты его легонько, осторожно
Прикрываешь влажным кизяком:
Путник замерзающий, возможно,
Этой ночью постучится в дом.
И тогда ты станешь на колени
И огонь раздуешь в очаге...
А пока ступаешь тише тени
С лампой керосиновой в руке.
Ставишь лампу ты на подоконник,
Чтоб в ночи, с зимой наедине,
Заблудившись,
Пеший или конник
Мог увидеть свет в твоем окне.
За окном немыслимая вьюга.
Ты стоишь вполоборота к ней:
Вдовий твой платок повязан туго,
И под ним лицо еще бледней,
И лица подчеркнутая бледность
Светом твоих глаз озарена,
В них такая горестная нежность,
Что небесной кажется она.
Но таится радостная детскость
В ямочках твоих запавших щек.
Длинными и тонкими на редкость
Пальцами
Ты в лампе фитилек
Убавляешь,
Чтобы меньше тратить
Дефицитный керосин,
Но ты
Лампы до конца не гасишь ради
Тех, что среди снежной темноты
Этой ночью могут заблудиться.
Вновь глядишь в морозное стекло:
Может, кто в окошко постучится,—
Свет горит,
Припрятано тепло.
Вот каков портрет твой первый, мама,
Образец добра он для меня.
Тьма и вьюга... Но стоишь упрямо
Ты на страже света и огня:
Две руки протянуты в пространство,
В правой — свет,
А в левой — жар печной,
Чтоб тепла и света постоянства
Не лишился бедный шар земной.

2

Легче ли тебе в дневной заботе?
Посредине сакли — медный таз,
В нем все наши грязные лохмотья.
И хоть лето,—
Солнце ты для нас.
И с надеждой
Восемь глаз сиротских
На тебя одну устремлены.
То, что в сундуке муки ни горстки,
Днища всех кастрюль обнажены,
Мама,
Мы еще не понимаем!
Восемь рук протянуто к тебе,
Восемь рук в единственной мольбе:
— Мама, дай поесть! —
Мы умоляем.
Ты стоишь пред нами напряженно,
Как натянутая тетива,
Чтоб гортанью не исторгнуть стона,
А найти утешные слова.
Но откуда быть такому слову?
И кувшин ты глиняный берешь —
Не впервые ты доить корову
Чаще, чем положено, идешь.
Хоть корову кличем мы Чернушкой,
Молоко бело,
И вот в руках,
Словно голубей,
Мы держим кружки,
Полные парного молока.
Ты глядишь на нас, и вся сияешь,
И губами шевелишь едва,
И одежку ветхую стираешь,
Закатав по локти рукава.
Пена, как туман в начале лета,
На запястьях тоненьких кипит,
И летит, как пух,
И в бликах света
В черных волосах твоих блестит.
И на лбу высоком пот прохладный
Выступает под твоим платком.
Ты стираешь
И глядишь, как жадно
Запиваем голод молоком.
О, не в том ли жизненная драма:
Быть сильнее повседневных бед?
Вот каков
Второй портрет твой, мама,
Ежечасной стойкости портрет.
Чудится,
Что ты ко всей вселенной
Руки распростерла широко,
И в одной — кипенье мыльной пены,
А в другой — парное молоко.

3

Осень.
Лист ореха золотится.
За спиной осталась молотьба.
И за долгий труд мешок с пшеницей
Дарит тебе трудная судьба.
Вот идешь ты с мельницы,
Сгибаясь
Под счастливой тяжестью муки,
Глядя в почву,
Почве улыбаясь
Всем ее каменьям вопреки.
На закате благостную ношу
Высыпаешь из мешка в сундук,
И мы громко хлопаем в ладоши
И с восторгом вертимся вокруг.
Чтобы в доме нашем был достаток,
Ты на белоснежности муки
Оставляешь четкий отпечаток
Тонкой и мозолистой руки.
На муке
Мы оставляем тоже
Отпечатки наших детских рук.
— Пусть наш хлеб учетверится, боже! —
Молишься ты, глядя на сундук.
Лик твой белый в ореоле черном!
Мама, ты выходишь на крыльцо,
Кажется сейчас луною горной
Мне твое открытое лицо.
Белый лик твой в черном ореоле...
Приглашаешь всех в свое жилье:
«Я муку смолола хорошо ли,
Хорошо ль зажарила ее?»
Никогда так весело и ярко,
Как сейчас,
Очаг наш не пылал.
Никогда так весело и жарко
В казане хинкал не закипал.
В дом к тебе гостей пришло немало.
С той поры, как стала ты вдовой,
Никогда тебя я не видала
Вот такой,
Беспечно молодой.
Ты с гвоздя сняла большое блюдо —
Сколько лет мерещился ему
Этот час,—
Хинкалы, словно чудо,
На него кладешь по одному.
И гостей с улыбкою счастливой
Потчуешь,
И пахнет за столом
Острою кавказскою подливой —
Сыром, чесноком и молоком.
И лицо твое полно покоя
(И, возможно, в этом жизни суть),
Будто одного мешка с мукою
Хватит нам на весь житейский путь,
И не только нам,
Но и соседям —
Всем, сегодня созванным тобой.
Я горда твоим портретом третьим —
Безоглядно щедрою судьбой:
Блюдо мира —
На ладони правой,
И на нем дымящийся хинкал
С острою чесночною приправой,
Чтобы мир вовек не голодал.

Перевела с аварского
Инна ЛИСНЯНСКАЯ.

В насчитывающем четверть миллиона названий озерном перечне страны у Селигера особое место. Пусть нет здесь рыцарских замков Тракая, глубин и диковинной фауны Байкала, полей эдельвейса Иссык-Куля. Да и вся-то акватория Селигера уместилась бы на одной семидесятой части Ладоги, но может же отразиться в капле целый мир! В одном, говоря прозаически, водоеме, воплощается вся тихая и ясная краса Руси, роднящая край озер с полотнами Саврасова и Левитана, стихами Кольцова и Исаковского.

К летнему сезону 1946 года у нас в стране имелось 15 туристских маршрутов, а теперь их чуть ли не в 16 раз больше только у одного из 136 туристских советов — Московского. У самой же крупной туристской «фирмы» мира — Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС — более 2 500 плановых маршрутов. И один из них, номер пятый,— Селигер.

Совсем недавно проблемы Большого Селигера были не в первый раз предметом рассмотрения на Совете Министров Российской Федерации. Уже сегодня о спросе на Селигер нельзя судить только по числу реализованных путевок. Емкость турбазы «Селигер» — 700 человек, «Сокола» — и того меньше — 400. Посещают же озеро и его округу за лето от 150 до 200 тысяч любителей странствий, рыбалки, отдыха на воде.

И вот мы на озере 160 островов. Древнее соседствует здесь с новью. Неподалеку от древних морен глядятся в лагуны новый, похожий на отель, корпус турбазы в Новых Ельцах и уютный клуб и кафе. А с борта парохода экскурсовод покажет вам сельцо Пески, где в 1615 году состоялась мирная конференция со «свейскими немцами» (шведами), или леса близ Залучья, где впервые в 1942 году гитлеровцы узнали, что такое окружение.

ЖИВА

В 1972 году отпразднует двухсотлетие столица края озер — Осташков. В местном, заметно пополнившемся музее нам показали старый герб. На нем три серебряные рыбы. Теперь же настало время новой геральдики, и символом озерного края становятся байдарка, палатка, человек с рюкзаком и картой.

От первого на пути острова Кличен встает перед нами Селигер... Остров станет туристским вестибюлем: с головной турбазой «Вымпел», прокатом байдарок и всего походного скарба, консультационными пунктами, киосками сувениров, тройной ухой по-селигерски.

Тот, кто держит путь не по воде, а посуху, может обновить остававшийся до сих пор неблагоустроенным 90-километровый отрезок пути Торжок — Кувшиново — Осташков. А с борта удаляющегося от города пакетботика открывается нам прозрачный куб недавно открытого речного вокзала. А там, на траверзе острова Вороньего, глаз охватывает весь Осташков, от старых ремесленных слобод Ёмша и Струговище до так удачно вписавшейся в проем меж кварталами новехонькой бело-изумрудной гостиницы. А потом пойдут и пойдут по бережкам, по островам да плесам стационарные турбазы и таборы на 2—3 палатки.

Селигер станет еще краше, богаче и доступнее.

Е. ДМИТРИЕВ

Есть что выбрать для похода.

«Варварина протока». Названа в честь старейшего экскурсовода турбазы Варвары Николаевны Васильевой.
Фото Л. БОРОДУЛИНА.

ТУРИСТСКАЯ
МАРШРУТНАЯ
СХЕМА
ОЗЕРА СЕЛИГЕР

УСЛОВНЫЕ
ЗНАКИ

Я ПРЕЛЕСТЬ СЕЛИГЕРА

Тишь и благодать засыпающих плесов.

Отсюда начнем походы.

Удачно вписался в колоннаду старого бора новый корпус турбазы «Селигер».

На водных лыжах.

Все ушли на озеро.

СПАСИБО ВАМ, ОТЦЫ!

Марат ЦЕБОЕВ

Бывшая воспитанница детского дома Русико Кузаева получила письмо от осетинского писателя Тотырбека Джатиева:

«Милая Эльхота, здравствуй! Как здорово, что ты нашлась! Я очень рад этому. Помню о тебе с сорок второго года. А с конца войны, когда вышла моя книга «Два друга», в которой описывается твоя история, я потерял покой: меня атаковали мои читатели. Каждый, особенно юноши, требовал немедленно сообщить твой адрес и прислать твою фотографию. А где я их мог найти? Для этого нужно было сначала найти тебя. А ты так «запряталась», что на твои поиски потребовалось долгих двадцать восемь лет. Я искал в детдомах Эльхоту Морскую, а тебя, оказывается, перекрестили в Русико... Иди догадайся. А в одном детдоме мне даже дали справку, что ты... умерла. Чтобы пусто было этим вралям! Теперь-то я успокоился и радуюсь, что ты, моя самая юная героиня, нашлась... До скорого свидания, дорогая! Тотырбек Джатиев».

...Осенью 1942 года над осетинским селением Эльхотово гремели пушки, свистели снаряды. Немцы рвались к Каспию, к нефти. Четыре месяца держали оборону бойцы 84-й морской бригады, не отступая ни на шаг.

Однажды, выполняя задание, разведчики 3-го батальона под командованием старшины первой статьи Николая Чуева услышали детский плач. Плач доносился из пустого дома с развороченной снарядами крышей. Разведчики осторожно — не ловушка ли? — пробрались во двор. Первое, что увидели,— мертвую женщину. Переступили порог — в пропахшей пороховым дымом комнате девочка лет двух привязана к столу, кричит. Разведчики хотели было сразу же отвязать ее. Но... Что это за провод тянется по ножке стола и исчезает под полом? Стол заминирован! Не досмотри разведчики — погибли бы вместе с ребенком. Пришлось повозиться, пока удалось снять мину. Девочку завернули в кожанку и вынесли. Через день ее увезли в селение Брут, в медсанроту. Бойцы заботливо ухаживали за малышкой, сшили ей одежку, добывали сласти. Всю бригаду облетела весть о ребенке, у которого фашисты убили мать,— а кем еще могла быть та убитая женщина? Моряки решили удочерить девочку. Долго спорили, как назвать. Наконец решили: имя — Эльхота, чтоб навсегда запомнила место, где ее нашли, фамилия — Морская. Оформили свидетельство, которое подписали командир бригады подполковник Б. Павлов, комиссар А. Данилов и начальник штаба Н. Закуренков.

Но приемная дочь бригады не могла долго оставаться со своими новыми родителями. Шли тяжкие бои, и девочку пришлось отправить в глубокий тыл, в детский дом.

Об этом случае и рассказала военная газета, поместив фотографию, на которой Эльхота находится в окружении воинов. Об этом узнали миллионы школьников, прочитавшие повесть Т. Джатиева «Два друга».

...9 мая 1971 года. Над Эльхотовом красные флаги. Со всех концов страны съехались сюда бывшие воины 84-й отдельной морской стрелковой бригады: начальник штаба артиллерии Ю. В. Рожанский, связистки Л. М. Шибанова и Н. Н. Бекетова, разведчик Н. И. Чуев, командир минометной батареи А. В. Зубуллин, В. Г. Алексанов, санинструктор Ф. Г. Сайфуллин, вынесший множество раненых с поля боя, и другие. Приехал в Эльхотово черноморский моряк Н. В. Кочергин. Он не служил в 84-й бригаде, но много лет занимался поисками Эльхоты. Тысячи людей присутствовали на встрече, о которой заранее сообщила печать. Приехали не только ветераны. Нельзя не упомянуть молодого человека из Азербайджана, который спрашивал у всех ветеранов: «Вы не знали моего отца — Мамиша Исмаиловича Асланова? Он погиб где-то здесь, в Осетии, под Ардоном...»

Начался митинг. Торжественные речи. Слово предоставили Эльхоте Морской.

— Защищая Родину,— сказала она,— погиб мой отец. Но я не одинока. Посмотрите, вот они стоят рядом, мои отцы, воины 84-й морской бригады. Они спасли меня, удочерили. Здесь, на эльхотовской земле. Спасибо вам за все, родные! Спасибо!

...Старую, полуразрушенную мечеть облепили со всех сторон любопытные ребятишки. Там же обосновались кинооператоры. Погода ясная, теплая. Пионеры вытянулись в почетном карауле у братской могилы. Солдаты выстроились в шеренгу, вскинули вверх винтовки. Громыхнули залпы салюта...

Эльхота уткнулась в мягкие, теплые руки матери...

Да, мать Эльхоты нашлась. Об этом расскажет главный организатор этой встречи председатель Эльхотовского сельского Совета Ахболат Сахмурзаевич Карсанов:

— В розыске Эльхоты принимали участие многие люди. Однажды ко мне приехала Нуца Григорьевна Гагиева из Сунжи. К этому времени мы уже напали на след Эльхоты. Женщина долго рассказывала, как потеряла в 1942 году дочь. «Я,— говорит,— слышала, что вы разыскиваете какую-то девочку». Показал ей фото Эльхоты, где она с бойцами. Материнское чутье не подвело. Показала место, на котором стоял их дом. Потом это же место указали моряки. Оказалось, что убитая женщина, обнаруженная разведчиками в 1942 году, была не матерью, а бабушкой Эльхоты. Отец же ее, Садул Джиоев, отдал жизнь за свободу Родины.

Так встретилась дочь с матерью и с теми, кто ее спас,— ветеранами 84-й морской бригады.

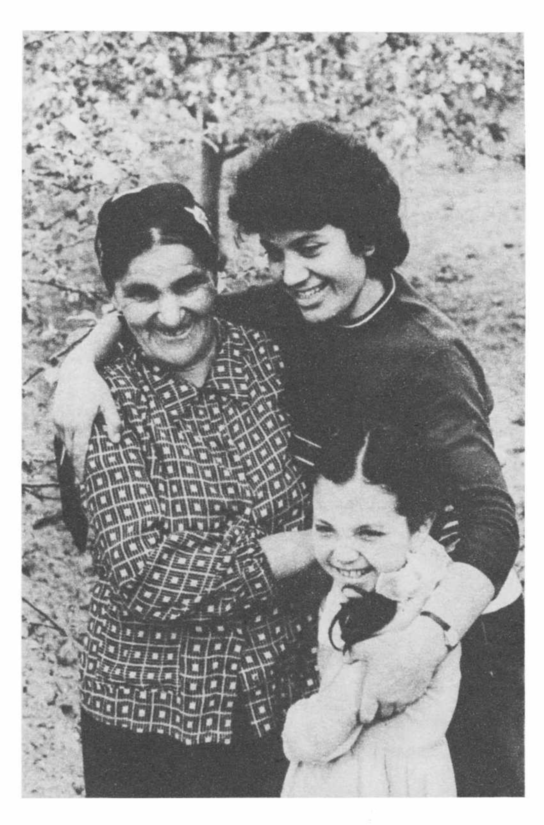

Фото автора.

Дежурная часть ГАИ УВД Мосгорисполкома.

Инструктаж личного состава отделения вертолетного патрулирования: начальник отдела ГАИ УВД Мособлисполкома Г. П Белов (в центре), начальник отделения П. П. Будков, госавтоинспекторы В. Н. Бекало, А. К. Скрипников, старший госавтоинспектор В. И. Астахов и пилот Д. П. Автухов.

ГАИ

Инспектор дорожного надзора.

Автомобиль, дорога, водитель — рубрика, появившаяся в 47-м номере «Огонька» за 1970 год, когда был опубликован репортаж «Углы круглого колеса».

За круглым столом редакции шел разговор о проблемах, волнующих автомобилистов, водителей машин, строителей дорог.

Корреспондент «Огонька» Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ обратился к заместителю министра внутренних дел СССР Б. ШУМИЛИНУ с просьбой продолжить этот разговор с позиции тех, кто призван строго следить за безопасностью движения транспорта, за порядком на дорогах.

ЧЕЛОВЕК И МАШИНА

Б. ШУМИЛИН, заместитель министра внутренних дел СССР

Автомобиль, активно вторгнувшись в экономику, в быт городов и сел, вызвал к жизни много сложных проблем. Одна из них — рациональная организация транспортных и пешеходных потоков, обеспечение безопасности водителей, пассажиров, прохожих. Проблемы эти тревожат все человечество. Статистика утверждает: каждые три минуты на дорогах планеты в результате несчастных случаев гибнет или получает увечья один человек.

Наши дороги, к сожалению, не являются исключением. В 1970 году только на Украине в результате автомобильных происшествий пострадало 29 877 человек. По подсчетам специалистов, в СССР ежегодно в результате аварий теряются сотни миллионов рублей.

Как же обеспечить сосуществование человека и машины, как наиболее оптимально организовать движение транспорта и пешеходов?

Прежде чем ответить на этот вопрос, уместно напомнить об активном взаимодействии человека, автомобиля и дороги. И «Огонек» правильно поступил, посвятив разговор за круглым столом именно этим проблемам. Участники встречи за круглым столом высказали много интересных и важных соображений. И я с готовностью принимаю предложение продолжить этот разговор.

Начну с автомобиля. Современные легковые машины развивают скорость порядка полутораста километров в час, грузовые — до ста. Чтобы обеспечить безопасность движения, автомашины должны обладать надежными тормозами, хорошими осветительными приборами, иметь как можно меньше выступающих частей, быть достаточно устойчивыми и послушными в управлении. Нельзя не отдать должное нашей автомобильной промышленности: за последние годы она сделала заметный шаг вперед. Свидетельство тому — популярность советских автомобилей за рубежом, их успехи на международных выставках, в соревнованиях, даже в таких «состязаниях века», как авторалли Лондон — Сидней и Лондон — Мехико. Но, как говорится, хорошему нет предела. Уже сегодня советские автомашины можно делать более надежными и безопасными, применяя утопающую рулевую колонку, пневматические подушки для защиты водителя и пассажиров от ударов при столкновениях машин, амортизирующие бамперы, усовершенствованные тормоза...

Автомобилю нужны хорошие дороги. Плохое состояние трасс — причина значительной части всех автопроисшествий в стране.

К сожалению, до сих пор при проектировании и реконструкции дорог проектировщики и дорожники в ряде случаев исключают скоростно-переходные участки, пешеходные переходы, велосипедные дорожки, карманы для заезда общественного транспорта, места стоянок, площадки для отдыха водителей, уменьшают радиусы съездов. И все это делается под знаком снижения расходов на строительство дорог. Думается, что стоило бы экономистам подсчитать, во что в конечном счете обходится такое «снижение расходов»,— я имею в виду не ведомство, ведущее строительство, а государство в целом. Дорога, лишенная всего того, что для проектировщиков является объектом экономии, становится причиной многих и многих происшествий. Отдельные ее участки превращаются в своеобразные ловушки для водителей.

Исправление ошибок, допущенных в стадии проектирования, отступлений от проектов, как правило, обходится очень дорого. По подсчетам специалистов, стоимость реконструкции одного километра Московской кольцевой автотрассы в 1,2 раза превышает стоимость ее первоначального строительства.

Однако ни самый совершенный автомобиль, ни самая лучшая дорога, ни самые современные технические средства регулирования потоков машин не могут решить проблему быстрого и в то же время безопасного движения. В конечном итоге все зависит от человека, от уровня его подготовленности и дисциплинированности. А уровень этот сегодня таков: в среднем по стране 70 процентов аварий совершается по вине водителей и 30 процентов — по вине пешеходов.

Автотранспортными проблемами серьезно занялись партийные и советские органы. Созданы республиканские, краевые и областные комиссии по борьбе за дисциплину на дороге и на улице. Они разрабатывают и внедряют в практику немало профилактических мер. Улучшаются конструкции отечественных автомобилей. Расширяется дорожное строительство; усилен контроль многих министерств за подведомственным им транспортом. И тем не менее количество происшествий на дорогах, улицах городов и сел еще велико.

Ведущая роль в обеспечении безопасности движения принадлежит Государственной автомобильной инспекции — ГАИ. За последние несколько лет в ее деятельности произошли важные изменения. В управлениях ГАИ созданы специальные подразделения, которые решают вопросы, связанные с организацией движения автотранспорта. Появилась новая профессия — инженер дорожного движения. Готовит их пока лишь Московский автомобильно-дорожный институт. А потребность в таких специалистах огромна. Видимо, следовало бы подключить к этому делу и другие институты.

В распоряжении ГАИ имеются специальные патрульные автомашины, мотоциклы, вертолеты, надежные средства связи, радарные установки. Техническая оснащенность в сочетании с высокой профессиональной подготовкой инспекторов во многих случаях помогает предупредить несчастные случаи на улице или дороге, способствует повышению дисциплины водителей и пешеходов.

На вооружение ГАИ теперь поступают счетно-решающие устройства, телевизионные установки, более крупные и четкие дорожные знаки, указатели. В Москве на 22 магистралях организовано безостановочное движение по принципу «зеленой волны». Простои машин здесь сокращаются на 30 процентов. Это сотни миллионов сбереженных рублей.

Сейчас разрабатываются более сложные и универсальные автоматизированные системы регулирования движения. Одна из них — под названием «Город» — будет применена в Алма-Ате. Она сможет обслуживать до 120 перекрестков одновременно. Экономическая эффективность такой системы в денежном выражении — 400 тысяч рублей. Срок окупаемости — полтора года. Причем при подсчете эффективности во внимание принимались только те потери транспорта, которые вызваны задержками у перекрестков.

Весной нынешнего года внимание жителей и гостей Москвы привлекли новые дорожные знаки и указатели, появившиеся на основных магистралях столицы. Яркие, броские, эти знаки стали не только украшением улиц. Они верный компас для водителей и пешеходов, оказавшихся на улице в сложной ситуации. Они полностью отвечают требованиям Международной конвенции о дорожных знаках и сигналах и не уступают по качеству лучшим зарубежным образцам. Но они нужны не только в Москве. Надо, видимо, создать всесоюзную организацию, которая занялась бы изготовлением знаков и светофорного оборудования.

Бесспорно, в деятельности ГАИ есть некоторые улучшения. Но работники автоинспекции и других подразделений органов Министерства внутренних дел еще в большом долгу перед народом. Не всегда они умело справляются с возложенными на них трудными обязанностями. Не всегда их справедливые требования подкрепляются высокой культурой, корректностью. Не везде органы ГАИ на местах глубоко изучают свое дело — можно было бы предложить такие меры, которые позволили бы и скорость автомобиля повысить и устранить возможность аварий.

МВД СССР будет принимать все необходимые меры, чтобы ГАИ действовала четко, безукоризненно, пользовалась всеобщей поддержкой, авторитетом. Каждый сотрудник ГАИ должен помнить и о своих высоких обязанностях и о своей ответственности.

Большая проблема — подготовка шоферов. Сейчас учебной машиной может стать любой автомобиль. Но ведь потом шофер получает право водить машины всех типов и марок. Между тем управлять «Волгой» — это совсем не то, что, скажем, «ЗИЛом» или «МАЗом». В подавляющем же большинстве автошкол вождению большегрузных машин, автопоездов, автобусов вообще не обучают.

Переучивание на ходу, вождение незнакомой машины уже послужили причиной многих дорожно-транспортных происшествий. Нужды народного хозяйства и интересы безопасности движения требуют готовить шоферов строго дифференцированно: водителей автобусов, такси, большегрузных автомобилей и т. д.

Управлять автомобилем в условиях современного интенсивного движения транспорта необычайно сложно. Поэтому необходима тщательная проверка психофизиологических качеств водителя, его способности ориентироваться в самых неожиданных ситуациях, проверка быстроты реакции, умения правильно рассредоточить внимание.

Как известно, в нашей стране в новом пятилетии значительно возрастает производство легковых автомашин. На улицах городов и сел Советского Союза, на автомагистралях появятся сотни тысяч личных машин. Это хорошо. Это — свидетельство роста благосостояния советских людей. Но владельцы личных машин нуждаются в большой помощи. В частности, им надо помочь научиться хорошо водить автомобиль. Правильно, например, поступили в Челябинской области: там построят специальный автодром, где владельцы машин получают квалифицированную помощь, навыки вождения, изучают правила движения на дорогах. Думается, что подобного рода автодромы необходимо построить во всех крупных промышленных городах страны.

Многие вносят предложения создать добровольное общество, которое объединило бы владельцев машин и оказывало им необходимую помощь. Эта идея, на наш взгляд, заслуживает всяческой поддержки. Такие общества уже имеются во всех социалистических странах.

Причина многих аварий — управление машиной в нетрезвом состоянии. На совести любителей алкоголя — каждое четвертое автопроисшествие в стране. Причем эти происшествия, как правило, влекут за собой гибель, увечья людей. Только в Казахстане в 1970 году по вине нетрезвых шоферов погибли 1 029 и ранены 3 449 человек.

Пьяный за рулем — результат моральной распущенности водителя, плохой воспитательной работы в автохозяйстве, отсутствия контроля со стороны администрации.

Приведу только один пример. Водитель автобазы «Бурятэнерго» Баженов в ночь на 9 мая 1971 года пьянствовал, а утром решил привезти теще дрова. Заместитель директора центральных электросетей «Бурятэнерго» Кузнецов разрешил ему взять мощный лесовоз. По пути Баженов заехал к родственнику и распил с ним еще поллитра водки. Легко представить, в каком состоянии он отправился в обратный рейс, в Улан-Удэ. В шестнадцати километрах от города, превысив установленную скорость, машина на одном из поворотов вылетела на левую сторону и столкнулась со встречным рейсовым автобусом. От сильного удара автобус опрокинулся и загорелся. Жертвами пьяного шофера стали тридцать пассажиров, среди которых было девятнадцать женщин и четверо детей. Тринадцать человек попали в больницу с ожогами и ранениями.

Заместитель директора Кузнецов знал, что Баженов за систематическое пьянство уже несколько раз лишался водительских прав, и тем не менее разрешил ему использовать в праздничный день лесовозный автомобиль. Больше того, путевой листок он выписал ему авансом, за два дня до поездки. Разумеется, утром 9 мая никто не проверял ни состояние самого Баженова, ни техническое состояние автомобиля при выезде из гаража.

В 1970 году из четырехсот двадцати работников этого коллектива сто были наказаны за нарушение трудовой дисциплины. Из двадцати восьми работников гаража взыскания получили шестнадцать.

Борьбу с пьянством на транспорте нужно вести всеми имеющимися средствами. Следует разработать научно обоснованные методы выявления и обследования нетрезвых водителей. Нужно привлекать к ответственности шоферов, уклоняющихся от медицинского освидетельствования.

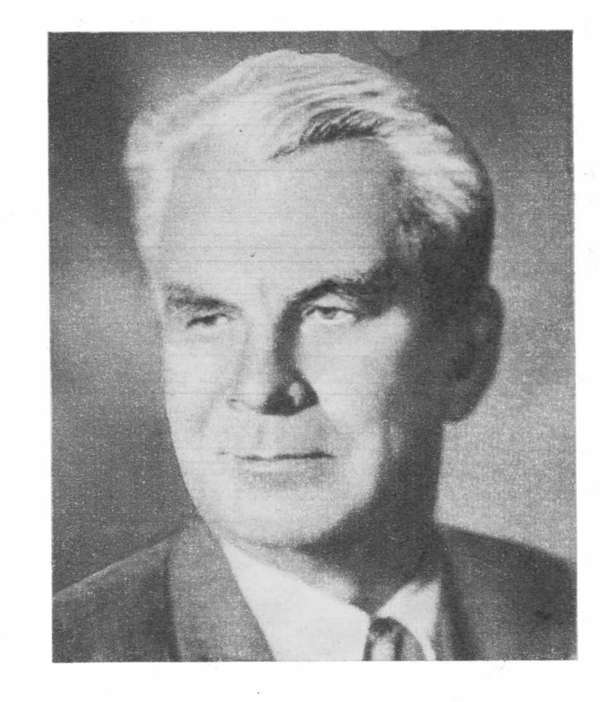
Подробнее следует сказать о Москве. Московский городской комитет партии, исполком Моссовета подняли на борьбу с автопроисшествиями районные и первичные парторганизации, общественность, коммунальные и транспортные организации, гороно, управление культуры, печать, радио, телевидение. Была оказана действенная помощь ГАИ. В столице расширилось строительство подземных переходов, эстакад, тоннелей, улучшилась реконструкция улиц. Куда шире, чем прежде, применяется совершенная техника регулирования движения. Москвичи решительно борются с нарушителями правил уличного движения. Пропаганда этих правил ведется в школах, автохозяйствах, среди населения, и принятые меры дали ощутимые результаты.

К сожалению, опыт москвичей пока еще не очень активно используется в других городах. В 1970 году в ряде республик — Белорусской, Узбекской, Туркменской, Киргизской, во многих областях Российской Федерации — отмечен рост автомобильных аварий. Особенно тревожит положение дел в автохозяйствах министерств сельского хозяйства, мелиорации и водного хозяйства, здравоохранения. Только по вине водителей машин, принадлежащих системе Министерства сельского хозяйства РСФСР, в прошлом году произошло семь с половиной тысяч несчастных случаев. Из водителей, совершивших эти аварии, каждый второй был в нетрезвом состоянии!

Призывы типа «Пешеходы и водители! Будьте взаимно вежливы!» безнадежно устарели. Нужны более действенные, более эмоциональные методы и формы пропаганды. В Вильнюсе, например, на оживленных перекрестках устанавливают специальные стенды с цифрами, указывающими количество происшествий и число пострадавших на этом перекрестке. В Риге проведено всеобщее обучение жителей города правилам уличного движения. В школах Свердловска введены должности инструкторов-общественников по пропаганде таких правил. В детских садах Эстонии проводятся конкурсы: кто лучше всех знает дорожную азбуку? Центральное телевидение ежемесячно передает «Бюллетень автоинспектора», радиопрограмма «Маяк» трижды в месяц ведет передачу «Красный! Желтый! Зеленый!». Фронт борьбы ширится. И тем не менее статистика грозно предупреждает: не успокаивайтесь, аварий еще много!

...Пусть бегут тысячи машин по дорогам нашей необъятной страны, по улицам больших и малых городов. Наш долг — обеспечить им «зеленую улицу», а миллионам пешеходов гарантировать безопасность.

«ДЫХАНЬЕ МОЛОДОСТИ СЛЫШИТ МИР...»

К 70-летию со дня рождения Владимира Луговского

Владимир Александрович Луговской был счастливым человеком: жизнь исполнила три его желания.

На Первом Всесоюзном съезде советских писателей он говорил: «Если бы даже существовала судьба, то у меня были бы три просьбы к ней.

Первая — чтобы дано мне было жить, работать и умереть для светлого мира моей великой Родины, которая стала родиной нового человечества.

Вторая просьба — чтобы сохранилась во мне до конца сила песни, потому что песня — это символ моей великой Родины.

Третья — чтобы не покидала меня человеческая отвага, ибо отвага творческая, интеллектуальная и волевая — это то, что написано на знаменах нашей великой Родины».

Юность Луговского была окрылена революцией. Романтика гражданской войны стала одной из главных тем его поэзии, от первой книги, вышедшей в 1926 году, и до последней — «Синяя весна», вышедшей уже после его смерти.

Молодой Луговской много ездит по стране, в его поэзию входит тема Средней Азии как тема преобразования природы, борьбы за всепобеждающую жизнь на земле. Этой теме поэт остается верен в течение более чем четверти века. Он создает целую поэтическую эпопею «Большевикам пустыни и весны» в четырех книгах и поэму «Дангара».

В тридцатых годах Луговской побывал за рубежом, увидел Турцию, Грецию, Италию. Родилась книга «Европа».

В 1936 году он путешествует по Австрии, Швейцарии, Франции, Англии, Германии.

«После смятенной Европы, полной страхов и надежд, меня с какой-то особенной силой потянуло к теме нашей советской Родины и, даже точнее, к советской России»,— пишет Луговской в своей автобиографии. В этот период поэт создает такие великолепные, ставшие хрестоматийными произведения, как «Курсантская венгерка», «Лозовая», «Медведь», «Мальчики играют на горе», и другие стихи. Это написано уже зрелым мастером.

Наступают суровые годы войны. В Ташкенте, в эвакуации, после контузии под Псковом, вдали от фронта, жестоко страдающий от вынужденного выхода из строя, Луговской начинает работу над главной своей книгой. Эти годы явились для него временем напряженного поиска новых путей в поэзии. Здесь, в Ташкенте, он закладывает фундамент самого монументального своего создания — книги поэм «Середина века». Он работает над ней более тринадцати лет, начиная с 1943 года, и заканчивает ее перед самой смертью. Книга выходит в свет уже без Луговского. О чем она? О судьбах мира, о судьбах революции. Сам Луговской пишет об этой книге, что это как бы «автобиография века», которая была пережита в душе рядового участника великих событий столетия». Это — философское осмысление нашего века. Через всю книгу проходит образ Ленина и тема вечной молодости жизни.

Дыханье молодости
слышит мир,
Рожденный, чтобы вечно
обновляться.
Так будем вечно обновлять
его!

Так заканчивает Луговской эту свою заветную книгу. Все, о чем пишет он, увидено его глазами, прочувствовано его сердцем, осмыслено разумом. Живая жизнь, прошедшая сквозь душу художника, превращалась в строки стихов и поэм.

Владимир Луговской не публиковал многих из своих ранних стихов. Он любил цитировать Гете, повторяя его мудрые слова: «В ограниченьи мастер познается». И все-таки в чем-то эти юношеские опыты предшествуют появлению большого поэта, чем-то они как бы возглашают, что явление поэта близко, что оно не за горами. И, может быть, в пророческой слабости юношеских стихов Владимира Луговского уже залог мужественной силы зрелых поэм большого и взыскательного мастера.

Мы предлагаем никогда не публиковавшиеся, ранние стихи Луговского, взятые нами из личного архива Тамары Эдгаровны Груберт.

Елена БЫКОВА,
Александр ГОЛЕМБА

АЛЕША

Как тяжела стала шуба...
Степлело. Скользит нога.
В дверях комсомольского клуба
Задорный, горячий гам.
Товарищ мой милый, Алеша,
Ты спишь в перекопском валу,
А топал в таком же клеше
В такую же вешнюю мглу.
Так тяжко тащить этот вечер
На полуозябших плечах,
Ловить непонятные речи
И так неуютно скучать.
Мне вдруг непонятно стало
Людское житье-бытье:
Большая, глухая усталость
Ударила в сердце мое.
Я знаю такие прогулки.
Зевая, скучая, скорбя,
В Арбатском, смешном переулке
Легко повстречать — себя.
Пройдет кое-как одетый,
Посмотрит неглубоко...
Ну что ж — половина поэтов
Встречает своих двойников.
Придется ему поклониться...
Ах, черт побери, к чему
Мне галиматья эта снится
Сквозь зеленоватую муть.
Ведь рядом такой хороший,
Рекламный, задорный свет.
Товарищ мой милый, Алеша,
Как жаль, что тебя уже нет!

1925 год.

***

В большую тьму, на влажный
плеск и ропот
Вскочил мотор, ломая волн гряды,
Зафыркав и взревев от бешеной
воды,
Как древний бык, похитивший
Европу.
Весь в пухлой пене наклонился
нос,
Летя над черной, лаковой
пучиной,
И звезды жреческим, спокойным
чином
Вослед ему опустятся в хаос,
Гора горит гирляндами огней,
А мы молчим и курим папиросы.
Девчонка у руля плетет проворно
косу,
Чуть слышно разговаривая с ней.

Крым, 1925 год.

***

Лиловый вал, перегибаясь, лег,
Упругий ветер резв и непокорен.
Тодорский мыс, как облако, далек,
И мы выходим в пламенное море.
Да, море в фиолетовом огне,
Надутый парус встал янтарным
телом.
Наляг на руль движением умелым,
Взрывая за кормою пенный снег.
Горит загар на выпуклой груди,
Изгиб Яйлы за соснами лысеет,
И сладко знать, что здесь же
проходил
Ахейский парус, несший Одиссея.

Крым, 1924 год.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ОХЛОПКОВА?..

Даже если вы были счастливцами и вам довелось лично знать Николая Павловича Охлопкова, видеть сыгранные им роли и поставленные спектакли, такие, например, как шекспировский «Гамлет» или погодинские «Аристократы», все равно вы с радостным чувством «узнавания» будете читать книгу Нины Велеховой «Охлопков и театр улиц».

Это необычная книга. Книга, ничуть не похожая на все другие книги, рассказывающие об актерах и режиссерах. Книга, дышащая тем же неповторимым внутренним своеобразием, исполненная той же поэзии, которая и делала всегда явлением большого искусства все, к чему только прикасался Охлопков.

Влюбленный служитель искусства театра в юности, он стал его избранником, мастером в свою зрелую пору. Историю становления этого мастерства автор исследует досконально, во множестве аспектов. Может быть, возникнет желание о чем-то поспорить с Н. Велеховой, но бесспорным представляется главное: ее книга, написанная вдохновенно и в то же время с эрудицией, глубоким знанием вопроса, читается как роман. Она заставляет читателя больше любить советский театр, серьезнее думать о нем, интересоваться творчеством его выдающихся деятелей.

Н. ТОЛЧЕНОВА

20. ЯНВАРЬ, 1943. БЕРЛИН,

МОАБИТ — ПРИНЦ-АЛЬБРЕХТШТРАССЕ.

В Берлине идет снег.

«Черная Мария» с медлительностью катафалка движется к Принц-Альбрехтштрассе раз и навсегда установленным путем: по Альт Моабит и Фюрст-Бисмаркштрассе. Не доезжая до Унтер-ден-Линден, она круто возьмет вправо по Вильгельмштрассе, а там уже и рукой подать до Главного управления имперской безопасности, где комиссар Гаузнер встретит Роз обычной своей шуточкой:

— Наконец-то! А мы так соскучились без вас! — И очень мирным жестом потрет лысую голову.

Это произойдет примерно через полчаса. А пока машина, по расчетам Роз, не добралась даже до Рейхстагштрассе, и Роз борется с дрожью, не забывая баюкать в кармане дневную порцию хлеба. Порция — квадратик — бережно зажата в кулаке, иначе от толчков она обратится в крошки. Роз надеется довезти ее в целости и сберечь на вечер. Вернувшись в камеру, она съест хлеб вместе с воскресным ломтиком свекольного мармелада. Зубов у нее почти не осталось, каждую крошку приходится перетирать деснами, царапая о мякину свежие шрамы.

В заднее, единственное, окошко «Черной Марии» видны убегающие стены домов, а дальше, в перспективе,— сами дома, тротуары, люди. Город разворачивается перед Роз, как кинофильм, и она безучастно смотрит его и борется с желанием съесть хоть немного хлеба немедленно. Голод, как и боль, давно уже стал для нее чувством привычным, неотъемлемой частью существования, но перед допросами он почему-то обостряется, становится непереносимым, и Роз не всегда удерживается, съедает кусочек и потом жалеет об этом.

В Моабит Роз перевели незадолго до рождества. У Гаузнера в кабинете стояла елка, увитая бумажными цепями. Эти цепи делали елку похожей на заключенного, прикованного к углу камеры. Роз выслушала приказ о переводе и ответила, что ей плевать. Тогда у нее было больше зубов и она еще могла отчетливо выговаривать слова.

— Ну, ну,— сказал Гаузнер тоном доброго Санта-Клауса.— Прежде, чем оценить вкус лакомства, надо его отведать, моя милая.

Очень скоро Роз поняла, что Гаузнер знал, о чем говорил. Камеры в гестапо были ужасны, но все же не шли ни в какое сравнение с ледяными пещерами Моабита. Темные и узкие, они почти не отапливались, и иней оседал под потолком и на койке, собранной из водопроводных труб. Если на Принц-Альбрехтштрассе Роз не могла спать от криков, то здесь ее лишало сна отсутствие любых звуков; тишина была такой полной, что Роз казалось, будто она одна во всем громадном здании. Она пыталась бороться с тишиной, пела, разговаривала с собой и была наказана: в первый раз дело ограничилось строгими наручниками, а за новое нарушение надзиратель отвел ее в карцер... Роз вышла из карцера на третий день и упала у порога. На Принц-Альбрехтштрассе Гаузнер долго втолковывал ей, что больше не станет выручать ее и просить начальника тюрьмы отменить взыскание и что за очередную провинность Роз отсидит полную неделю. Роз слушала и не могла понять ни слова: два дня, проведенные полусидя в железном шкафу, довели ее до прострации. Гаузнер отправил ее назад и целую неделю не вызывал на допрос.

Больше Роз не пела.

В Моабите ее посетил представитель швейцарского Красного Креста. Вместе с ним пришел благообразный толстячок с уютным животиком. Толстячок назвался заместителем начальника тюрьмы и спросил Роз, есть ли у нее жалобы. Роз не сразу раскусила, с кем имеет дело, и разрыдалась на плече у швейцарца. Задыхаясь от слез, перечислила: пытки, побои, голод, доводящая до умопомрачения тишина... Швейцарец, записывая в блокнот, возмущенно кивал головой:

— Да, да, да... бедное дитя!.. Оставьте нас одних, советник!

— Но правила Моабита... Вы настаиваете?

— Самым решительным образом!

Толстячок неохотно ушел, и Роз, успокаиваясь, более или менее связно рассказала швейцарцу о том, что проделывали с ней Гаузнер и чины гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Описала «бетенсуппе» [1]: через трубки, вставленные в рот или в нос, в тебя вливают целое ведро соляного раствора; стыдясь наготы и прикусывая губу, показала левую грудь с сожженным соском — к нему прикладывали электрод при пытке электричеством. Швейцарец, не отводя взгляда от груди, продолжал кивать.

— Чудовищно! Я просто боюсь верить!

— Чему? — спросила Роз.— И этому тоже?

Она поднесла к его лицу левую руку со вздувшимися и искривленными пальцами. Вспомнила о тисках, в которые зажимали эти пальцы, и привычно задрожала, словно Гаузнер и его помощники были где-то рядом.

Швейцарец осторожно присел на край койки.

— В чем вас обвиняют?

— В шпионаже,— сказала Роз.

— Это, конечно, недоразумение? За вас хлопочут.

— Кто?

— Ваши друзья... Но сначала я хотел убедиться, что вы это именно вы. Надеюсь, фрейлейн понимает, что я имею в виду?.. Итак, кого вы знаете в Женеве, Лозанне и Цюрихе, кто мог бы хлопотать о вас?

Не будь Роз так слаба, она ударила бы его. Можно подделать бернский характерный акцент, можно прикинуться сочувствующим, но нельзя избежать одного — совпадения вопросов с теми, которые интересуют Гаузнера. Женевскими связями Роз гестапо занимается в первую голову... Плевок Роз попал на лацкан пиджака... Пока толстячок старательно бил ее по щекам, гестаповец платком оттирал слюну. Уши ее горели. Толстячок, устав, массировал вспухшую ладонь... Они ушли, оставив в камере запах чистого белья и крепких сигарет. Роз попыталась прилечь, но надзиратель поднял ее с койки, пригрозив карцером. Хлеба в этот день ей не дали, а порция супа оказалась уменьшенной наполовину. Ночью Роз приснился отец, и ей было так хорошо и весело, что она проснулась с улыбкой и не сразу поняла, что находится в камере, а не дома...

«Съесть или нет? — думает Роз, осторожно проводя пальцами по корочке.— Раньше ночи назад не повезут... Лучше оставить... Или все-таки съесть?» Вчера, когда помощники Гаузнера «беседовали» с ней, хлеб выпал, и она не сумела его подобрать. Поэтому, поколебавшись, она отщипывает крошку и кладет ее в рот, сосет, стараясь продлить удовольствие от еды. Кусочек маленький, но его хватает на дорогу до Вильгельмштрассе; остаток Роз прячет на груди. В заднем окошечке машины мелькает сквер, на подстриженных кустах лежит снег; мальчик в форме гитлерюгенд метлой расчищает дорожку. Роз успевает заметить, что мальчик разгибается и смотрит вслед машине с неподдельным интересом — рот его полуоткрыт, а метла не скользит по земле.

Роз доедает хлеб.

На Принц-Альбрехтштрассе конвой сдает ее под расписку сумрачному эсэсовцу, и тот, небрежно обыскав, толкает ее в плечо:

— Идти не оборачиваясь и не останавливаясь! Ясно?

— Да,— говорит Роз, пытаясь отрешиться от ощущения чужих рук на теле.

— Тогда пошли.

Перед кабинетом Гаузнера эсэсовец обыскивает ее вторично, гораздо тщательнее. Роз видит, что эта процедура доставляет ему удовольствие. Опережая его руки, она достает из-за выреза платья тряпочку, заменяющую носовой платок, но он делает вид, что не видит этого, и доводит обыск до конца. Проходящий по коридору щеголеватый офицер, улыбаясь, оглядывает Роз с ног до головы и подмигивает ей.

Лицо Гаузнера сумрачно. Лысина блестит, будто смазанная маслом. Он еще не поднял руки, а у Роз уже дергается щека и на глаза наползают слезы.

— Садись,— говорит Гаузнер.— Ты подумала?

— Да,— говорит Роз.

— Решила?

— Да.

— Что же именно?

— Нет,— говорит Роз.

Когда ее не пытают, она старается не произносить других слов, кроме этих двух. Боль исторгает из нее другие; Роз просит: «Не надо!», зовет: «Мама! Мамочка!..», кричит: «Да убейте же!» — и сама не слышит себя. Но что бы с ней ни делали, показаний она не дает. Скажи ей кто-нибудь в самом начале, что она сумеет выдержать, она бы не поверила. Первое время Гаузнер не трогал ее, приглядывался; на один из допросов эсэсовцы приволокли странного человека — седого, полубезумного. Человек сел на корточки в углу и, загребая с пола пыль, стал набивать ею рот, торопливо жевать и чавкать.

— Знаешь, кто это? — спросил Гаузнер.— Бывший полковник, военно-воздушный атташе. Его вина меньше твоей: он просто разбалтывал кое-кому служебные секреты... Теперь, как видишь, он очень раскаивается.

Роз почувствовала дурноту.

— Ты раскаиваешься, Риттер? — спросил Гаузнер.— Ты больше никогда не будешь болтать всякую всячину красным шпионам?

Бывший полковник посмотрел на него с ужасом и еще быстрее заработал руками. Челюсть его затряслась.

В другой раз на очную ставку с Роз доставили молодого человека с руками, изуродованными до такой степени, что у Роз при взгляде на них одеревенели губы. На молодом человеке была изодранная в клочки форма без знаков различия. Наручников с него не сняли. Гаузнер двумя пальцами больно прищемил шею Роз, повернул лицом к арестованному.

— Гляди! Не смей закрывать глаза! Знаешь его?

— Нет,— сказала Роз.

Она и вправду впервые видела этого человека.

— А вы?

Арестованный посмотрел куда-то поверх Гаузнера.

— Мы не знакомы.

— Вы лжете! Эта девка бывала в Берлине!

Роз не знала, надо ли ей говорить, что в Берлине она никогда не бывала, и поэтому промолчала. Позже она вспоминала, что связная Ширвиндта недолгое время поддерживала с группой «берлинцев» прямую связь, пока те не нашли более простых каналов.

Молодой человек с досадой пожал плечами.

— Прежде всего не орите, комиссар! Этим вы ничего не добьетесь... А во-вторых, я действительно вижу фрейлейн в первый раз, и не пробуйте убедить меня в обратном.

— Вам что, очень понравилось у нас внизу?

— Внизу ли, наверху — ваши люди везде работают одинаково.

— Риттер думает иначе!

— Он такой же нацист, как и вы, и никогда сознательно не сотрудничал со мной. Его показания ложны, и вы это знаете... Не бойтесь, фрейлейн; здесь в свинью обращают того, кто и раньше был ей сродни. С людьми эти господа ничего не могут поделать...

Роз не знает, кто был этот человек. Его больше никогда не приводили на очные ставки. Один из «берлинцев»? Скорее всего. Но кто именно? Гаузнер, передавая его конвою, издевательски улыбнулся и пожелал счастливого пути, назвав при этом «господином человеком». Он, кажется, считал себя большим шутником, комиссар Гаузнер, и на первых порах показался Роз тупым и самодовольным чиновником, не больше. Позднее она отказалась от этого мнения: Гаузнер не так прост, как прикидывается.

Сейчас он не шутит...

Свет бьет в глаза Роз, заставляя ее щуриться. Гаузнер сидит где-то там, за стеной света, и голос его звучит глухо...

— Не понимаю,— слышит Роз.— Какой смысл все отрицать? Даже то, что Ширвиндт спал с тобой. Смотрите-ка, какая застенчивость!

«Ничего,— думает Роз.— Пусть говорит... По крайней мере не бьет... Но все же какая скотина!.. Только грязь на уме...»

— Он твой любовник?

— Нет,— говорит Роз.

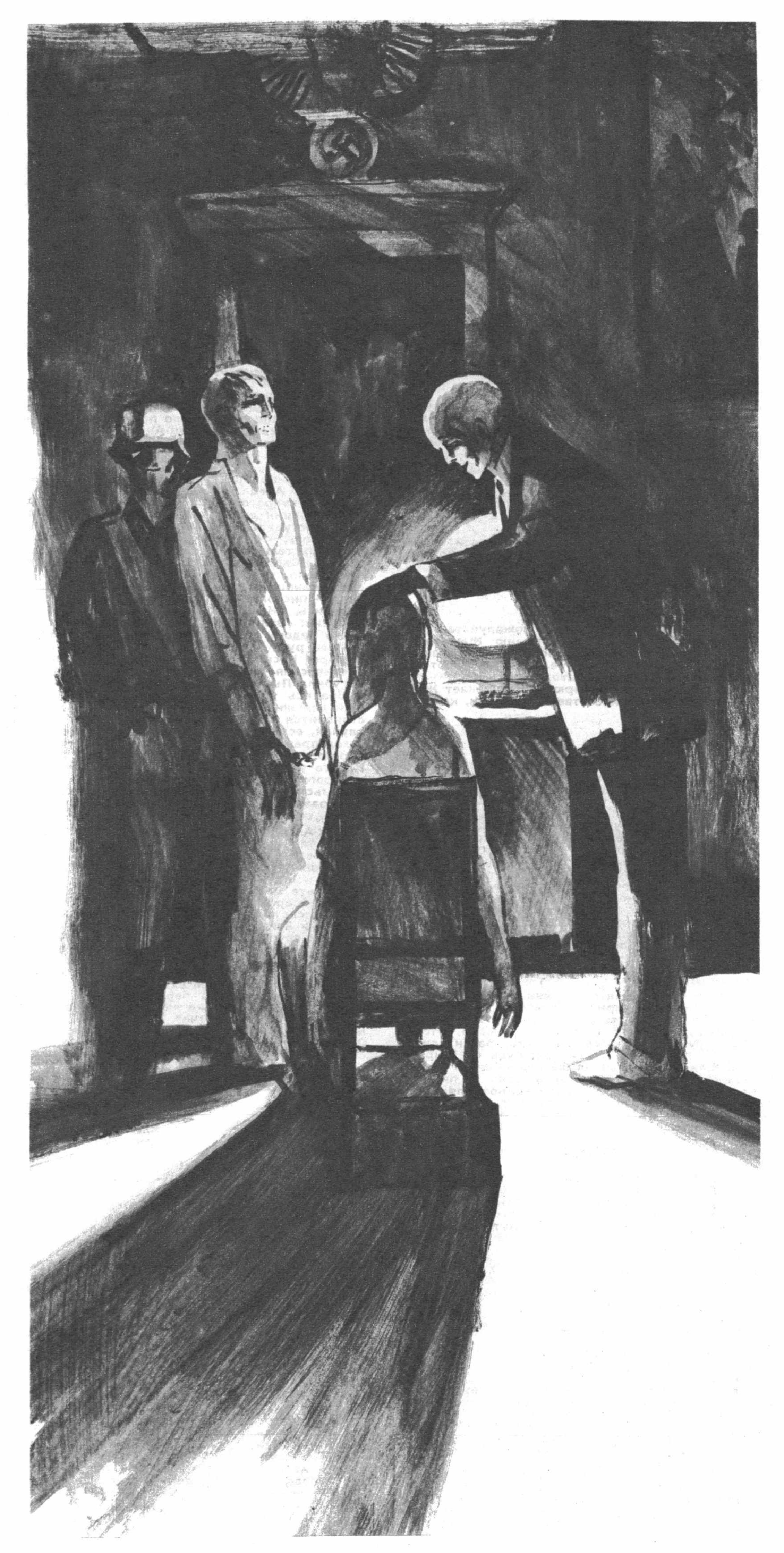
— Резидент?

— Он картограф...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—25.

[1] «Бетенсуппе» (н е м.) — борщ.

— А Буш?
— Торговец.
Все те же вопросы. Обычная серия. Когда она кончится, в дело вступят эсэсовцы; в угловой камере на первом этаже скамья пропиталась кровью Роз. Раны на спине не успевают как следует зажить. Кто и зачем дал Роз такую выносливость? Лучше, если б она оказалась слабее и умерла под пытками.
Гаузнер зажигает вторую лампу, и Роз почти слепнет. Голос Гаузнера звучит совсем приглушенно:
— Смотри сюда и не отворачивайся!.. У меня есть новость, которая тебя порадует, и мне очень хочется увидеть выражение благодарности на твоем лице... С этого дня — запомни! — не трудись врать, что ты родилась и выросла во Франции! Слышишь?! Роз Марешаль никогда не появлялась на свет в Безьере, на прекрасном французском юге. Твои документы — фальшивка. Это установлено. Где ты их взяла?
Роз безучастно смотрит на лампы. Рано или поздно гестапо должно было получить справку из Безьера, и новость Гаузнера ничего не меняет. Она чувствует, что допросы подходят к концу. Надо еще немного продержаться, и ее отправят в «народный трибунал». Другого приговора, кроме смертного, она не ждет...
— Хорошо,— говорит Гаузнер.
Щелчок, и свет гаснет. Роз слепо упирается глазами в темноту. Сегодня все завершилось необычно рано.
— Хорошо,— повторяет Гаузнер, мутно маяча перед глазами Роз.— Хочешь воды?
Роз молчит. Однажды ее уже напоили водой, соленой до невозможности.
— Хорошая вода, без обмана,— настаивает Гаузнер.— Не глупи...
— Нет,— говорит Роз.
— Зря...
Туман постепенно рассеивается, и Гаузнер возникает во весь рост. Прислонившись к сейфу, он стоит против Роз и внимательно смотрит на нее. Кожа на лбу собрана жирными, тяжелыми складками.
— А ведь ты могла бы жить,— говорит Гаузнер задумчиво и трет лоб.— Разве это плохо — жить? Ты хорошо держалась, признаю, но чего ты добилась? Смерти на плахе в вонючем подвале Моабита? Наверное, ты думаешь, что удостоишься ордена или памятника. Так?.. Разочарую: ничего не будет. Твои даже не узнают, как и где ты подохла. Трупы все безымянны — ты понимаешь это?
Гаузнер грузно опускается в кресло.
— Ты русская?
— Нет,— говорит Роз.
— Не трудись врать. Сначала я тоже, как и некоторые коллеги, думал, что ты француженка и случайно затесалась в эту женевскую банду русских. Можешь гордиться, что провела меня... Впрочем, сейчас это уже неважно...
— Что же важно?
— Хочешь знать?
— Нет.
— Хочешь! Иначе бы не спросила!.. Так вот, не стану скрывать: самое важное заключается в том, что ты не просто умрешь, а бесследно исчезнешь. Ни твои родители, ни твои друзья никогда не узнают, где ты похоронена и что сказала перед смертью... Если уж кто и обманут тобой, так это ты сама!
...По дороге в Моабит «Черная Мария» делает крюк, заезжая куда-то. Роз сидит на скамеечке за железной решеткой, упираясь лбом в засов. Гаузнер на прощание отправил ее в нижнюю камеру, и теперь Роз не может разогнуться. Несколько ударов резиновой дубинкой пришлось на поясницу, и сознание вернулось лишь тогда, когда конвойные тащили Роз в тюремную карету.
Гаузнер говорит: конец.
Конец ли?
Сколько может выдержать человек?
Ширвиндт в Москве предупреждал: «Может настать такой момент, когда страх возьмет верх над всеми остальными чувствами. Как быть?.. Вы думаете, я сейчас открою вам какой-нибудь секрет, найду панацею?.. Так вот: рецепта нет. Нет и не будет... Но только помните и никогда не забывайте, что поддаться страху и предать — понятия однозначные...»
Ширвиндта нет рядом. И Москва бесконечно далеко. А страх — он сидит в Роз, в каждой клеточке, напоминая о смерти. Завтра или послезавтра будет подвал, обещанный Гаузнером, где разом кончится все... Мамочка моя дорогая... Это не Роз говорит, это я, ваша дочь Аня, Нюта, Нюточка. Ты называла меня так, мама, и папа тоже называл... Вы меня не ждите, пожалуйста, и не сердитесь, когда узнаете, что я не на зимовке. Я не хотела вас обманывать, просто военная тайна. Так надо... Мне сейчас страшно, но это ничего... Это совсем пустяки, дорогие мама и папа. Главное не поддаться страху...
Хрипло прогудев перед воротами тюрьмы, «Черная Мария» въезжает во двор, и Роз не успевает додумать мысль до конца. Надзиратель снимает с нее наручники и ведет в камеру.
С холодным лязгом закрывается дверь.
Тишина.
Роз ложится на бок и смотрит на потолок. В детстве она любила лежать так, всматриваться в трещины, угадывая в их очертаниях то зайца, то профиль старухи. Две-три линии — и воображение легко дорисовывало остальное. Но сейчас Роз не до картинок. Она лежит и прислушивается к тупой боли в пояснице. В двери через равные промежутки возникает и исчезает пятнышко света — это надзиратель, проходя, на миг открывает глазок.
Сна нет.
Роз закрывает глаза и силится представить себе лицо матери, но не может. «Это я устала,— думает Роз.— Полежу и вспомню...» Сумерки вползают в камеру, оседая по углам.

Роз шарит под матрацем и находит канцелярскую скрепку. Скрепка украдена из кабинета Гаузнера на прошлой неделе. Следя за глазком в двери, Роз мельчайшими буковками выводит на кирпиче: «Аня. 1943 г. Я ничего не сказала». Что бы ни пророчил Гаузнер, товарищи после победы все равно узнают правду. Думая об этом, она дописывает еще три буквы: «КЛЦ» — позывные своего передатчика. Кому надо, тот поймет, что это значит. Все, все поймет и вернет ее имя людям...

21. ЯНВАРЬ, 1943. ПАРИЖ, БУЛЬВАР ОСМАН, 24.

Немолодой господин — по виду типичный провинциал — стынет на ветру, разглядывая Триумфальную арку. Старомодный зонтик перекинут через локоть, кашне в два слоя обмотано вокруг жилистой шеи. Жак-Анри щурится на него издалека. Он или не он? Если это Шекспир, то куда он дел желтые перчатки? Снял и спрятал в карман? Жак-Анри пересекает площадь, задерживается возле господина с зонтиком. Так и есть — перчатки торчат из кармана.

Улыбаясь во весь рот, Жак-Анри восклицает:

— О-ля-ля, какая встреча! Луи! Я не ошибся?

— Луи Блаз, выпуск Эколь Нормаль двадцать второго года...

— Этьен, двадцать четвертый год!

Жака-Анри подмывает спросить, какого черта Шекспир убрал перчатки, ведь так они могли бы разминуться и встретиться только через неделю. Но роль обязывает, и Жак-Анри берет радиста под руку.

— Не позавтракать ли нам, старина?

— Отличная идея! — подхватывает Шекспир.

В ресторане Жак-Анри все-таки сердито спрашивает:

— Вас что, не предупреждали о перчатках? Зачем вы их спрятали?

— Забыл,— говорит Шекспир с такой чистосердечностью, что у Жака-Анри мгновенно пропадает охота читать ему нотацию.

— Через час придете на бульвар Осман, 24. Угловой дом, фирма «Эпок», там есть вывеска. Найдете?

— Постараюсь...

— Вот, вот, постарайтесь, пожалуйста...

Шекспир проглатывает иронию Жака-Анри вместе с ложкой супа и невозмутимо отправляет в рот темный бриош. Челюсти его работают с равномерностью автомата.

— Назоветесь секретарю,— продолжает Жак-Анри, не дождавшись ответа.— Кстати, как вас зовут?

— Симон Буш.

— Немец?

— А вы?

Оценив намек на свою бестактность, Жак-Анри умолкает и принимается за суп. Он дьявольски голоден. Сегодня позавтракать было некогда. С самого утра пришлось через весь город ехать домой к Рене, улаживать последние мелочи с покупкой мастерских для господина Шекспира. Дело в Антверпене сорвалось— владельцы предприятия запросили такого отступного, что Жак-Анри чуть не ахнул. Положение складывалось неприятное, но Рене вовремя вспомнил, что один из довоенных клиентов ищет надежного человека в Гаагу. Это было не совсем то, что хотелось, но Жаку-Анри выбирать не приходилось: новую радиогруппу нужно было разместить вне Франции. Через подставных лиц он приобрел четвертую часть пая авторемонтных мастерских на имя Фрица фон Белова, и остановка теперь была только за самим Шекспиром.

Растолковав Шекспиру, как ему добираться до «Эпок», Жак-Анри расстается с ним, чтобы ненадолго заглянуть в банк и снять со счета небольшую сумму для Рене. Кассир, отсчитывая бумажки, развлекает его рассказом о подагре господина директора; будь счет крупнее, Жак-Анри услышал бы подробности о последней интрижке президента банка — пикантное повествование, предназначенное для ушей наиболее солидных клиентов.

...Шекспир не заставляет себя ждать.

Отбросив церемонии, Жак-Анри ведет деловой разговор: документы будут готовы завтра, сможет ли Шекспир уехать не позднее субботы?

— Я буду один? — спрашивает Буш.

— Пока да. Месяца через полтора-два, когда осмотритесь, постарайтесь внедрить в какую-нибудь германскую организацию человека, которого мы пришлем. У вас будут две радиоточки и самостоятельная связь, идущая минуя нас. Справитесь?

— Признаться, я думал, что буду просто радистом.

— Так сложилось...

— Понимаю... Сделаю все.

Жак-Анри весело улыбается, стараясь хоть этим смягчить то, что ему предстоит сейчас сказать, а Шекспиру — услышать.

— Об обстановке в Гааге мы знаем очень мало. Почти ничего. Кое-что о режиме, комендантском часе и так далее. Есть довольно глухие сообщения, что в городе действуют группы Сопротивления. Какие и сколько, остается только гадать. Вы поедете как немец, с немецкими документами и, конечно, заинтересуете местное гестапо. Страшного ничего нет, документы прекрасные, но с передачами не спешите. Запас времени есть.

— А мой швейцарский паспорт?

— Паспорт?

Жак-Анри, все еще улыбаясь, смотрит на Буша. Стоит ли его пугать?

— Боюсь, что он засвечен...

— Вы шутите!

— Роз... Она у немцев!

Буш роняет зонтик.

— У немцев,— повторяет Жак-Анри и звякает крышкой чернильницы.— Вы не знали?

— Я думал, она в Давосе,— бормочет Буш; глаза его темнеют.— Когда это случилось?

— Когда... как... Не сердитесь, но я не отвечу... Поговорим о вас. Где вы остановились?

— В отеле.

— Больше туда не ходите. Мой секретарь устроит вас на ночлег... Мы встретимся завтра в это же время. Я сам найду вас.

Буш нагибается, поднимает зонтик. Долго, гораздо дольше, чем надо, стряхивает с него пыль.

— Дрянь вещь, а жалко,— говорит он потерянно.— Вечно его где-нибудь забываю и потом ищу. Привык.

Зонтик совсем новый, только из магазина, но Жак-Анри торопится согласиться:

— К старым вещам привыкаешь, как к друзьям.

— Вот именно.

Буш поднимается.

— Я пойду?

— До завтра...

Жак-Анри тянется через стол, поправляет на чернильнице крышку... Криво... Он сдвигает ее еще на миллиметр, подравнивает, добиваясь полной симметрии. Вот теперь хорошо... Может быть, не стоило говорить Бушу о Роз?.. Нет, Буш — товарищ и имеет право знать. Несчастье, постигшее Роз, могло произойти с любым из них. С самим Жаком-Анри. Стоит только вспомнить поездку в Марсель! Когда они с Жаклин шли к морю, Жак-Анри все время ждал свистка, оклика, пули в спину. Гестаповец мог и не поверить старым документам с подписью Абеца... Ночью патруль прошел в метре от старого баркаса, под которым Жак-Анри и Жаклин дрогли на сыром песке. Жак-Анри простудился, легкие раздирало кашлем; слава богу, что ракушки под сапогами патрульных хрустели так, что было слышно чуть не за лье. Сдерживая кашель, Жак-Анри считал мгновения, боясь, что вот-вот задохнется. Ладонь Жаклин лежала у него на губах; в правой руке — пистолетик. Пропустив патруль и отдышавшись, Жак-Анри отобрал у нее оружие. Спросил: «Откуда?» Жаклин вцепилась ногтями в его ладонь: «Отдайте!» Жак-Анри легко разжал ее руку и забросил пистолетик подальше в море. Несколько часов назад такая же металлическая дрянь, украшенная перламутром, погубила Пьера. Не начни он стрелять, они бы выбрались запасным ходом... Оружие — опасный для жизни разведчика предмет. С ним он становится слишком самоуверенным... Редкий случай, если удается отстреляться, уйти; чаще исход предрешен уже в тот момент, когда рука передергивает затвор, досылая патрон в ствол. На это уходит то самое решающее мгновение, которого впоследствии не хватит, чтобы скрыться... Старое, банальное правило: «Оружие разведчика — ум». Но как ни банальны слова, смысл их точен и верен...

Жак-Анри достает из тайничка под крышкой стола папиросную бумажку и роговым ножичком расправляет ее на бюваре. В сильную лупу буквы кажутся мохнатыми. Жак-Анри кончиком ножа подчеркивает строчки: «Марату. Проверьте и немедленно сообщите: кто командует 18-й армией, Линдеман или Шмидт? Имеется ли в составе Северной группы IX армейский корпус и какие дивизии входят в него? Образована ли группа Моделя? Кто в нее входит, участок фронта и дислокация штаба? Реорганизуется ли группа Клюгге, в каком составе она теперь действует? Где находится штаб 3-й танковой армии, кто в нее входит и кто ею командует? Профессор». На первые четыре вопроса можно ответить сегодня же: товарищ из Берлина вовремя прислал отчет, да и здешние информаторы Жака-Анри не сидят сложа руки. Остальное надо вечером передать через Жюля связникам...

Буквы кое-где расплылись, и Жак-Анри зажигает настольную лампу, силясь разобрать каждое слово. «Марату. Где находятся укрепления немцев на линии юго-западнее Сталинграда и вдоль Дона? Где оборонительные позиции на участках Сталинград — Клетская и Сталинград — Калач? Их характеристика. Характер оборонительных работ, проведенных на линии Буденновск — Дивное — Верхнечирская — Калач — Качалинская — Клетская — Днепр — Березина. Профессор».

Это как раз по части господина полковника из организации Тодта. Точнее, господина генерала: Жак-Анри еще неделю назад поздравил своего «компаньона» с повышением и преподнес серебряный портсигар с совой на крышке. Это не было намеком на известного рода слепоту, просто Жюль не сумел купить на черном рынке другого, и Жак-Анри, посмеявшись, решил, что ничего, сойдет и такой.

Вспоминая об этом, Жак-Анри склоняется над третьей радиограммой и хмурится. «Марату. Сколько всего резервных дивизий образовано на 1 января? Срочный ответ. Профессор». Еще несколько месяцев назад ответ был бы дан на третий, самое позднее на четвертый день. «Берлинцы» работали исключительно быстро и не жаловались на обстановку... Гестапо... Полтора года оно шло по их следам, от одного товарища к другому; аресты суживали круг, и теперь остались две маленькие группы, тщательно законспирированные и тем не менее балансирующие на самом острие ножа. Жак-Анри старается прибегать к их помощи как можно реже, боясь подставить под удар... И вот... Сейчас без них никак не обойтись.

Не вставая, Жак-Анри нащупывает пружину в горке и звонком вызывает из приемной Жюля.

— Ты мне нужен, старина.

Они проходят во второй кабинет, и Жюль первым делом кидается к карте — переставлять булавки. Глаза его сияют.

— Читал сводку?

— Еще утром,— говорит Жак-Анри, поправляя цветы в вазочке на приемнике.— Бошей бьют...

Цветы свежие. Жюль меняет их ежедневно и подливает воду. Это не входит в его обязанности, как, скажем, перестановка булавок, но Жюль добросовестен в любой мелочи.

— Я тут надумал кое-что,— говорит Жак-Анри.— Смотри...

Жестом заправского игрока он подбрасывает и ловит извлеченные из кармана покерные кости.

— Сколько у нас квартир для радистов? Двенадцать?

Жюль кивает — в зубах у него зажаты булавки. Выплюнув их в горсть, он озадаченно рассматривает кости.

— Что ты задумал?

— Маленький сюрприз для штаба Рейнике.

— С помощью этого?

— Ты угадал... Наши радисты меняют квартиры и работают по определенной системе. Она не так уж сложна, чтобы немцы не раскусили ее рано или поздно. В Версале они дали нам урок.

Жюль собирает булавки в аккуратный пучок. Говорит:

— Что же ты предлагаешь? Еще одну систему?

— Небольшой парадокс: систему без системы. Ты играл когда-нибудь в кости?

— Я уж и забыл, когда... Была такая настольная дребедень, детская. Выбрасываешь очки и двигаешь фишки. И обязательно попадешь в «огонь» или «яму». Мне здорово не везло.

— Мне тоже. Нужно выбросить шесть, а выбрасываешь единицу — и твоя фишка в «огне». В этом весь и фокус!

— В чем?

— Что не можешь угадать... На этих костях максимальная сумма — двенадцать, минимальная — два... Каждый радист получит по две кости и список квартир, пронумерованных от двух до двенадцати. Утром, перед начальным сеансом, каждый в отдельности бросит свою пару и получит какое-то число. К примеру, у меня будет пять, у тебя — семь, у кого-то — одиннадцать. Это значит, что сегодня работать придется из квартир под этими номерами.

— Не вижу преимущества.

— Как смотреть, старина. Ты не допускаешь мысли, что немцы против системы применили свою? Я бы на их месте не распылялся, а, запеленговав одну рацию, ждал бы нового ее появления, сколько требуется. Через три недели стало бы ясно, что она, скажем, по четвергам работает с северо-запада. Вот я и двигался бы на северо-запад каждый четверг. Медленно, но точно.

— Долгий путь.

— Но, к несчастью, верный. А что если за три месяца специалисты Рейнике составили график?

— Перейдем на запасные квартиры.

— Это я и имел в виду. Но работать с новых квартир будем иначе.

— Косточки?

— Да. Запеленговав рации, немцы будут ждать их следующего появления с прежней закономерностью: на четвертый день для каждой точки. Пеленгаторы будут настроены на примерный градус, а рация выскочит совсем не там, где ее ждут. Пока операторы развернут рамки, пока суд да дело, сеанс окончится. Париж велик...

— А парни в Нанте?

— Добавь: и радиогруппа в Гааге.

— Центр знает?

— Я хотел посоветоваться с тобой вначале и уже потом доложить.

— Нужны поздравления? — интересуется Жюль.

— Готов принять, старина!

Жюль снимает несуществующую шляпу и склоняется в глубоком поклоне. Зажатые в пальцах флажки сверкают, как павлинье перышко. Разогнувшись, Жюль хватается за поясницу и серьезно спрашивает:

— А деньги на квартиры?

— Как-нибудь извернемся. Центр навряд ли сможет дать хотя бы франк. Ты и сам это знаешь.

— То-то и оно,— говорит Жюль.— А «Геомонд»?

Жак-Анри, задумавшись, подбрасывает кости. Финансовые дела Ширвиндта просто плачевны. Кому нужны карты полушарий в дни, когда пограничные столбы сметены артиллерийским огнем? Вальтер не требует ничего, но и Центр и Жак-Анри прекрасно понимают, что ему нелегко. Надо что-то придумать, и чем скорее, тем лучше.

— Завтра я спрошу Шекспира,— говорит Жак-Анри.— В Женеве у него магазин. Может быть, он продаст его?

— Магазин его собственный?

— Да.

— Послушай... такая жертва!

— Он пожертвовал большим в Германии, когда бежал от наци. Вальтер пишет, что на него можно положиться во всем.

— И все-таки я не хотел бы...

— Я тоже,— говорит Жак-Анри.— Но где выход?

Подбрасывая кости, он думает о завтрашнем разговоре. Что скажет Буш?

Продолжение следует.

Х. Хушвахтов. АЛИЧУР.

Выставка произведений художников Таджикистана.

З. Хабибуллаев. МЕТЕОСТАНЦИЯ КАРА-КУЛЬ.

В. Боборыкин. ШУГНАНКА.

Выставка произведений художников Таджикистана.

ОТКРЫВАТЕЛИ

Эти три картины родились на Памире.

На обжитой за годы Советской власти Крыше мира давно трудятся геологи и строители, инженеры и ученые, хлеборобы и зоологи, агрономы и врачи, педагоги и метеорологи. А теперь пришли сюда и художники.

Одним из первых, кто открыл Памир для искусства, придя сюда с этюдником, стал уроженец кишлака Рушана, воспитанник Московского художественного института имени В. И. Сурикова Хушбахт Хушвахтов, ныне заслуженный деятель искусств Таджикской ССР.

Для него Памир — край, где он вырос и о котором много знает. Например, то, сколько пришлось вложить труда земледельцам, чтобы заколосилась пшеница на горных склонах, на скупой памирской земле или чтобы была проложена новая дорога... И художник рассказывает об этом — о труде и жизни земляков-памирцев — в каждой своей картине. А природа края входит в его полотна естественно и органично. В плавности линий рисунка у Хушвахтова отражена могучая, величественная пластика горных массивов, чистые краски словно рождены щедростью таджикского солнца, расцвечивающего все вокруг, а все вместе перекликается с протяжными и прихотливыми мелодиями песен Таджикистана.

Очень скоро у Хушбахта Хушвахтова появились друзья и попутчики в его путешествиях на Памир. И теперь обычно художники отправляются на Крышу мира целым лагерем. Восточный Памир встречает живописцев суровыми, дикими ландшафтами. За высочайшим перевалом Акбайтал начинается высокогорная Аличурская долина — центр яководства республики. А кругом высятся, причудливо громоздясь, как на полотне Зухура Хабибуллаева «Метеостанция Кара-Куль», гигантские горы. Они кажутся еще не остывшими после породивших их катаклизмов — сдвигов и разрывов земной коры. Самого художника привлекает неповторимость, фантастическая экзотика Памира. Быть может, поэтому перенесенная на холст своенравная, дикая, поражающая воображение красота края помогает Хабибуллаеву ярче и больше сказать о мужестве, настойчивости, непреклонности людей, вступающих в единоборство с природой и торжествующих над ее необузданной, титанической силой. Ну как в самом деле добралась сюда, в заоблачные выси, замерев над пропастью возле отвесных круч, эта метеостанция?! Какие натиски ветров и бурь приходится выдерживать этим хрупким сооружениям, воздвигнутым здесь человеком, если даже глядя на холст, кажется, что еще колеблются, глухо грохочут горы!

День целиком отдан этюдам. А вечера художники коротают у костров яководов, слушая старинные предания и легенды, присутствуя на состязаниях гафизов и народных празднествах. Все это тоже остается в памяти, в сердце. И когда дома, в мастерской, по собранным на Памире этюдам, наброскам, зарисовкам складывается новая картина Памира, все слышанное и виденное тогда, в магическом и добром свете пастушьих костров, придает особый, глубинный смысл возникшему образу, подсказывает, как в единичном явлении жизни может отразиться общее, большое.

У портретиста Владимира Боборыкина, воспитанника Ленинградского художественного института имени И. Е. Репина, заслуженного деятеля искусств Таджикистана, портрет «Шугнанка» сложился в собирательный образ памирской женщины — волевой, гордой и прекрасной. Быть может, впервые увидел художник свою героиню в момент, когда та, устав, присела отдохнуть у горного ручья. Не мог не остановиться, разве можно пройти мимо такой красоты! Сразу же был сделан в альбоме быстрый набросок. И уж после Владимир решил, что фоном для этого смуглого молодого лица женщины, исполненного достоинства и покоя, на его живописном холсте станут камни, хрустальные воды и деревья Памира. И вот узоры на шальварах и платье будто сплелись с извивами струй и плавными абрисами отшлифованных камней; листья склоненной над ручьем ветви словно бы рассыпались по шали. Невольно вспомнишь яркую, вкрадчивую красочность восточных ковров, кошм, сюзане... И стал портрет юной женщины символом, раздумьем о новой судьбе таджички с Памира.

Таджикскими художниками уже создано об этом крае, о его людях столько произведений, что собранные вместе картины, скульптуры, графические работы составили недавно экспозицию целой выставки «По дорогам Памира». Но дороги эти еще не пройдены. По ним художникам еще ходить и ходить. И сколько интересных, ярких, своеобычных произведений подскажет своим живописцам суровый, добрый и обжитой, величественный и щедрый Памир!

Е. СТЕПАНОВА

В лекционном зале Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«ОГОНЕК» В ЛЕНИНГРАДЕ

Встречи журнала «Огонек» с ленинградцами постоянны: в разное время члены редакционной коллегии, сотрудники редакции и авторы журнала побывали на заводах Кировском, «Красном выборжце», во Дворцах культуры имени Ленсовета и имени Кирова, в Выборге и Кронштадте, у подводников и матросов крейсера «Киров»...

И вот новые беседы огоньковцев с ленинградскими читателями.

...Лекционный зал Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В эти дни здесь особенно многолюдно — началась экзаменационная сессия. Тут застанешь студентов почти всех ленинградских вузов. Однако, несмотря на «страдную» пору, молодежи все же интересно ознакомиться с жизнью и планами редакции «Огонька».

На следующий день беседа с читателями состоялась в курортной зоне Ленинграда, на побережье Финского залива, в пансионате «Дюны», где сейчас отдыхает более тысячи рабочих, инженеров и служащих предприятий Ленинграда и других городов нашей страны.

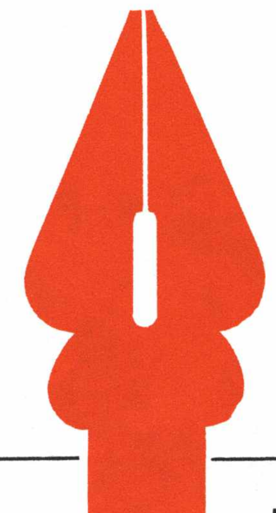
Во встречах с ленинградцами участвовали главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов, главный художник журнала И. Долгополов, члены редколлегии Д. Бальтерманц, Л. Леров, собкоры «Огонька» К. Черевков и А. Ананьев, постоянные авторы журнала композитор лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист РСФСР М. Блантер, поэт Н. Доризо, писатель А. Азаров.

В пансионате «Дюны» с успехом выступил молодой вокально-инструментальный ансамбль ленгосконцерта «Калинка» под руководством С. Лавровского.

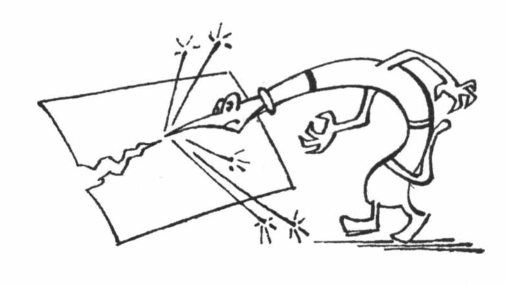
В клубе пансионата «Дюны».
Фото Н. Ананьева.

«МЕЛОЧЬ» С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

К. БАРЫКИН

ПРОБЛЕМЫ ВЕЧНОГО ПЕРА

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Забота № 1 — качество. 130 моделей — зачем? Чернила для авторучки

Возобновить бы выпуск деловых перьев

Откуда пошло это название — «вечное перо»? Может, первая авторучка так поразила кого-то из ее поклонников? Или об этом позаботился агент рекламного бюро? Как бы то ни было, «вечными» авторучки стали называться давно, хотя самое лучшее «вечное перо» имеет свой срок службы, свой ресурс и исправно работает лишь десять — пятнадцать лет. Так мне сказала Марианна Сигизмундовна Степанова, старейшая сотрудница лаборатории надежности ленинградского завода «Союз», одного из самых крупных у нас в стране поставщиков перьевых авторучек. Ныне они снова выходят из забытья, в кое их ненадолго повергли шариковые ручки...

«Подруга думы праздной, чернильница моя...», — сказал когда-то поэт. Разные делались чернильницы к гусиным перьям. В том числе и дорожные. Авторучка, по сути, и есть нынешняя дорожная чернильница. Но не склянка с пробкой, а прибор высокой точности: допуски в технологии при обработке деталей такие же, как в часовой промышленности, а на некоторых операциях даже более жесткие: доли микрона! Высокая тщательность обработки.

Малейшее нарушение класса точности ведет к потере качества, ухудшению работы, элегантности, удобства...

Требования к перьевым ручкам четко определены ГОСТами. Казалось бы, выполняй их — и все. Но сделать хорошую авторучку — дело трудное. До последнего времени никто не занимался расчетами капиллярных систем, а без углубленных разработок здесь трудно достигнуть должных результатов. Грустно об этом говорить, но на всю нашу страну с ее армией великолепных конструкторов, инженеров, изобретателей на долю авторучек падает всего пять работ, удостоенных патентов. «Подумаешь, авторучка!» А она мстит за пренебрежительное отношение к ней. Мстит кляксой в школьной тетради (ох, уж эти школьные, чаще всего никудышные авторучки!), царапинами на деловой бумаге, перьями, которые не желают писать...

Леонид ЛЕНЧ

Крошка Фикус

Стали садиться за стол, как вдруг раздался звонок.

— Это Фигурины явились, — радостно сказала хозяйка дома Маргарита Павловна, — наконец-то все в сборе! Петруша! — попросила она мужа. — Пойди, пожалуйста, открой дверь, раздень Фигуриных и скорее тащи их сюда!

Хозяин дома, он же виновник торжества, Петр Иванович Ползухин, кандидат философских наук, добродушный толстяк, послушно оторвал от стула свои сто с лишним килограммов и пошел встречать Фигуриных.

— Мы познакомились с ними на курорте! — продолжая радоваться приходу Фигуриных, говорила Маргарита Павловна. — Очень славные люди! Он работает... в общем, где-то по театральной линии, во всяком случае, в любой театр на любую премьеру может достать билеты. И Агнесса Леопольдовна тоже прелестный человечек. И очень хорошенькая, вот увидите. Потерпите, друзья, еще одну минуточку, посадим Фигуриных за стол и... начнем, пожалуй!

В прихожей уже раздавались голоса пришельцев. Любезный мужской баритон и капризное женское сопрано о чем-то просили хозяина дома. В ответ он по-шмелиному гудел смущенно-ласковым своим баском. Слов разобрать было нельзя. Потом в прихожей кто-то принялся тяжело, как лошадь, топтаться, не то глубоко вздыхая, не то громко сопя. Потом капризное сопрано кому-то строго приказало: «Фикус, сидеть!»

Открылась дверь, и Петр Иванович, виновато улыбаясь и глядя в упор на насторожившуюся Маргариту Павловну, торжественно, как герольд, провозгласил:

— Прибыли товарищ Фигурин с супругой. И их маленький сюрприз. Прошу любить и жаловать.

В комнату, служившую Ползухиным одновременно кабинетом и столовой, вошли сухощавый, корректно седеющий брюнет, маленькая хорошенькая женщина неопределенного возраста из породы храбрых, не поддающихся времени блондинок и «маленький сюрприз», оказавшийся огромным мышастым догом с пегими глазами и могучим длинным хвостом, который раскачивался из стороны в сторону непрерывно, как маятник. Кто-то из гостей ахнул, кто-то рассмеялся. У Маргариты Павловны, поднявшейся навстречу гостям, подкосились ноги, и она плавно, как в замедленной киносъемке, опустилась на стул.

Хорошенькая блондинка театральным жестом сложила руки и сказала:

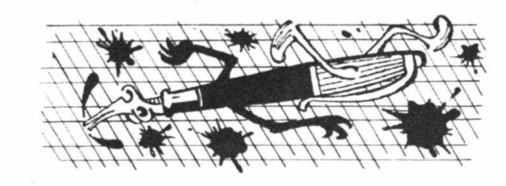
— Маргарита Павловна, дорогая, одно ваше слово — и мы втроем уйдем в ночь... Мы не могли оставить Фикуса одного, он начинает плакать и так воет, что соседи звонят в милицию. Он еще совсем крошка, ему всего семь месяцев. Ну, что же вы стоите, как тумбы? — обернулась она к мужу и собаке. — Просите, пока нас всех не выгнали отсюда!

Седеющий брюнет сложил тем же умоляющим жестом руки и, как ему казалось, незаметно пнул дога ногой. Тот поднял красивую глупую морду и, глядя на люстру, хрипло пролаял три раза, потом облизнулся и двинулся к столу, но был вовремя схвачен за ошейник хозяином и остановлен на ближайших подступах к блюду с холодной телятиной, стоявшему на краю праздничного стола.

Маргарита Павловна собралась с силами, поднялась со своего стула. Держась за висок двумя пальцами, она пролепетала, что очень рада видеть у себя Фигуриных с их «маленьким сюрпризом» и что пусть собачка, которую она полюбила с первого взгляда, побудет в спальне. Лучше было бы, конечно, устроить дога в кухне, но ей, как хозяйке, придется по ходу ужина туда наведываться, и ей не хочется нервировать этими приходами бедного Фикуса, который внушает ей своими размерами не только уважение, но и священный ужас. Произнеся эту вполне дипломатическую речь, она снова плавно опустилась на стул.

Хорошенькая блондинка и ее корректный супруг в сопровождении Петра Ивановича отвели дога в спальню. Вернувшись в столовую, хозяйка Фикуса весело сообщила гостям, что ее крошка улегся и уснул и теперь будет спокойно спать хоть до утра — ведь он знает, что его папа и мама рядом. Все засмеялись, Фигурины сели за стол, и пиршество началось.

Появление Фигуриных с догом внесло в атмосферу ползухинского застолья живую, трепетную ноту. Посыпались шутки и анекдоты, действующими лицами которых были собаки. Мужчины

...В специальном конструкторском бюро авторучек мне показывают новые образцы: красивы, удобны, работают отменно. Почему же не все покупатели ими довольны? В КБ модели сделаны, по сути, вручную. И не всегда из серийных материалов. А когда такие ручки пойдут на конвейер, они нередко ухудшаются и заметно уступают модели. Даже при высокой квалификации работников заводского конвейера.

Дело в том, что промышленность, поставляющая «вечные перья», пока еще отстающая отрасль приборостроения, хотя и находится в руках энергичной Союзоргтехники Министерства приборостроения; руководители Союзоргтехники отчетливо видят проблемы «вечного пера» и деловито решают их. Много сил, в частности, отдается заботам текущего дня. Это хорошо! Но при этом на проблемы завтрашнего и тем более послезавтрашнего дня времени иногда не остается. На рынке же авторучек конъюнктура такова: «Давай побольше!» Хотя ежегодно выпускаются миллионы пишущих приборов.

Думается, что подогреваемое торговлей стремление «побольше» — спрос есть, значит, все в порядке! — заслоняет проблему № 1: качество! Конструкторское бюро, о котором я говорил, фактически стало одним из цехов завода «Союз». Между тем люди, причастные к производству авторучек, справедливо отмечают, что требуется крупное конструкторское бюро — одно для всех авторучечных заводов, которое, формулируя техническую политику во всей отрасли, вело бы перспективные разработки, занималось теоретическими вопросами — их тоже много, но они пока отодвинуты в сторону.

Ежегодно в стране разрабатывается до 130 новых моделей авторучек. И все же торговля требует: «Дайте что-нибудь новенькое». А ведь это не во всем верный посыл. Пестрота моделей может запутать и покупателя и торговлю, она распыляет внимание конструкторов, производственников. Куда полезнее было бы в совершенстве отработать четыре — шесть перспективных моделей (они имеются) и довести их до мирового уровня. Одно время тот же «Союз» выпускал так называемые деловые перья — они не претендовали на экстравагантность, но хорошо, устойчиво работали. Сейчас эти авторучки увидишь лишь в местном музее.

Механизация и автоматизация производства привели к значительному снижению себестоимости авторучек. Это отрадно. Но огорчительно, когда дальнейшего снижения себестоимости добиваются и за счет качества материалов или же неоправданного ускорения темпов сборки. Конечный результат отрицательный: авторучка хуже. И если сегодня еще торговые организации, учитывая спрос, берут едва ли не все подряд, то завтра может случиться так, что ручки будут лежать на полках омертвленным капиталом — качество! Уже сейчас следует, пожалуй, открыть магазин, который бы не только торговал ручками, но и вел исследовательскую работу по определению спроса, помогал бы тем производству, как это делает, скажем, магазин «Часы» на Сретенке, в Москве. Но даже в Москве и Ленинграде таких магазинов нет.

Наступило время задуматься: как будет реагировать рынок, когда его заполонят авторучки дешевые, но не идущие в сравнение с «вечными перьями» мирового класса? Может, один из заводов перевести, создав соответствующие условия, на выпуск только первоклассных приборов?

Перьевые авторучки делятся на три класса. Их объединяет лишь общий индекс — «АР». Все остальное может быть очень разным — пипетка или поршень, перо закрытое или открытое, сменный баллон с чернилами или вакуумно-пипеточный наборный узел. Особенностью и привилегией первого класса является золотое, упрочненное специальным сплавом перо. Во втором классе перо может остаться золотым, но чаще бывает стальным. Какова разница? У золотого — характер золотой, мягкий, упругий, я сказал бы так — каллиграфический. Мне предложили несколько дней поработать двумя вроде бы одинаковыми авторучками новой модели — у одной было стальное, а у другой золотое перо. Небо и земля.

Среди вопросов, заботящих мастеров «вечного пера», особенно остр один — проблема материалов. Где пластмассы ярких, сочных тонов? Для всех наших заводов, делающих авторучки, ежемесячно требуются считанные десятки тонн пластмасс. Такие количества для любого химического предприятия — капля в море. И химики всерьез не принимают запросы заводов авторучек, дают им то, что было разработано для других отраслей промышленности. Специальных пластмасс для авторучек почти нет. Мал и выбор среди имеющихся пластмасс и по цвету и по прочностным характеристикам.

На заводе «Союз» мне показали образцы отечественной пластмассы, по некоторым важным характеристикам заметно превосходящие зарубежные эталоны. Но образцы... Обидно, что поставщики продукции, которой пользуются миллионы людей, в том числе и сами химики, не заслужили еще доброго и достаточно внимательного отношения химической промышленности.

Еще хуже с чернилами. В некоторых странах повелось так: к каждой системе авторучек выпускаются свои, фирменные, как правило, того же названия чернила. Японский «Пайлот» гарантирует хорошую работу своих ручек при условии преимущественного использования чернил «Пайлот». В этом есть что-то от рекламы, но больше — от понимания сложности взаимоотношений в системе авторучка — чернила. Авторучка — позвольте вольное сравнение,— как автомобильный двигатель, только она более требовательна к сорту «топлива». Никому же в голову не придет заправлять соляркой бензиновый мотор! Авторучку же — и дешевую, все еще плохонькую «школьную», и хорошую, модели АР-95 — заливать приходится все теми же тяжелыми, дающими большой сухой остаток чернилами «Радуга»...

Вопрос количества — решенный вопрос. Это заслуга Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления. Значит, теперь появились благоприятные возможности для того, чтобы одолеть новые вершины. Одна из самых высоких среди них — качество, первоклассность советской перьевой авторучки.

Повседневно нужная авторучка не мелочь. И отношение к ней должно быть соответственное.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

стали наперебой ухаживать за бойкой и пикантной хозяйкой Фикуса. Их громоздкие добродетельные жены старались изо всех сил делать вид, что она тоже им нравится. Выпили за хозяина, которому сегодня стукнуло сорок пять — счастливый мужской возраст, пора свершений и зрелых мыслей!

Подошло время водрузить на стол именинный сладкий пирог, украшенный сорока пятью свечами,— кулинарную гордость Маргариты Павловны.

— Сейчас мы зажжем эти свечи! — торжественно объявила Маргарита Павловна.— Люди, приготовьтесь к явлению пирога народу! Агнесса Леопольдовна, милочка, пойдемте вместе,— обратилась она к Фигуриной,— я совсем забыла, что поставила пирог на ночной столик в спальне. Я боюсь... то есть мне страшно... то есть как бы мне не испугать вашего Фикуса!..

Женщины ушли. Через минуту из спальни в столовую донесся противный звук упавшей и разбившейся посуды, вопль Маргариты Павловны, истошный крик Фигуриной и оглушительный собачий лай, перешедший тут же в жалобный вой. Гости во главе с хозяином дома бросились в спальню. Глазам их представилось печальное зрелище. На полу у ночного столика валялись осколки парадного ползухинского блюда, а подле них сидел с поднятой мордой, обмазанной кремом, навзрыд воющий Фикус.

— Петруша, он съел весь твой пирог целиком!.. Со всеми свечами! — плача, выкрикнула Маргарита Павловна.— По-моему, это все-таки некрасиво... приводить в гости собак, которые бьют посуду и сжирают именинные пироги!

Одна из добродетельных жен подкинула свою связку хвороста в разгорающийся костер большого скандала:

— И потом, это такая плохая примета!

— Надо скорей вызвать ветеринарную «Скорую помощь»! — в свою очередь, бушевала хозяйка Фикуса.— Кошмар! Сорок пять свечей! Что за дурацкий обычай втыкать свечки в пироги. Это же не икона в конце концов!

И тут выступил вперед Петр Иванович. Потом друзья его говорили, что он был велик в ту минуту.

— Тише, товарищи женщины! — сказал Петр Иванович.— Успокойтесь! Позвольте мне, как философу и имениннику, сказать несколько слов. Маргоша, милая, в конце концов что особенного произошло? Ну, слопала собака пирог! Не надо было оставлять ее наедине с таким произведением кулинарного искусства. Уверяю тебя, даже человек в этой ситуации не устоял бы и отколупнул бы хоть маленький кусочек. Возможно, Фикус поступил так же, но потом не удержался и... так сказать, отдал честь всему пирогу целиком. Плохая примета? Ну, ее я решительно отметаю, как материалист. Агнесса Леопольдовна, не волнуйтесь за вашу собачку: желудочный сок собаки способен переварить не то что какую-то жалкую свечку, а гораздо более прочные вещи. И вообще, друзья, не надо огорчаться из-за мелочей. Жизнь сложна и многолика, не будем по-мещански омрачать ее ненужными дрязгами и ссорами. Идемте в столовую и продолжим наше торжество, кое-что у нас еще осталось.

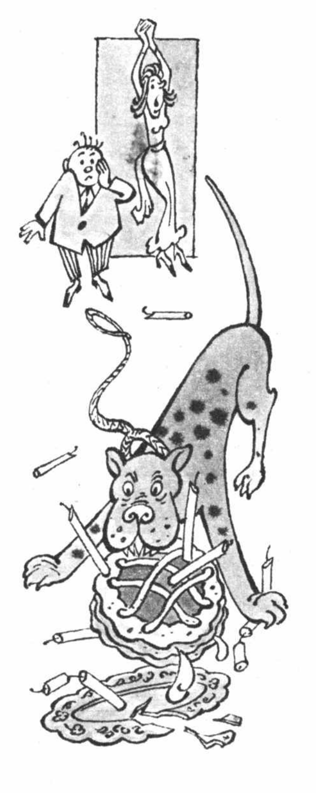
Он обратился к догу, которому, видимо, надоела самокритика и который теперь сидел молча, уставившись в одну точку, словно прислушивался к тому, что творилось сейчас в его животе. Он сказал:

— А ты, негодяй, проси прощения! Подойди к хозяйке дома и дай ей лапу. Ну, скорей, Фикус, дай лапу!

Фикус подумал, икнул и царственным жестом подал лапу, но не хозяйке, а хозяину...

Много было потом застолий у Ползухиных, но до сих пор Маргарита Павловна не может забыть именно это и говорит так:

— Самый веселый день рождения был у нас тот, когда фигуринская собака слопала Петрушин пирог со всеми свечками.

Судейский колокол зовет на старт. В такую, как сегодня, ясную погоду этот медный голос звучит весело. И, наверное, потому кажется молодой наезднице Алле Ползуновой, что сегодня на дорожке все будет хорошо, что гнедая красавица Креолка сбросит секунду или две со своего рекорда, а двухлетний дебютант Сеанс, совсем еще неопытный и глупый, поведет себя на дистанции, как положено серьезному и тренированному жеребчику.

В открытые окна конюшни доносит теплый ветер приглушенный расстоянием шум трибун, и временами ритмичное всхрапывание, и стремительный, четкий перестук копыт рысаков, которых проминают перед началом испытаний.

Лошади в денниках в этот час беспокойны. Как можно им не волноваться, слыша все это? Рыжий Убор, могучий боец ипподромной дорожки, и стройная, как лань, длинноногая Лима с капризно выпяченной нижней губой, до того породистая и классная, что ко всем соседям относится с полным небрежением, стоят как завороженные, положив головы на высокие подоконники, ловят широко раскрытыми ноздрями запахи, нетерпеливо переступают тонкими, стальной крепости ногами. Тихоня Копилка, кобылка субтильная, и та ни с того ни с сего плотно прижимает уши, по-змеиному вытягивает шею в сторону кокетливой соседки вороной Картечи — явно приревновала: опять, мол, собирают эту лупоглазую на старт, а тебя опять обходят, разве справедливо?

Даже собачье население конюшни ведет себя особенно в такой день. Редкая задира малыш Шустрый отчаянно путается под ногами, полагая, что без него, конечно, не сумеют как следует заложить лошадь в качалку. Его друг и заступник в каждодневных баталиях с ипподромными собаками, приблудный боксер Джек, крупный и широкогрудый, поддавшись общему приподнятому настроению, бегает тяжелым галопом из конца в конец по коридору, заставляя на диво пушистую кошку Марфу терять достоинство и шипеть, хотя, по правде сказать, Джек куда больше боится Марфы, чем она его.

Люди деловиты и спокойны. Быть может, несколько нарочито спокойны. Хозяйка тренотделения Алла Михайловна Ползунова, молодая, стройная женщина с загорелым лицом спортсменки, на котором очки кажутся надетыми для вящей серьезности, уже успела облачиться в нарядный голубой, с белыми шашками наезднический камзол и такой же голубой шлем, похожий на тот, который надевают перед гонкой мотоциклисты. Виктор Полднев, первый помощник, с полным сознанием важности и ответственности того, что делает, придерживает заложенную в качалку вороную Картечь за повод и разговаривает с ней, убеждая самым задушевным тоном не плясать на дистанции, поскольку все-таки она не балерина, а лошадь, притом талантливая, от которой многого ждут.

— Верно, Катька? Ну, ты же у нас умница...

Катька, как попросту зовется она в конюшне, дергает большой своей головой, будто соглашается, что действительно это так: талантливая и умная, только сейчас-то не надо мешкать, пустите лошадь поскорее на дорожку, раз уж запрягли.

— Что ж, поехали! — негромко говорит Алла.

Солнце, дыхание простора, музыка из репродукторов, мягкая от расстояния, встречают их. Да, сегодня, в такой яркий, солнечный день, все похоже на праздник. Но часты ли такие дни, такие минуты в жизни наездника? Каждодневный, изнурительный и опасный труд — их доля. Надо в самом деле быть подвижником, самозабвенно любить свое дело, чтобы с шести часов утра каждый день возиться с лошадьми, такими разными, порой злыми и упрямыми, порой непослушными и своенравными хоть плачь, частенько прибаливающими, да так, что сил нет смотреть в большие, тревожные глаза. Надо переносить зимнюю стужу, а в непогоду — секущие дожди и хлесткие комки грязи в лицо в долгие часы тренировки, или, как здесь говорят, «работы». Опасным мы назвали этот труд. И это верно. Сколько надо сноровки, терпения, понимания, чтобы не выбросил тебя из хлипкой качалки и не покалечился сам вдруг закинувшийся норовистый двухлеток! Сколько надо отваги, расчета, самообладания и мастерства, чтобы в стремительном беге храпящих от азарта борьбы и страсти рысаков, летящих со скоростью электрички, суметь привести животное первым к финишу, ни разу не позволить ему, дошедшему до предела своей резвости, сбиться с искусственного в общем-то для лошади хода рысью!

Трудно сказать, кто здесь больше устает — рысак или человек. Впрочем, лошади, конечно, легче. Ее после тренировки или призового бега распрягут, оботрут, поводят, чтобы спокойно восстановились дыхание, силы, успокоились нервы. А человек едва успеет отереть пот со лба, разогнуть спину и снова берется за вожжи, лишь пересядет с одной качалки на другую. К концу дня так наломается, что, бывает, едва ноги несут. А вечером наезднику опять в конюшню. Хоть ненадолго, а надо зайти проверить, посмотреть самому, все ли в порядке, надеты ли попоны тем, кто жалуется на плечи или круп, не сдернула ли беспокойная кобылка бинт с больной ноги...

Два с половиной десятка классных, породистых рысаков на попечении бригадира тренотделения и его немногочисленных помощников. Каждый рысак стоит дорого, очень дорого. И ценность его далеко не измеряется только рублями или иностранной валютой, в том случае если лошадь покупают зарубежные коннозаводчики, что, кстати, случается все чаще в последние годы. Классный рысак дорог тем, что еще до того, как он появляется на белый свет, о нем, о его будущей судьбе печется много людей — от маститого ученого, автора не одного объемистого труда по селекции, до заводского маточника, пестовавшего, быть может, прадедушек и прабабушек еще не рожденного резвача, так же, как сейчас, не спавшего ночами в ожидании вечного и всегда нового чуда — начала жизни жеребенка.

Эти люди — подлинные энциклопедисты в своей области. Иные из них могут в любую минуту проследить происхождение длинноногого и пугливого стригунка, жмущегося к матери, до его прародителей, живших полтора-два века назад. В конных заводах, в музее коневодства, что расположен в живописном уголке на территории Тимирязевской академии в Москве, можно видеть запечатленных на живописных холстах и на старых фото знаменитейших рысаков — славу русского коневодства, прославленных наездников, приведших их к славе.

Ну, а если наездник — женщина? И не просто наездник, что в наши дни не такая уж редкость, а бригадир, руководитель целого тренотделения?

И еще к тому же эта женщина занимается в своем тренотделении серьезнейшей научной работой, которая лежит в основе ее диссертации на соискание ученой степени?

Тогда ее положение еще ответственней и сложней. Во много раз. Хотя бы потому, что страшно трудно завоевывается признание и авторитет в среде маститых конников. Хотя бы потому, что тема ее научной работы, во-первых, нова,

ИНТЕГ И ВОЖ

Фото А. Бочинина.

смела; во-вторых, таит в себе в случае удачи безграничные возможности дальнейшего научного поиска в области селекции.

Тема диссертации Аллы Ползуновой носит сугубо практический и насущный характер. Человеку непосвященному ее название не много скажет: «Индивидуализация тренинга рысаков с учетом типа нервной системы». Эта тема была подсказана профессором Георгием Георгиевичем Карлссеном, руководителем одной из лабораторий Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства. Пожалуй, оба они, думая о будущей работе, не могли себе представить всю сложность и многотрудность намечаемого эксперимента. Это показала жизнь. Пришлось для начала пересмотреть ранее существовавшую методику определения типа нервной деятельности лошадей, создать более совершенную, основанную на достижениях современной физиологической науки. Потом наступила для молодого диссертанта долгая пора исследований и практики. Пора поездок по конным заводам страны, во время которых велись исследования пугливых и озорных, флегматичных и беспокойных годовалых жеребчиков и кобылок, вовсе не склонных быть объектами экспериментов, отнюдь нет!

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

И одновременно работа в конюшне, на ипподроме. Самая обычная, наездническая, тяжелая — с шести утра до вечера. Сначала помощником бригадира, теперь с недавнего времени бригадиром специального, опытного отделения.

Без практики нет науки. И, наверное, самое это ценное, когда человек, пройдя большую практическую школу, ощущает не вдруг и не сразу настоятельную необходимость, необоримое желание сказать свое, новое слово в избранной им области познания.

Однако откуда пришло все это к наезднице? Фамилию Ползуновых не найти в летописях русского коневодства. Более того, в семье учительницы появление конника, да еще такого убежденного и самозабвенного, казалось бы, вовсе не логично. Старшие сестры и брат вполне нормальные люди, и специальности выбраны ими самые интеллигентные: врач, преподаватель, инженер. А младшая с первого класса школы бредит лошадьми!..

Аркадий Алексеевич Первенцев, конечно, не мог подозревать, когда писал своего «Кочубея», что эта его книга во многом определит судьбу саратовской девчонки, младшей дочки учительницы. Девочка начала читать рано и читала запоем, много. Чем же прельстил ее именно «Кочубей»? Образом лошади, Зайчика, не говоря, разумеется, о прочих героях повествования.

Немного позднее, в эвакуации, в сибирском городе Абакане, старые коневоды-наездники и конюхи местного ипподрома диву давались, глядя на то, как худенькая девочка в очках часами просиживает где-нибудь в уголке на конюшне и смотрит, как холят люди лошадей, как ведут себя умные и красивые животные в своих денниках. Директор ипподрома Тихон Ермилович, уважаемый, маститый зоотехник, удивляясь, как и все, странной привязанности девочки к конюшне, поговорил с ней.

— Любишь лошадей?

— Да, люблю...

— Почему любишь? Читала о них?

— Да, читала...

Девочка с готовностью рассказала, что удалось ей прочесть о лошадях. Здесь был и Лермонтов, и Лев Толстой, и Куприн, и Николай Тихонов, и Аркадий Первенцев...

— Может быть, хочешь почитать серьезные книги о лошади? Правда, трудноваты они. Научные...

— Очень хотелось бы почитать!..

Стал давать Тихон Ермилович девочке специальные коневодческие книги. Думал: полистает и вернет. Так ведь нет — читала, и внимательно. И просила дать что-нибудь еще.

С позволения Тихона Ермиловича начала девочка помогать на конюшне — кормила, чистила лошадей и нисколько их не боялась. С интересом и удивлением наблюдали в конюшне за тем, как юная школьница спокойно и уверенно входила в денник к самым строптивым коням и как те, словно давно были знакомы с девочкой, даже и не пытались прижимать уши, скалиться, вообще пугать нового человека, как это у них заведено.

И вот наконец Алла Ползунова в первый раз села в качалку. Смиреннейшая, старенькая Тушь неторопливо шагала по ипподромной дорожке — первая лошадь Аллы.

...Остались позади годы студенчества в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Пришли большие знания.

И все копился опыт. Богатый и разный. Два мастера, два знаменитых наездника старшего поколения были учителями молодого зоотехника. Каждый по-своему, но оба в равной степени глубоко понимали свою профессию испытателя рысаков. Оба в равной мере были придирчивы и требовательны к юной помощнице, не делая никаких скидок на то, что, мол, девушка, да еще ученая.

Да, пожалуй, так оно и было: буквально на конюшне создавалась диссертация соискательницы ученого звания. Живой, беспокойный и строптивый материал сам входил в тему. Чего стоил, например, эпизод возвращения на беговую дорожку прославленного Приятеля, на которого все махнули было рукой! История эта печальная и поучительная. Рекордсмен, победитель во многих крупнейших соревнованиях, поражавший бегом исключительной красоты, норовистый и нервный Приятель потерял своего пестуна, человека, который любил и знал эту необычайно резвую и трудную лошадь, как только можно любить и знать друга. Внезапно умер А. В. Зотов, замечательный мастер. И долго никто не мог после него найти подход к Приятелю. Рысак, что называется, отбился от рук. Стал злым, истеричным, непокорным. Выезжать на нем на дорожку ипподрома стало делом большого риска.

И вдруг великолепный рысак снова появился в программе больших соревнований. Зрители снова увидели его изумительный бег. И снова, как в былое время, он был первым у финиша!

Кто же ехал на нем? Почти никому не известная молодая наездница Алла Ползунова. Зрители жарко аплодировали возвращению любимца рысака. И, конечно, только наездница знала, чего стоило это возвращение. Надо бы, наверное, целый роман писать о том, как больное, угрюмое могучее животное постепенно, со дня на день приходило в себя, как человеческая забота и ласка, главное же, бесконечное терпение и понимание сделали несчастного строптивца снова бойцом.

И этот эпизод был лишь крупицей опыта, экспериментом. Сколько было потом еще других, пожалуй, еще более сложных, экспериментов! Так уж повелось, что бригадир опытного отделения сама отбирает на конных заводах наиболее сложный по характеру молодняк, и к этому привыкли и охотно отправляют Алле Михайловне трудных в тренинге двухлеток: она найдет подход, справится.

Впрочем, слово «эксперимент», которое мы употребили, мало подходит в данном случае, хотя речь идет о материале для научной работы. Это слово слишком холодно и казенно. Надо побывать на конюшне, в опытном отделении, побыть там, послушать, как разговаривает тренер-испытатель с лошадьми, как те вслушиваются — нет, не в смысл слов, конечно,— в интонацию человеческой речи. Как красивые и мощные животные, вовсе не мирные, стихают и словно бы чувствуют себя виноватыми, когда звучит укоризна, или приободряются и по-своему, но очень выразительно бывают довольны, слыша ласку в знакомом голосе.

Справедливость и внимание, очень чуткое и постоянное,— вот что помогает хозяйке опытной конюшни справляться с характерами, порой демоническими, как у капризнейших американок Лары-Кид и Лимы, или упрямыми и угловатыми, как у той же Катьки... Нет, Алла Ползунова не очеловечивает животных. Она просто дружит с ними, уважая в каждом его восприятие явлений ласкового и хмурого, трудного и увлекательного мирка, в котором живет резвая, страстная в борьбе призовая лошадь.

И помощники у Аллы подобрались интересные, похожие во многом на своего бригадира. Та же привязанность к рысакам. Что бы иное могло заставить Эдика Тамбиева, студента-филолога Московского университета, работать в конюшне простым конюхом? Много тут не заработаешь, зарплата маленькая, а работа тяжелейшая. А стоит только заговорить о лошадях с Димой Мигуновым, студентом-выпускником сельхозинститута,— сразу поймешь: перед нами подлинный эрудит, энциклопедист-конник, который готов рассуждать о лошадях хоть до утра! Или Витя Полднев. У парня золотые рабочие руки, и, конечно, он мог бы без труда найти себе спокойную, с высоким заработком работу, чтоб не надо было вставать затемно и не ломать спину до темноты.

Никто из этой комсомольской, дружной братии не уходит из конюшни и не собирается уходить. До чего же хорошо им вместе, будь хоть все стихии в лицо! Заслушаться можно, как в недолгие минуты передышки, когда убраны и накормлены кони, дискутируют в тесной амуничной ребята, среди вожжей, недоуздков и попон. О чем только не спорят! От насущнейших проблем современной физики до футбола и шахмат. Все ведь это начитанный и думающий народ! И суждения, разумеется, звучат самые дерзновенные и безапелляционные.

Бригадир подойдет, послушает, о чем идет речь. И сама ворвется в спор. На много ли старше? Еще не забыты студенческие годы.

Вечера у бригадира свои. Поздние вечера, после последней уборки на конюшне. Тогда приходит пора книг и музыки. Книг так много у молодого бригадира, что большая их часть давно перекочевала из комнаты на стеллажи, в переднюю. Музыка звучит ранним утром и поздним вечером, до сна. Редко удается Алле побывать в Большом зале консерватории или другом концертном зале. Времени нет. Но быть с музыкой, работать под нее, читать, отдыхать помогает радио. Без музыки она не может. Это у нее с детства. Ведь ходила когда-то в музыкальную школу, родные думали: будет в семье своя пианистка, способности, говорят, незаурядные.

Но вот стала конником.

* * *

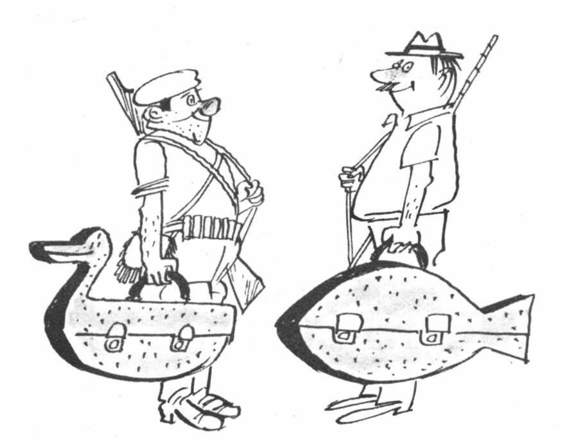
...Судейский колокол зовет на старт. Сейчас, через несколько минут, начнется бег.

Бросится ветер навстречу, тугой и свежий. Тут уж не зевай! Пусть, обгоняя, рвется вперед храпящий в азарте жеребец. Пусть. Не отпустить соперника далеко, а там — легкий посыл вожжами — и мимо!..

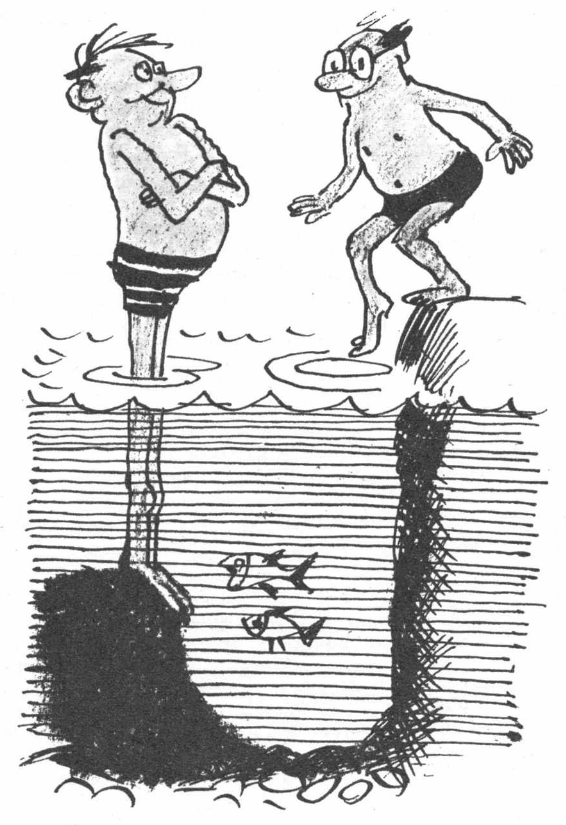
Без горячего сердца спортсмена нечего делать на беговой дорожке ни человеку, ни лошади.

И стоит посмотреть в такие минуты на молодую наездницу Аллу Ползунову. Никак не поверишь, что это тот же человек, с которым вы час назад говорили об интегралах и законах физиологии. Губы сжаты твердо, энергично, глаза горят... Вперед!

Да, странные нынче пошли ученые. Хорошо, что они такие!..

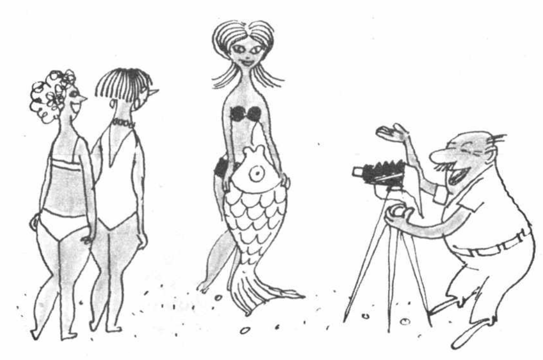
В отпуск...

— Смелее, здесь мелко...

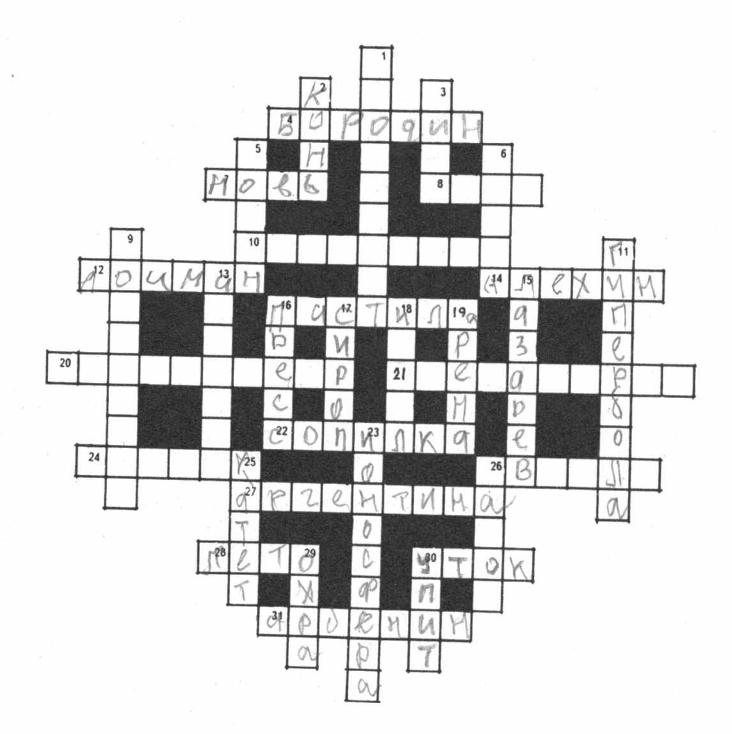

— Раки хороши к пиву...

— Следующая...

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский композитор. 7. Роман И. С. Тургенева. 8. Пушной зверек. 10. Цветок. 12. Специалист по проводке судов. 14. Русский шахматист, чемпион мира. 16. Кондитерское изделие. 20. Прибор для измерения величины механической силы. 21. Хохлатая синица. 22. Украинский духовой музыкальный инструмент. 24. Мелкая промысловая рыба. 26. Бобовое растение. 27. Государство в Южной Америке. 28. Время года. 30. Поперечные нити ткани. 31. Действующее лицо драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад».

По вертикали: 1. Город в Ленинградской области. 2. Шахматная фигура. 3. Металл. 5. Квант света. 6. Приток Иртыша. 9. Опера М. П. Мусоргского. 11. Намеренное преувеличение. 13. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 15. Южный мыс Камчатки. 16. Машина для обработки материалов давлением. 17. Концентрированный раствор сахара. 18. Река в УССР. 19. Площадка для цирковых представлений. 23. Верхняя часть газообразной оболочки Земли. 25. Сторона прямоугольного треугольника. 26. Покрой, форма платья, обуви. 29. Природная минеральная краска. 30. Народный писатель Латвийской ССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 25

По горизонтали: 7. Пианино. 8. Поярков. 10. Черника. 11. Новак. 13. Почка. 14. Шрифт. 16. Гашетка. 17. Антонов. 18. Статист. 20. Насадка. 22. Олень. 23. Корма. 25. Нарев. 27. Селигер. 29. «Разгром». 30. Фуражка.

По вертикали: 1. Пенька. 2. «Ионыч». 3. Скопа. 4. Карузо. 5. «Дипломат». 6. Фольклор. 9. Энциклопедия. 12. Катерина». 13. Патиссон. 14. Шапито. 15. Тарань. 19. Тротуар. 21. Клеенка. 24. Мургаб. 26. «Алмаст». 27. Стопа. 28. Раунд.

На первой странице обложки: На автомобильных магистралях Московской области службу регулирования ведут сотрудники ГАИ с вертолетов.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Жонглеры-акробаты Светлана Инякина, Анатолий Тесленко и Сергей Стогов.

Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

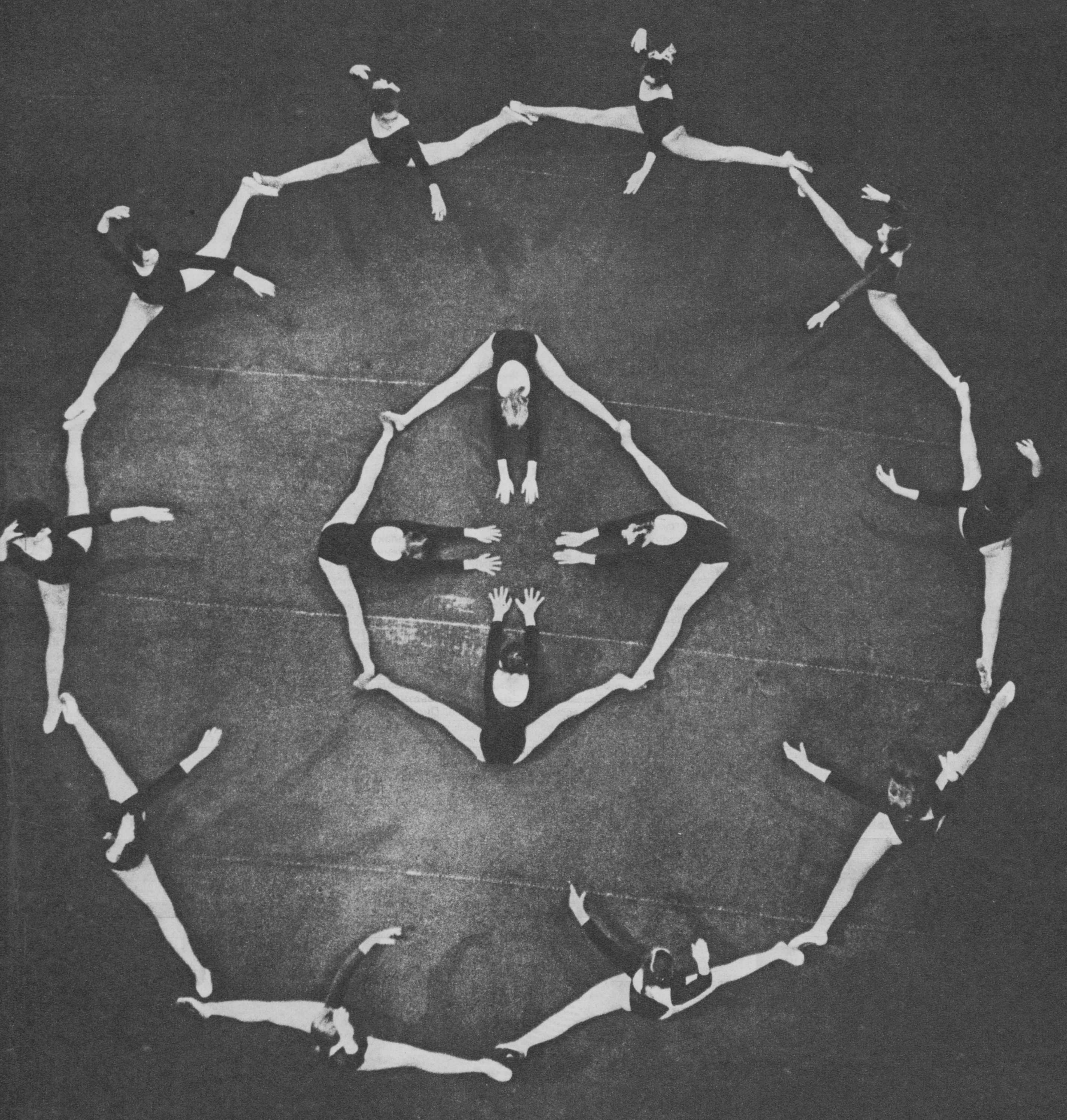
Оформление Л. И. Шумана

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 8/VI-71 г. А 00574. Подп. к печ. 22/VI-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1328. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1414.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ТАК НАЧИНАЕТСЯ ЦИРК...

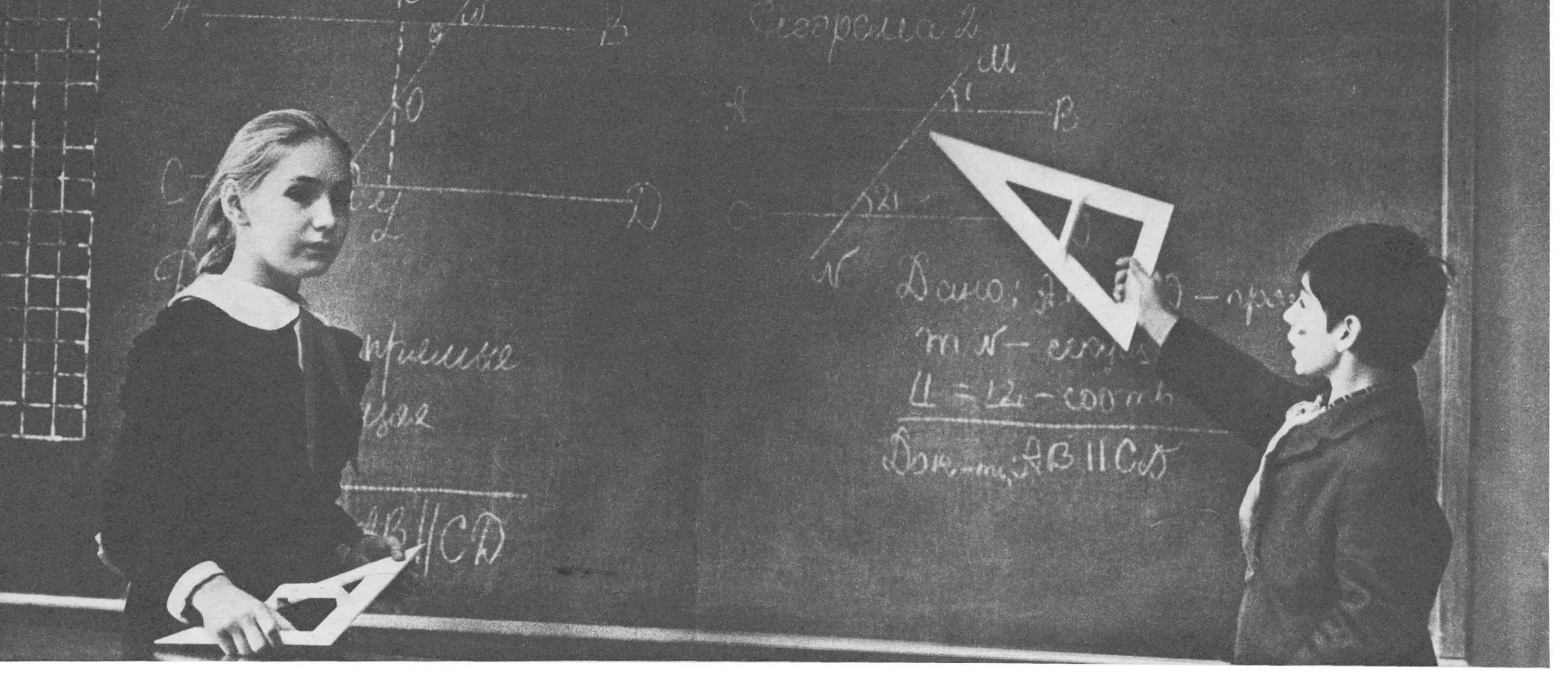
Интервью «Огонька»

Рассказывает директор циркового училища **А. ВОЛОШИН**, заслуженный деятель искусств РСФСР

Фото **А. НАГРАЛЬЯНА.**

Вот этим, что вы видите на снимках, и начинается знаменитый, на весь свет прославленный советский цирк. Видите же вы цирковое училище, впервые в мире созданное в нашей стране более сорока лет назад. Сегодня оно хорошо известно и за рубежом.

Ни у кого теперь нет сомнения в той значительной роли, которую училище сыграло в развитии искусства манежа. А ведь сначала идея создания такого училища рождала жаркие споры и дискуссии даже в артистической среде... Специфика цирка, освященная традицией, требовала семейного обучения — передачи секретов мастерства от поколения к поколению, от отца к сыну. Так, мол, было всегда, только так и быть должно. Сторонники же обучения и воспитания творческих кадров, думая о будущем, понимали, что нужно разорвать узкий, кастовый круг племени циркачей. Они смотрели дальше. Они хотели видеть артистов цирка не только виртуозами, но и широко образованными людьми. Они мечтали, чтобы цирк занял достойное место в семье высоких искусств. Дальнейшие события подтвердили их правоту.

Марина Петрова и Женя Рухманов на уроке геометрии.

Конечно, училище стало таким, как сейчас, не сразу. Были долгие поиски.

А теперь училище работает так: в детские группы физкультурно-акробатического отделения принимают ребятишек, окончивших четыре класса школы; срок обучения здесь — семь лет. За это время ребята не только осваивают основную, цирковую профессию, но, как все школьники на свете, изучают литературу, математику, физику, химию... И как бы виртуозно ни владел ученик сальто или пируэтом, это не спасет его, если он не будет знать, скажем, закон Паскаля...

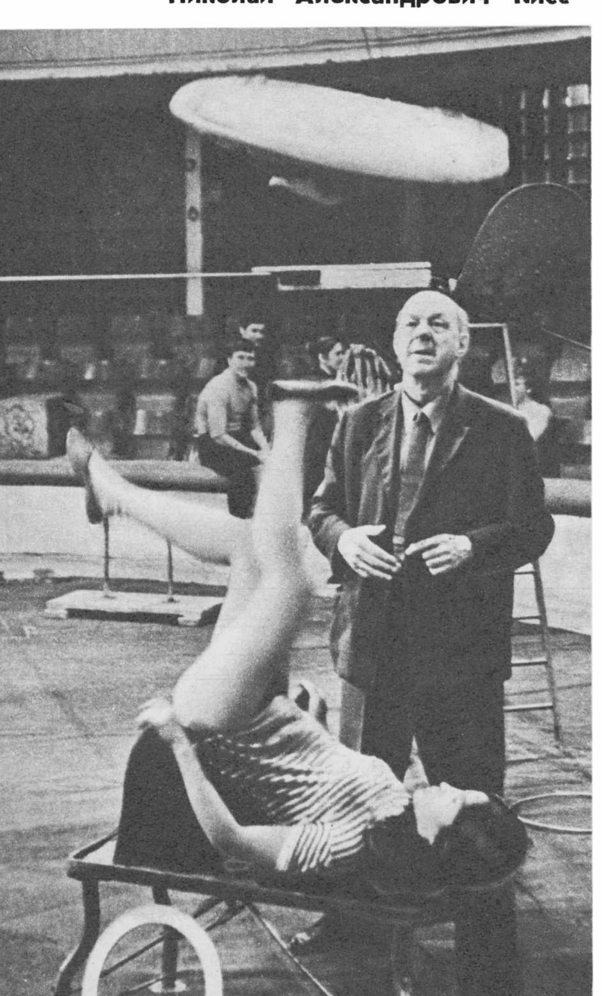
Поступает сюда, так же как на отделение клоунады, речевых и музыкально-эксцентрических жанров, молодежь и постарше: юноши и девушки, окончившие 8—10 классов. Они учатся четыре года. Балет и музыка, теория и история цирка и эстрады, помимо всех других практических занятий, обязательны.

Стены училища выпускники покидают с готовыми самостоятельными номерами, а иногда даже включаются в уже работающие номера: столь высока профессиональная подготовка. Подчас из стен училища выходят номера мирового класса: к ним смело можно причислить, например, воздушный полет «Галактика», подготовленный заслуженным артистом РСФСР Ю. Мандычем.

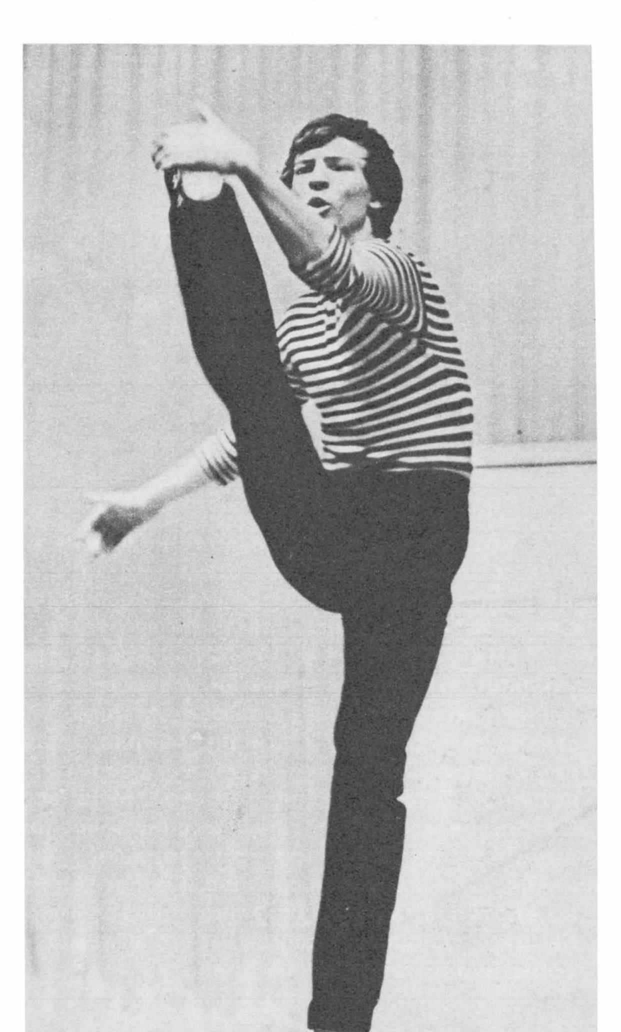
По примеру нашего училища возникли различные цирковые учебные заведения в Болгарии, Венгрии, Монголии, ГДР, Польше, Чехословакии... Мы охотно принимаем оттуда молодежь в число своих студентов. В нынешнем году дипломы артистов получила большая группа одаренных вьетнамских девушек и юношей. Письма с просьбой поделиться опытом, дать консультацию приходят отовсюду — даже из Австралии. И редкий день обходится у нас без иностранных гостей.

Многие из тех кто составил нынешнюю славу советскому цирку, вышли из стен училища... В год, когда его оканчивал Михаил Румянцев,— знаменитый в будущем Карандаш,— только родился Олег Попов... И кто знает, может быть, сегодня в Москве, на 5-й улице Ямского поля, к зданию с высоким куполом и вывеской «Государственное ордена Трудового Красного Знамени училище циркового и эстрадного искусства» подойдет и откроет дверь будущий Виталий Лазаренко...

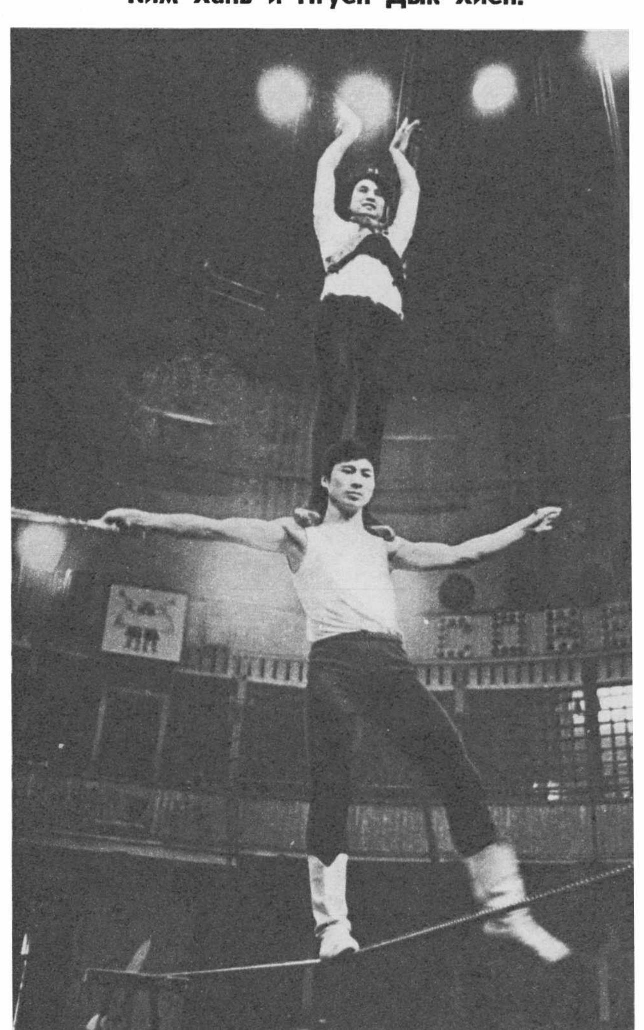
Старейший педагог училища Николай Александрович Кисс

Комический танцор Анатолий Горбачев

Эквилибристы на проволоке: Ле Тхи Ким Хань и Нгуен Дык Хиен.

Наташа Кискина учится на физкультурно-акробатическом отделении.

Выпускники эстрадного отделения Евгений Коненгисер и Вячеслав Унтштеллер.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.